

Кувабара Мизуна, «Призрачное пламя» 12
Перевод с японского: Katinka
Редакция: Fox_tail

ИМПЕРАТРИЦА ПРИБРЕЖНЫХ ВОД

ЧАСТЬ 3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 19	КРИК.....	2
Глава 20	ВЕРНУТЬ ЖЕМЧУЖИНУ ПРИЛИВА	9
Глава 21	ВИРТУАЛЬНЫЙ БОЙ.....	20
Глава 22	ГНЕВНОЕ МОРЕ, СЕРДИТЫЕ ВОЛНЫ	33
Глава 23	ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРАБЛЯ	45
Глава 24	ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ПЛАМЯ	52
Глава 25	И СНОВА ИЦУКУСИМА.....	64
Глава 26	ПОЛЁТ ЯН ГУЙФЭЙ.....	75
Эпилог	НЕСКОНЧАЕМЫЙ СОН	83

ГЛАВА 19

КРИК

Отчаянный крик пронёсся над алым царством пламени и свежей крови. Такая будто вывернулся наизнанку в этом крике. Позабыв обо всём, он подбежал к Наоэ и притянул его к себе, не переставая звать:

– Наоэ! Наоэ!..

Стоило Такае приподнять его, как из раны на левой стороне груди выплеснулась кровь и с хлюпающим звуком потекла на пол. У Наоэ было пробито сердце.

Кровь продолжала идти, собираясь на полу в большую красную лужу. Такая что было силы затряс его содрогающееся в слабых конвульсиях тело, выкрикивая его имя, как сумасшедший:

– Наоэ! Наоэ! Наоэ!..

В ответ – тишина. Наоэ бессильно обмяк на руках Такаи, его губы от шока сотрясала мелкая дрожь. Он приподнял опущенные веки и посмотрел вверх.

На секунду их взгляды встретились. Наоэ шевельнул губами, будто хотел что-то сказать... Это и был конец. Его голова упала Такае на грудь, и больше он не шевелился; вся сила ушла из его мышц.

Такая распахнул глаза. Мысли остановились. Он смотрел на Наоэ, который только что перестал дышать, уронив голову ему на грудь, опустив ресницы...

Тэрумото умер, как только нажал на курок, – не выдержал отдачи, но Такая даже не обернулся в его сторону. Прекратившее функционировать тело оттягивало руки, кровь Наоэ пятном расплзлась по белому кимоно. Такая сидел, не шевелясь, и смотрел на него не моргая; его зрачки застыли на месте. Пересохшие губы беззвучно прошептали имя... Ни одно другое имя за последние четыреста лет он не произносил так часто. Вот он произнёс его снова – и замолчал.

В Наоэ стреляли... В Наоэ стреляли, а потом он...

– Сабуро-доно!

Котаро, наконец, отыскал их среди огня. Увидев монаха, он напрягся.

– Райрю...

Тот резко обернулся, отрываясь от захватившей его внимание сцены, и потянулся к силе. Котаро мгновенно принял боевую стойку.

– Сабуро-доно!.. – снова закричал он, и тут его голос оборвался.

Такая сидел сгорбившись, обнимая бездыханное тело Наоэ – крепко, очень крепко, надеясь обнаружить хоть малейшую искру жизни, но тщетно; всякая жизнь покинула его.

– Наоэ...

Вполголоса оброненное слово было исполнено такого чёрного отчаяния, что Райрю и Котаро позабыли о своём желании сражаться. Такая потрясённо обнимал Наоэ – тело всё ещё было тёплым, липкая кровь всё ещё вытекала из раны в груди. Окутанный её резким, металлическим запахом, Такая снова пробормотал прерывающимся голосом:

– На...о...

Он ещё не до конца осознал, что именно произошло у него на глазах. Уста, которыми мгновения назад Наоэ изливал свои чувства, были неподвижны. Даже легчайшее дыхание не вырывалось из его груди. Такая сжал его безвольные пальцы, надеясь пробудить хоть какой-то отклик, но в мышцах больше не было силы – осталось только слабое, исчезающее с каждой секундой тепло.

Такая застыл, уставившись в пространство. Он сделался так пугающе, леденяще неподвижен, словно жизнь вытекла и из него. Котаро хотел подойти к нему, когда услышал, как Такая бормочет:

– Что... это...

Его глаза были широко распахнуты, голос прерывался.

– Что... это... такое...

Тело, тяжело обмякшее на руках; яркая кровь, липнувшая к пальцам; щека, прижавшаяся к его груди; полуоткрытые губы, неподвижные веки, волосы...

– Дурной сон... – машинально пробормотал Такая и снова посмотрел на Наоэ. – Пора бы уже и проснуться, а?.. – его расфокусированный взгляд скользнул по безмолвствующим губам. – Я не хочу больше видеть этот сон... Пожалуйста, можно я проснусь?..

Но Наоэ по-прежнему лежал без движения и не откликнулся, сколько бы Такая не звал его.

– Наоэ... – надломленный голос, остановившийся взгляд. – Наоэ!..

Котаро смотрел на них, как зачарованный. Такая поднял откинувшуюся голову Наоэ и прижался щекой к его щеке, всё ещё хранившей остатки тепла.

– Отвечай мне... – умоляюще зашептал он ему на ухо. – Я хочу проснуться, не хочу больше видеть этот сон... Спаси меня, Наоэ!.. Верни меня... скорее, верни меня к реальности... – его немигающие глаза пересохли от долгого глядения в пустоту. – К реальности... – тело остывало, последнее тепло вот-вот должно было исчезнуть навсегда. – К реальности, в которой ты есть...

Эти опущенные веки никогда больше не поднимутся. Эти глаза никогда больше...

– Хочу... вер... ну...

Слёзы выступили на глазах Такаи. Всё, на чём стояло здание его души, – разум, логика – начало распадаться, рушиться с ужасающим грохотом.

– А... а...

Внезапно пространство прорезали мощные плазменные вспышки. Во все стороны от Такаи побежали электрические разряды. Сгустки высокого напряжения – ветвящиеся, хаотичные – зазмеились в воздухе.

Райрю и Котаро непроизвольно пригнулись, пытаясь защититься от беспорядочных энергетических ударов. Налетел ветер, оживил пламя, пламя закрутилось в водоворот. Огромная сила, вырвавшаяся из тела Такаи, начала раздуваться на глазах – это была нечеловеческая, неуправляемая, опасная сила, сулящая гибель всему живому.

– А-а-а-а-а...

Такая полностью потерял контроль над собой.

– А-а-а-а-а!!

Захлестнувшие его чувства выплеснулись в крике, и этот крик – крик души – нёс в себе разрушение.

«Он сходит с ума!..»

Котаро всем своим существом ощущал опасность.

– Сабуро-доно!..

Высокий, пронзительный крик нарастал, поднимался к небесам – и небеса разверзлись, обрушив на землю великое бедствие.

– Что это?..

Киккава Мотохару находился на пляже Кикугахама, когда со стороны замка снова донёсся грохочущий звук.

– Что такое?.. – обернулся он и обомлел.

Перед его глазами разворачивалась страшная картина. Земля, на которой стоял когда-то замок Хаги, задрожала, покрылась трещинами и вздыбилась, распираемая неведомой силой, словно под ней рождалась новая гора.

Волна горячего воздуха докатилась до пляжа и ударила по людям, лишая их возможности дышать. Мотохару вскрикнул, заслоняясь от посыпавшегося сверху песка и обломков. Подняв глаза, он увидел, как пламя, разгоревшись больше прежнего, закручивается в вихрь и взбирается в ночное небо.

– А!..

Поглотив и драконов, и сражавшихся с ними бодхисаттв, огненный смерч принялся сам бесчинствовать в воздухе, подобно огромному живому чудищу. Отравляя небо, искривляя землю... Это бедствие не шло ни в какое сравнение с тем, что натворили драконы – оно было куда более разрушительным и совершенно неуправляемым.

– Да что же это, чёрт возьми!..

Центр урагана находился над замком Хаги – без сомнения, там что-то произошло, что-то из ряда вон выходящее...

«Постойте, – подумал Мотохару, – это же... крик!..»

Мотохару слышал его – нет, чувствовал всем телом. Разрывающий плоть, сминаящий душу крик ворвался в его сознание, грозя свести с ума. Кто же это кричит так отчаянно и страшно?..

Мотохару взвыл и схватился за голову. Это невыносимо, его разум сейчас просто не выдержит!..

– Мотохару-сама-а!.. – звал Кутиба с причала, о который бились свирепые волны. – Опасно!.. Садитесь скорее, плывём на «Ямато»!..

– Тэрумото!.. Он всё ещё в замке!..

– Он не мог выжить в этом пекле! – кричал Кутиба сквозь шум. – Если погибнете и вы, Мори уже ничто не спасёт! – он подскочил к Мотохару и силой усадил его в катер.

– Нет!.. Пусти!.. Тэрумото!.. Тэрумото!..

– Мотохару-сама!

Вассалы затащили его внутрь, и Кутиба отдал приказ отчаливать. Катер тронулся с места и поплыл, рассекая бушующие волны, к выходу из залива, где их ждал «Ямато».

В горящем небе снова грохнуло. Пласты раздробленной на тысячу осколков земли взметнулись в воздух. Страшное землетрясение потрясло окрестности, полностью обрушив южный склон Сизукиямы; обломки скал вместе с покрывавшей их почвой поднялись, словно засасываемые неведомой силой; тысячи деревьев вспыхнули и исчезли в огне.

То была картина ада, ибо не может подобное происходить на этом свете. Огромный пылевой смерч поднялся в небо. Земля треснула, просела, и тут же огонь устремился в разлом, сметая всё на своём пути. В считанные минуты парк Сизуки был разрушен.

– Что произошло?! Что?!

И тут в сознании Мотохару снова всплыли сказанные Наоэ слова.

Его способность к разрушению не знает границ.

«Не может быть...»

Лицо Мотохару исказилось неподдельным ужасом; его пробила леденящая дрожь. Он поднял испуганный взгляд к пылающим небесам и пробормотал:

– Кагэтора... Неужели это ты?..

Человек не способен сотворить такое, и не важно – Ходзё он или Уэсуги, друг или враг. То, что представляет собой Кагэтора, не выразить этими словами. Он ужасен... Он монстр, чьё призвание – внушать людям страх...

– Ты чудовище, слышишь?! Чудовище!..

Сила Кагэторы вышла из берегов, и рядом не было никого, способного остановить этот потоп.

Такая сидел на коленях в самом эпицентре огненного урагана. Его руки обнимали мёртвое тело Наоэ, а в широко распахнутых, остановившихся глазах отражалось только безумие.

Райрю куда-то исчез – то ли сбежал, то ли погиб в огне, так, что и следа от него не осталось.

– Сабуро-доно!..

Котаро кое-как держался, последними усилиями поддерживая над собой защитный купол, пытаясь докричаться до Такаи, заставить его опомниться... Но всё было тщетно.

Город Хаги погибнет. Не просто погибнет – исчезнет с лица земли. Если это не прекратится, весь остров в дельте реки взлетит на воздух.

«Не делайте этого, Сабуро-доно!..»

Но Такая не помнил себя. Его неисчерпаемая сила вышла из под контроля, неся с собой разрушения, итог которых невозможно было предугадать. Покрывая разломами землю, нарушая ток глубинных энергий... И не было никакого, совершенно никакого способа его остановить.

«Он убьёт всех!..»

– Сабуро-доно!..

Я буду с вами. Всегда.

Голос, который не слышен. Сердце, которое не бьётся.

Я никогда больше вас не покину. Я не умру, пока вы сами меня не убьёте.

Ты обещал мне. Ты поклялся. Эта клятва, верил я, и есть последняя, самая нерушимая истина... Я верил, что ты не умрёшь, не оставишь меня одного... Ты поклялся мне в этом, Наоэ!..

Но вот пришла смерть, заключила его в объятия, и торопится отнять последнее тепло. Такая силился помешать ей, согреть Наоэ собственным телом, но смерть, смеясь над этими жалкими попытками, уводила его всё дальше и дальше.

«Нет!..»

А пламя, между тем, подобралось к Такае вплотную. Он обнял Наоэ ещё крепче; слёзы покатались по его щекам.

– Не-е-ет!!!

Горячий ветер взлохматил волосы, опалил кожу. Холодной была только кровь, пятном темнеющая на груди.

Шёпот над ухом... Он до сих пор слышал его, так явственно, так отчётливо... Всё было так реально – и руки, сжавшие его в объятиях, и пальцы, до боли впившиеся в тело, и жар плоти... Эти чувства жгли его, словно свежее клеймо, словно печать – на плечах, на спине, в сердце...

Я люблю вас!

Этот голос словно отпечатался на барабанных перепонках. Болезненное признание, приговор, который Наоэ вынес самому себе, его умытая кровью правда... И он говорил это всего несколько мгновений назад!..

Такая начал кричать, без слов, выдавливая из себя звуки. Его дух взорвался, мысли разлетелись мелкими осколками, разум отключился, и его собственная разбушевавшаяся сила готова была накинуться на него, чтобы сжечь дотла. Его ждала неминуемая смерть, но Такая не замечал опасности.

Мозг кипел, клетки разрывались, кровь в венах поворачивала свой ток, норovia выплеснуться наружу.

– А-а-а-а!!!

Пламя распространялось дальше, гудя, словно огромная газовая горелка. Гигантский костёр, в который превратилась территория замка Хаги, начал разбрасывать искры на близлежащие улицы. Горожане заметались в панике, спасаясь от огненного дождя.

Не выпуская Наоэ из рук, Такая запрокинул голову к небу. Его чувства накалились до предела, и сознание стало стремительно меркнуть, а тело начало испускать оранжевый свет, похожий на ауру светлячка – это распалась на части его оголившаяся душа.

Наконец, крик смолк, растворившись в шуме урагана. Такая тяжело опустил веки. Пламя накрыло их с Наоэ, и они потонули в его разрушительных волнах.

– Нет!.. – закричал Котаро. – Сабуро-доно!.. Сабуро-доно!..

Внезапно налетел резкий ветер. Огонь, чуть было не поглотивший Такаю, начал терять напор под действием неизвестной силы.

«Что это?..»

Котаро почувствовал давление сверху и увидел, как языки пламени испуганно съеживаются, прекращая дикую пляску. Пространство озарилось белым светом – он нёс в себе свежесть и прохладу родника, вливаясь в поток грязных эмоций, очищая и успокаивая его. Котаро в изумлении поднял голову.

В небе парил дракон. Не огненный – другой, гораздо крупнее. Великолепный дракон, светящийся белым, с блестящей глянцевой чешуёй и тёмно-зелёными глазами, завис в воздухе над Такаей, извиваясь всем своим длинным телом.

Котаро знал, кого видит перед собой.

– Господин... Удзиясу...

Родной отец Кагэторы, Ходзё Удзиясу в облике дракона явился перед теряющим разум и сознание сыном во второй раз. Дракон посмотрел на Котаро, склонил голову в подобии кивка, и повернулся к Такае. Окружавшее того пламя и горячий ветер, соприкасаясь с белым светом, слабели на глазах.

Удзиясу протянул свои толстые, словно древесные стволы, руки к Такае, который, наконец, выпустил тело Наоэ и начал заваливаться на спину, падая прямо в подставленные лапы дракона. Так Кагэтора, без сознания, очутился в объятиях отца.

– Господин Удзиясу...

Котаро потрясённо смотрел, как серебристо-белый дракон, извиваясь, взмывает в небо с Кагэторой на руках, а потом подошёл к оставшемуся на земле телу. На всякий случай проверил пульс и дыхание – ничего. Наоэ был окончательно, по-настоящему мёртв.

– Наоэ... – прошептал Котаро и закрыл глаза. Предводитель клана Фума, повидавший на своём веку множество смертей, ни одна из которых не затронула его сердце, замер, преклонив колени, словно возносил безмолвную молитву; болезненные морщины пролегли у него на лбу. Затем он медленно поднялся, достал из-за пазухи пузырёк с ритуальным маслом и опрокинул его над телом.

Снова подул ветер, раздувая притихшее пламя. Пора было идти, вокруг становилось опасно. Котаро поднял с земли головёшку и поднёс к телу; масло вспыхнуло зелёным огнём. Так в роду Фума было принято сжигать мёртвых. Кости рано или поздно подберёт полиция... Кагэторе их лучше не видеть, он этого не вынесет.

Котаро поднял голову и встретился взглядом с Удзиясу. «Следуй за мной», – услышал он безмолвный приказ. Потом дракон изогнулся, развернулся и начал набирать высоту.

Небеса над Хаги всё ещё горели в алых отблесках огня. Над измученной ураганом, покрытой страшными ранами землёй эхом разносился непрерывный вой сирен.

Мотохару стоял на палубе «Ямато» и потрясённо смотрел на густой дым, поднимающийся над замком Хаги. Небеса в огне, разлетающиеся во все стороны искры...

«Тэрумото...»

Мотохару сжал кулаки, обводя тяжёлым взглядом силуэт Сизукиямы. Его вассалы собрались вокруг и тоже смотрели в сторону берега с вытянутыми лицами.

– Хаги...

– Наш замок...

Услышав их полные отчаяния голоса, Мотохару вцепился руками в корабельные поручни.

– Что теперь, Мотохару-сама? – спросил Кутиба у него за спиной.

Мотохару сделал глубокий вдох и медленно, с расстановкой произнёс:

– Идём на Ицукусиму.

Все головы повернулись к нему.

– «Ямато» возьмёт курс к побережью Инносимы.

– Мотохару-сама...

– Там мы соединимся с Такакагэ, подберём бойцов в Курэ, и нападём на Ицукусиму, как и намеревались.

«О-о-о!» – раздались отовсюду взволнованные возгласы, превратившиеся вскоре в радостные крики. Слово «Ицукусима» передавалось из уст в уста. Людям Мори, потрясённым потерей их крепости, заявление Мотохару подарило новую надежду.

– Всё-таки решили идти?

– Мы потеряли замок. Нам некуда возвращаться – пути к отступлению нет, поэтому пойдём вперёд. Будем сражаться.

«Ради чего?..» – шепнул внутренний голос, и Мотохару стиснул зубы. Мори Тэрумото погиб. Какой смысл ему, Мотохару, сражаться теперь? Зачем, ради кого? И всё же взгляд, который он устремил в морскую даль, был твёрд и полон решимости как никогда.

– Мори живы, – сказал Мотохару, обращаясь к своим вассалам, но ещё больше – к самому себе. – Мори живы, пока жив я. Они живы, здесь и сейчас, и ради них, под их знамёнами я буду сражаться.

Знамя Мори – единица и три звезды – развевалось под порывами ветра. «Ямато» разразился гудком. Этот звук, подобный львиному рёву, разнёсся далеко по просторам моря. Мотохару обвёл взглядом чёрные воды и взмахнул правой рукой.

– Курс на Ицукусиму! Полный вперёд!

Голоса вассалов слились в один радостный клич. Призрачная громада линкора тронулась с места, медленно разворачивая нос, прочь от Хаги с его красным заревом, и направилась в открытое море, уверенно двигаясь по штормовым волнам.

Цукумогами «Ямато», с Мотохару и его людьми на борту, шёл к Внутреннему морю, где его ждал решающий бой.

Ночь истекла наполовину, когда Хаккай, наконец, смог увидеть своими глазами, во что превратился замок Хаги.

«Невероятно...»

Расставшись с Аяко у пещеры Сюхо, Хаккай прибыл в Хаги во второй половине предыдущего дня и сразу почувствовал, что в городе творится неладное. Заметил он и мощный барьер, раскинувшийся над центром. А внутри барьера оказалось столько соглядатаев, что даже ходить по улицам было опасно, не говоря уже о том, чтобы рассылать мысленные сигналы. Волну могли засечь, и это выдало бы врагу его местоположение. Лишённый свободы передвижения, он прятался по углам и закоулкам, пока не закончился день, и закончился он совершенно бесплодно. Единственное, что удалось Хаккаю – это вычислить опорные точки треугольного барьера, которыми оказались родовые храмы Токодзи и Дайсёин, а также замок Хаги. Кагэтора и Наоэ должны были находиться в одном из этих мест. Но прежде, чем Хаккай успел приступить к действиям, случилось извержение Касаямы. То, что последовало дальше...

«Надеюсь, Кагэтора-сама не пострадал...»

А потом всё кончилось; ещё через несколько часов Хаккай смог попасть в замок. Огонь к тому времени был почти полностью потушен, но то, что открылось взору после этого,

ужасало. Склон горы обрушился, лес выгорел дотла, от фундамента старого замка не осталось камня на камне. Земля местами провалилась, местами вздыбилась, обнажая скалистые породы – как будто двигалась земная кора. Передняя оконечность треугольного острова наполовину ушла под воду, полностью изменив ландшафт.

Повсюду суетились люди – полицейские и пожарники. Посторонним проход к месту происшествия был запрещён.

Хаккай ощущал остатки мысленной волны, очень сильной – настолько сильной, что голова начинала раскалываться, стоило опустить защиту.

«Это было вызвано ничем иным, как человеческим чувством...»

Тот крик души, который он почувствовал всем своим существом... Хаккай был уверен, что он принадлежал Кагэторе. Чья ещё сила могла вызвать столь ужасающие разрушения?

«Только бы удостовериться, что с ним всё в порядке...»

Вдруг из глубины оцепленной территории раздались крики. Что-то произошло... Кажется, обнаружили тело. Хаккай растолкал толпившихся вокруг людей и прошёл внутрь.

– Эй! Туда нельзя!

– Носилки, быстро!..

– Где одеяло?..

Не обращая ни на кого внимания, Хаккай пробирался дальше, пока не увидел тело, лежащее на земле. Труп настолько обгорел, что невозможно было понять, кому он принадлежит – мужчине или женщине. Но Хаккай, вместо того, чтобы отвернуться, впился в него изучающим взглядом.

Телосложение мужское. С левой стороны груди – отверстие, похожее на пулевую рану.

«Неужели...»

Разведчик похолодел. Он подумал, что это мог быть Такая, принимая во внимание телосложение и рост... Но потом понял свою ошибку. Да, обгоревшее тело должно было уменьшиться в размерах, но даже с учётом этого – роста в мужчине было около ста семидесяти, плюс-минус несколько сантиметров. Гораздо ниже Такаи, и тоньше в кости.

«Нет. Это не может быть ни один из них».

Хаккай огляделся по сторонам. Вокруг стояла суета. Он поискал глазами другие трупы, но поблизости ничего такого не разглядел. Да и неудивительно. В том пламени, что бушевало здесь, они могли сгореть до костей, провалиться в трещину, вообще испариться, так, что и следа не осталось...

«Кагэтора-сама...»

Хаккай двинулся вперёд, проверяя под обломками, заглядывая в разломы. Он ходил кругами, разыскивая следы пропавших, пока не споткнулся обо что-то и едва не упал.

– А-а...

Хаккай посмотрел под ноги и увидел, обо что именно споткнулся. Это были чьи-то почерневшие рёберные кости. Рядом лежал череп, такой же чёрный от копоти.

Тут его охватила невыразимая тревога. Куда они исчезли? Он искал повсюду, но ничего не нашёл. Неужели их нет больше на этом свете?

– Кагэтора-сама!.. – закричал Хаккай, нетвёрдой походкой двинувшись к морю. Ответа не последовало, лишь свидетельства царившего здесь ада окружали его со всех сторон. Он сделал ещё несколько шагов и упал на колени.

– Наоэ-сама!..

Тогда-то он и увидел этот странный белый свет. Поначалу едва различимый на фоне моря, свет беззвучно поднялся над чёрной землёй, а мгновение спустя начал принимать очертания человека. Хаккай не поверил своим глазам.

«Что это...»

Человек верхом на лошади. Постепенно глаза привыкли к сиянию, и Хаккай смог различить его лицо... Лицо это было ему хорошо знакомо.

Человек, оседлавший Ходзэ Цукигэ¹, смотрел прямо на него. Шлема и брони на нём не было – только белый колпак на голове и длинный меч на поясе. Усы, ясные глаза... Мужчина не отличался крупным телосложением, но шрам на щеке и твёрдый взгляд выдавали в нём воина, прошедшего через множество сражений. То был полководец, генерал в одеждах монаха.

– Не может быть... – пробормотал Хаккай, изумленно глядя на него. Потом, словно под действием рефлекса, распростёрся ниц.

Монах-воин смотрел на него величественным взглядом. Бог войны, сошедший с небес, изливал свой свет на выжженную землю, и тёмное море простиралось у него за спиной.

ГЛАВА 20

ВЕРНУТЬ ЖЕМЧУЖИНУ ПРИЛИВА

Накануне вечером Аяко и Наруми находились на высокогорье Акиёсидай. Они почти добрались до пещеры Тайсё.

– Аяко-сан... Подождите...

Аяко, шагавшая в полной экипировке, обернулась и отыскивала глазами Наруми. Девушка, тяжело дыша, пробиралась между острыми сталактитами далеко позади.

– Как ты? Хочешь отдохнуть?

Закалённая своей работой Аяко была ещё полна сил, в то время как Наруми, изнеженная барышня из богатой семьи, умирала от усталости. Дождавшись, когда девушка её догонит, Аяко опустила рюкзак на землю и включила переносную лампу.

– Где... где мы сейчас?..

– Уже близко, – Аяко развернула карту и сверила направление по компасу. Если её расчёты верны, до пещеры Тайсё оставалось меньше трёхсот метров.

– И всё же, – пробормотала она себе под нос, – не ожидала, что будет так тяжело. Я думала, это как восхождение на невысокую гору, а оказалось гораздо сложнее.

Идти под землёй – совсем не то же самое, что идти по поверхности. Влияния барьера здесь и вправду почти не ощущалось, но пещера ветвилась ходами, подобно лабиринту; обычный человек на их месте давно бы заблудился. Аяко с горем пополам нашла путь, прислушиваясь к советам Наруми и собственному чутью, но потратила на это больше времени, чем рассчитывала. С тех пор, как они спустились под землю, прошло уже двадцать часов.

– А вы хорошо по пещерам лазаете...

– Ну... Умение, как говорится, приходит с годами...

Общие навыки выживания в экстремальных условиях у Аяко имелись. Но как ей, интересно, удалось достать всё это снаряжение?.. Она велела Наруми снять школьную форму и переодеться в раздобытую где-то белую шерстяную кофту, синие штаны и ботинки, а сама взвалила на плечи рюкзак, полный запасов провизии и различного инструмента. Подготовившись таким образом, они отправились в путь – и вот, оказались здесь.

Аяко посмотрела вперёд, прислушиваясь к шуму воды под ногами.

– Скоро мы будем прямо под их лагерем, – сказала она и бросила взгляд на часы. – До полного прилива ещё час. Надо подготовиться...

– Хорошо хоть люди Иккосою наверху пока что нас не заметили.

¹ Ходзэ Цукигэ – конь Уэсуги Кэнсина.

– Откуда ты знаешь?

– Так говорит Ян Гуйфэй.

Аяко прислонилась спиной к сталактиту и подняла на Наруми серьёзный взгляд.

– Наруми-сан... Эта «Ян Гуйфэй», которая у тебя внутри – кто она вообще такая? Не настоящая императрица уж точно...

На лице девушки отразилось замешательство.

– Не пора ли всё мне рассказать? Я и так о многом догадываюсь... Она ведь знала про Кагэтору, знала про Уэсуги. Наверное, она связана с кем-то из генералов Мори?

Наруми помолчала – должно быть, советовалась с подселенным духом, а потом кивнула.

– Она сама вам расскажет. Сейчас я переключу...

Наруми закрыла глаза, а когда снова открыла их, её лицо потеряло юношескую мягкость. На Аяко смотрела взрослая женщина.

– Ты и есть «Ян Гуйфэй»?

– Моё имя – Томо, – сказала женщина спокойным голосом. – Я дочь Кумагая Нобунао и жена Киккавы Мотохару.

– Киккавы Мотохару?.. Погоди... Та самая?..

Томо-химэ отвела взгляд и слегка опустила голову. Эту привычку отворачивать лицо на людях она приобрела при жизни, когда, будучи ещё молодой девушкой, научилась стесняться своей внешности. Аяко знала историю Синдзё-но-цубонэ, некрасивой дочери Кумагая Нобунао, которая вышла замуж за Киккаву Мотохару. Она непроизвольно взгляделась в её лицо, но быстро спохватилась, осознав свою грубость.

– Извини...

Томо-химэ посмотрела на Аяко с улыбкой.

– О моём уродстве ходят такие легенды, что любопытно поглядеть?

Потом женщина решительно распрямила плечи и вскинула глаза.

– Ничего! Ты не обидела меня, я привыкла и к более нескромным взглядам. И я поняла, что ежели каждый из них замечать и обливаться слезами, то хуже будет только мне. К тому же, – твёрдо прибавила она, – я больше не принадлежу к роду Киккава. Я служу богине прибрежных вод, госпоже Ян Гуйфэй Каннон.

– Ян Гуйфэй... Каннон?..

– Да. Я перестала быть женой Киккавы четыреста лет назад, и сейчас ни с этим домом, ни с домом Мори меня ничто не связывает. Всё в прошлом...

– Как это?..

– Нынче я принадлежу к свите божества. Я хочу лишь вернуть Мандзю и Кандзю, похищенные духами-генералами. Эти чудесные камни нужны для того, чтобы охранять мир и спокойствие на морях. Они не предназначены для войны.

– Ян Гуйфэй Каннон, богиня прибрежных вод... Неужели это и есть та самая китайская императрица?

– Да, великая любовь императора Сюаньцзуна, правителя династии Тан – в её нынешнем воплощении. Говорят, она встретила свою кончину на заставе Мавэй, но все было иначе. Ей удалось спастись, пересечь море, и умерла она на полуострове Мукацуку, что на японском берегу.

До сих пор это считалось всего лишь легендой... Будто бы потом Ян Гуйфэй, тоскуя по родине, обернулась красной птицей и улетела домой.

– Красная птица, о которой говорится в легенде – это и есть нынешний облик госпожи Ян Гуйфэй.

– Красная птица... – раздумчиво проговорила Аяко и вдруг воскликнула: – Красная птица-феникс! Та самая, которую Кагэтора и остальные видели в Парке Мира!

– Твои люди видели её?

Аяко кивнула, и Томо-химэ улыбнулась – как показалось Аяко, с облегчением.

– То была я. Я следовала за Наруми до самой Хиросимы. Лучшего вместилища, чем она, мне было не сыскать, да и сила её мне бы очень пригодилась. Меня один раз выбросило из её тела во время небольшой стычки на Миядзиме, и я догоняла Наруми, чтобы снова вселиться в неё – что и сделала на том самом месте... Стало быть, я выглядела точь-в-точь как госпожа Ян Гуйфэй!

Дух способен принять любую форму, какую захочет. Часто он делает это неосознанно, повинуюсь тайным желаниям сердца, либо отражая свой облик при жизни. Томо-химэ могла бессознательно превратиться в Ян Гуйфэй, или же связь с богиней-хозяйкой придала ей такой вид...

– Я виновата перед девушками. Это я забрала их жизненную силу, мне было нужно... Госпожа Ян Гуйфэй Каннон своей милостью помогает обратить жизненную энергию молодых девиц в божественную силу, без которой мне в поисках Жемчужин не обойтись.

– То есть ты, получается, – дух в подчинении у Ян Гуйфэй Каннон.

– Я глубоко чттила её ещё при жизни. И раз уж мне позволено служить ей и после смерти, я хочу делать это от всей души. Я хочу вернуть чудесные камни. Нельзя, чтобы они стали орудием в руках клана Мори и господина Мотохару. Разве ты думаешь иначе?

– Да нет... – Аяко обеспокоенно нахмурилась. – Но ради этого ты ушла от Мори и, получается, предала своего мужа. Оно того стоит?

– Я не стремилась к этому... – тихо пробормотала Томо-химэ, а потом усмехнулась. – Верно, я недостойна называться женой полководца, но разве могла я поступить иначе?.. Настолько тяжела моя вина, что искупить её можно, лишь посвятив себя богу. Я должна служить госпоже Ян Гуйфэй Каннон, даже если мне придётся пойти против мужа, а не то мой грех будет преследовать меня до скончания веков.

Томо-химэ стиснула руки на коленях, и на лице её появилось несколько затравленное выражение. Аяко окинула удивлённым взглядом её освещённый лампой профиль.

– Томо-химэ, – спросила Аяко задумчиво, – почему именно Ян Гуйфэй?.. И что это за грех, который невозможно искупить?

Женщина помолчала, думая о прошлом; её взгляд рассеянно устремился вдаль. Потом она улыбнулась и приложила правую руку к щеке.

– Всеми виной моё лицо.

– Что?..

– Мои безобразные черты... Из-за них я однажды превратилась в демона. Ради того, чтобы стать женою господина Мотохару, я причинила своей родной сестре ужасное, непоправимое зло... Я обожгла ей лицо.

– Её звали Исари, – продолжала Томо-химэ, – она была тремя годами младше меня, и – красавица. Даже не верилось, что мы с ней сёстры. Когда господин Мотохару к нам посватался, все думали, что замуж пойдёт она – мол, я для него слишком уродлива. В самом деле, моя наружность отпугивала всех, и батюшка печалился, что вообще не сможет сбыть меня с рук.

Аяко слушала, не перебивая.

– А мою сестру любили. За то, что хороша собой, да и нрав у неё был лёгкий. Я же, мало того, что лицом не вышла, – изъяны внешности сделали меня боязливой и униженной, тогда как сестра моя приходилась по сердцу всем, кто её встречал... И вот в тот день наполнявшие меня унижение, зависть и злоба перелились через край.

Ночной сад, залитый голубоватым лунным светом, вновь возник перед мысленным взором Томо-химэ. Вот она хватает убегающую сестру за волосы, держа в другой руке горящий тревожным пламенем факел... Вот она прижимает этот факел к её красивому белому лицу...

*Поделом тебе, поделом тебе, Исари! Мотохару-сама никогда не будет твоим!
Быть тебе уродливой, как я!..*

Сестра кричит, её крик разрывает ночной мрак, и запах горячей плоти бьёт в ноздри.

Получила? Получила?

Томо-химэ смеётся, глядя на изуродованное огнём лицо сестры. Эта страшная на вид рана вызывает у безумицы лишь надменный смех, и она смеётся не переставая – громко, очень громко...

Люди прибежали на шум быстро, но всё-таки опоздали: лицо Исари-химэ было обожжено, а Томо-химэ совершенно не помнила себя.

Их отец, Кумагай Нобунао, был потрясён случившимся, но ему ничего не оставалось, кроме как доложить Мотохару всё как есть, что он и сделал на следующее утро. По словам очевидцев, Мотохару пробормотал тогда: «Бедняжка...», – но неясно было, о ком он говорит. Затем он распорядился держать дело в строжайшем секрете, приказал всем замешанным в него людям молчать, а Исари-химэ велел увезти подальше от чужих глаз и поселить в глухой горной деревушке.

Что было дальше, Аяко знала и так. Мотохару взял Томо-химэ в законные жёны.

– «Бедняжка»... Возможно, он говорил обо мне, – тихо сказала женщина. – Я совершила ужасный поступок. Мотохару-сама, с его глубоким чувством справедливости, не должен был бы на мне жениться...

Тем не менее, Мотохару не расторг помолвку. Быть может, он чувствовал себя виноватым в произошедшей трагедии – ведь Томо-химэ совершила грех из-за него, – и решил понести ответственность?

– Попад в дом к господину Мотохару, я многому научилась, – Томо-химэ подняла голову, её лицо просветлело. – Он принял меня такой, какая я есть – с моей неловкостью, с моим сумрачным нравом, с моей виной... Он никогда меня не стыдился, всегда и перед всеми открыто называл меня своей женой. Я была счастлива.

– Томо-химэ...

– А мне он всегда говорил: "Не бойся". Благодаря ему я познала радость занятий науками и искусством, поняла, как важно совершенствовать себя изнутри. Пожалуй, именно он научил меня тому, что есть настоящая красота – так я смогла примириться со своей наружностью. И я захотела стать человеком развитого ума. Исчезли приниженность и страх, рождённые сознанием собственной ущербности; я научилась верить в себя, – Томо-химэ улыбнулась. – Мотохару-сама подобен солнцу. Он изменил меня, прогнал своим светом мрак, царивший в моём сердце – я и не думала о том, чтобы когда-нибудь пойти ему наперекор...

– Однако же, вина моя никуда не делась. Ошибку, совершённую из-за внешности, было уже невозможно исправить. Моя бедная сестра прожила несколько лет и умерла несчастной, а я, не в силах что-либо искупить, осталась один на один со своим грехом. Тогда я решила обратиться к богам, понимая, что только боги могут избавить меня от него...

— И ты выбрала Ян Гуйфэй Каннон?

— Говорят, что красавицы, подобной Ян Гуйфэй, не рождалось больше не свете. Потому люди верят, что бодхисаттва Ян Гуйфэй Каннон одаривает девушек красотой, – Томо-химэ подняла на собеседницу пронизательный взгляд. – В действительности всё не так. Ян Гуйфэй Каннон помогает тем, кого собственная внешность сбивает с пути истинного. Любая женщина хочет быть красивой, но красивый облик – ещё не есть истинная красота. Страдающие из-за отражения в зеркале истощают свои сердца. Ян Гуйфэй Каннон помогает им направить свои душевные силы на поиски настоящей красоты... А ещё она спасает души тех, кого одержимость красотой толкнула на преступление, – Томо-химэ стиснула руки поверх коленей, словно вознося молитву. – Этой богине я и хочу служить. Я хочу вернуть ей Жемчужины.

– И поэтому ты решила вселиться в человека?

– Я знаю, что поступила с Наруми дурно. Но я служу госпоже Ян Гуйфэй, – от имени всех женщин, которые совершили, или ещё только совершат ошибки, подобные моей. Жемчужины необходимо вернуть.

– Прошу тебя, – Томо-химэ схватила Аяко за руки и сильно сжала, – помоги мне, женщина Уэсуги. Вы ведь тоже посланники божества и обладаете силой. Одолжи мне её. Моя госпожа не желает видеть, как море становится ареной битвы неразумных призраков. Останови мужчин, не допусти войны! Пусть прибрежные воды останутся чистыми от крови!

Аяко ответила глубоким кивком.

– Хорошо, Томо-химэ. В любом случае, сначала надо вернуть Мандзю, а за это придётся сражаться.

– Я на всё готова! Жизни не пожалею!

– Не вздумай рисковать жизнью Наруми. Ладно, не волнуйся – чтобы я не справилась с какими-то монахами? – Аяко пружинисто встала. – Готовься, нам скоро идти, – сказала она и бросила настороженный взгляд вглубь пещеры.

"Я не уступлю тебе, Симодзума Райрэн".

До Жемчужины оставалось рукой подать.

Странные вещи творились вокруг пещеры Тайсё. Монахи в чёрных одеждах воинов сторожили вход и каждый уголок внутри. Среди них выделялся мужчина средних лет, одетый в серого цвета костюм. Гладко зачёсанные волосы и очки в серебряной оправе выдавали в нём человека элиты.

– Никаких происшествий?

– Райрэн-сама!

Для осуществления проекта "Ямато" Симодзума Райрэн был временно откомандирован к Мори, которые поручили ему охрану пещеры Тайсё и спрятанной там Жемчужины. Монахи Иккосо единственные могли противостоять изгоняющей силе Уэсуги – назначение сюда Райрэна говорило о том, что Мори опасаются их нападения.

– Пока всё тихо.

– Будь начеку. Неизвестно, когда и откуда появится враг, – Райрэн взглянул на темнеющее небо. – Солнце почти зашло...

– Райрэн-сама, какие вести из Хаги?

– День наступления назначен. Завтра на рассвете "Ямато" заберёт из Хаги господина Тэрумото и его людей, а спустя три дня начнутся военные действия. Мы тоже уходим поутру и уносим с собой Жемчужину, чтобы вечером второго дня соединиться с господином Тэрумото в Курэ. Скажи всем, пусть готовятся к выступлению.

– Слушаюсь.

Воин ушёл, и Райрэн вместе с приближёнными ступил под своды пещеры.

– В доставленном послании сообщалось, что Уэсуги Кагэтора подчинился Мори, – заговорил он на ходу. – Ох, не верится... Конечно, с ними Райрю – случись что, уж он-то не растеряется. Но Уэсуги не единожды расстраивали все наши планы. Господину Мори следовало бы поостеречься...

– Истинная правда. Однако, стоит ли так тревожиться? Мне казалось, господин Райрю только и ждёт случая сразиться с Кагэторой... И господин Райрю сейчас там.

– Ох уж этот Райрю... Он слишком кровожаден для монаха, – Райрэн начал спускаться по лестнице, ведущей в зал сталактитов. – Но странное дело: после Киото у него появился блеск

в глазах, словно в победе над Кагэторой он узрел смысл жизни. Просто раньше ему не встречалось достойных противников. Только он всерьёз начал считать себя непобедимым, как потерпел первое в жизни сокрушительное поражение. Представляю себе его досаду... Но смотри, что мы имеем в результате. Никогда не видел Райрю настолько оживлённым.

– Выходит, Кагэтора вдохнул жизнь в каменного льва²?

– Звучит, как насмешка, но так оно и есть.

Отвечая на приветствия часовых, Райрэн спустился на уровень, где хранилась Жемчужина.

– Всё спокойно?

– Спокойно, господин.

– Хорошо. Завтра перевозим Мандзю. Приготовь всё, что для этого необходимо.

– Слушаюсь!

Вокруг большого сталактита под названием "Львиный камень" был устроен алтарь, на котором стоял маленький ларец. В ларце находилась статуэтка будды Амиды. Жемчужина была спрятана внутри статуэтки.

– Вот и пришло время воспользоваться ей, – пробормотал Райрэн, глядя на алтарь. – Ненавистная флотилия Оды пойдёт ко дну, сокрушённая силой чудесного камня. Берегись, Ода Нобунага! На этот раз мы отправим тебя, врага божьего, на тот свет.

Сосредоточившись и призвав на помощь внутреннее зрение, Аяко внимательно изучала обстановку наверху. Наконец, она открыла глаза и сказала:

– Так и есть. Райрэн там.

– Сила Мандзю стремительно возрастает, – Томо-химэ нахмурилась. – Настало время прилива, уже близится пик. Сейчас я могу использовать Жемчужину в полную её мощь.

– Часовые до сих пор нас не заметили. Если идти, то прямо сейчас.

"Итак... Что можно предпринять против Иккосо?"

Наверху находилось по меньшей мере пятьдесят охранников. Примерно половина из них были костяными воинами без тел, но и те – монахи. Аяко было не под силу в одиночку изгнать всех.

«Воспользуюсь Связующим Кнотом».

Это позволит если не изгнать духов, то хотя бы обездвигнуть их, не затратив и половины той энергии, какая требуется для изгнания. В конце концов, им нужно только забрать Мандзю и бежать. Связывания будет достаточно.

– Я вижу здесь ход... Идём же, Уэсуги.

Женщины начали карабкаться по стене, к узкому отверстию, в которое едва мог протиснуться человек. Аяко забралась в него первой. Лаз был длинным и вёл круто вверх – приходилось почти всё время подтягиваться, цепляясь за влажные сталактиты. Наконец, проход вывел их в ярко освещённую пещеру Тайсё: электричество было проведено здесь для туристов.

В эпоху Усобиц крестьяне, опасаясь, как бы очередная война не разорила их хозяйства, прятали здесь скот, поэтому пещеру прозвали Коровай. Эта сталактитовая пещера имела ярусное строение, и состояла из пяти уровней.

² Каменный лев – имеются в виду статуи мифических животных, которые ставят у входа в храм.

Убедившись в том, что поблизости никого нет, Аяко выбралась из прохода; Томо-химэ следовала за ней.

– Мы сейчас на самом нижнем уровне. Жемчужина должна быть наверху...

– Какизаки-доно, кто-то идёт!

Женщины спрятались в тени камней. Аяко сосредоточилась и собрала в ладонях силу.

– Он, бейсирамандая, совака, он, бейсирамандая, совака... О, великий Бисямонтэн! Даруй мне твои карающие плети, дабы наказать зло!

Её руки тут же вспыхнули светом, быстро вытянувшись в два силовых кнута. Рядом Томо-химэ сложила пальцы в символ бодхисаттвы Каннон и пропела соответствующую мантру:

– Он, аорикья, совака, он, аорикья, совака...

Потом она несколько раз повторила шестисложную мантру «Ом, мани, падме, хум», и в её левой руке возник энергетический лук, а в правой – связка стрел, родившаяся из голубоватого пламени. Прикосновение к нему не обжигало, это был очищающий огонь.

– Начали, – сказала Томо-химэ и натянула лук, целясь в приближающегося монаха. Стрела сорвалась с тетивы.

Бесплотный монах коротко вскрикнул, охваченный синим пламенем, и упал. Его спутник обернулся. Аяко взмахнула зажатым в правой руке кнутом.

– Ха!

Плётка туго обвилась вокруг костяной фигуры.

– Застынь!

Призванное женщиной пламя охватило призрака – и в следующую секунду синий камень, в который превратилась его душа, со стуком ударился о пол.

– За мной! – Аяко выскочила из укрытия и помчалась вперёд. На её пути один за другим вырастали подоспевшие на шум воины.

– Прочь с дороги!

Аяко с перекошенным лицом размахивала кнутами. Они обвивались вокруг призраков, воспламеняли их и превращали в камни. В воздухе свистели огненные стрелы – Томо-химэ спускала тетиву с невероятной, неуловимой глазом быстротой. Крики множилось, и вскоре вся пещера загудела, как растревоженный муравейник.

– Что происходит?!

– Райрэн-сама! – Снизу прибежал запыхавшийся солдат. – На нас напали бандиты!

– Какие ещё бандиты?

– Две женщины, ломаются вперёд, мы не можем их удержать! Кажется, у одной из них Связующий Кнут.

– Связующий Кнут?... Уэсуги!.. – Райрэн сразу же вспомнил об Аяко. – Эта мерзавка... Всем туда, живо!.. – закричал он, оборачиваясь к монахам. – Расправьтесь с Уэсуги!.. Не дайте им добраться до Мандзю!

Видимо, охрана была организована на совесть – реакция Иккосою оказалась на удивление быстрой, и вскоре большая группа монахов перегородила женщинам путь. Аяко, едва успевая поднимать и опускать кнут, с досадой прищёлкнула языком – она не ожидала от противников такой прыти. Так им не пробиться к верхнему уровню...

Аяко вскрикнула, когда несколько костяных монахов одновременно кинулись на неё, размахивая мечами. Времени, чтобы отразить атаку, не оставалось.

– Берегись! – Томо-химэ успела выпустить стрелу в последний момент, но на месте поверженных врагов тут же появились новые. Аяко ударила силой, раскидывая нападающих в стороны, но их было слишком много...

– Томо-химэ, где Жемчужина?

– Наверху! Ещё два уровня!

В небольших размеров зале уже становилось тесно от прибывающих воинов. Кажется, пришло время использовать запасной вариант. Аяко убрала кнуты обратно в ладони, и вынула из кармана инструмент, похожий на окарину³.

– Сейчас я расчищу дорогу. Вынесет всех разом!

Инструмент оказался каменной флейтой, расписанной санскритскими символами. Аяко поднесла её ко рту и, проговорив в уме мантру «Наумакусанманда, боданан, баябэй совака», резко выдохнула. Пронзительный звук разнёсся под сводами пещеры. С губ Аяко сорвались светящиеся символы – разноцветные, как чешуйки на крыльях бабочки – и разлетелись во все стороны.

«Ба!»

Взметнулся ветер; под его яростными порывами содрогнулись стены, и никто из монахов не устоял на ногах. Такова была сила Флейты Футэна⁴.

– Бежим!

Миновав поверженных монахов, Аяко и Томо-химэ выскочили на лестницу. Тех, кто попадался им на пути, они отшвыривали – ударами силы или огненными стрелами. Наконец, в результате ожесточённой схватки, женщины оказались на уровне, где хранилась Жемчужина.

– Какизаки-доно, вон там!..

В этом зале было светлее, чем в предыдущих. По центру широкой площадки стоял алтарь, а на нём – ларец.

«Вот оно...»

– Добро пожаловать, Уэсуги, – раздался голос сзади, и Аяко резко обернулась. Из тени под скалами выступили несколько монахов во главе с человеком, облачённым в костюм. Аяко наградила его злобным взглядом исподлобья.

– Симодзума Райрэн...

– Это вы, стало быть, бандиты? Уж не знаю, что вы там задумали, только всё зря.

– Что?

– Какизаки... Так, кажется, тебя зовут?.. Только что в Хаги ваш господин, Уэсуги Кагэтора, объявил о своей капитуляции предводителям клана Мори.

– Капитуляции? – Аяко от неожиданности повысила голос. – О чём ты говоришь?! С Кагэторой всё в порядке?

– Кагэтора-доно отказался от имени Уэсуги и вернулся в дом Ходзё. Узнав правду о злодейских замыслах Кэнсина, он перешёл на нашу сторону, чтобы сражаться против него.

– Что?... – Аяко побледнела, как полотно.

– Твои действия, Какизаки? Если ты служишь господину Кагэторе, то нам нет нужды сражаться. Мы союзники!

Но Аяко ему не поверила.

– Хватит врать! Чтобы Кагэтора вот так взял, и отрёкся от Уэсуги?! Что вы с ним сделали? Неужели вы... взяли Наоэ в заложники?.. Так и есть... Так оно и было, да? Вы шантажировали его угрозами убить Наоэ! Жалкие трусы!

– Не всё ли равно, в чём причина? Мандзю необходима нам для победы над Одой, и в этом мы с вами союзники – ведь наши цели совпадают.

Томо-химэ переводила встревоженный взгляд с Аяко на Райрэна и обратно.

– И вы здесь, Томо-химэ, – сказал монах, поворачиваясь к ней. – Мне было интересно, что вы предпримете после бегства из пещеры Сюхо... Теперь всё ясно. Но скажите мне – зачем

³ Окарина – древний духовой музыкальный инструмент, свистковая флейта в форме яйца.

⁴ Футэн – один из Двенадцати Небожителей, хранитель северо-западного направления. Связан со стихией ветра.

вы, супруга господина Киккавы, ставите Мори палки в колёса? Ваш муж, должно быть, глубоко огорчён...

– Замолчи! Я не позволю вам, монахам, сделать Жемчужину орудием войны! Моя госпожа – Ян Гуйфэй Каннон. Попробуй воспротивиться ей – и тебе не поздоровится!

– О... Стало быть, вы служите бодхисаттве Каннон. Ну а мы служим властителю Западной Чистой Земли, великому будде Амиде. Бодхисаттва Каннон входит в его свиту, а значит мы с ней стоим на одной ступеньке иерархии, – глаза Райрэна холодно блеснули за стёклами очков. – И кому же из нас не поздоровится, Синдзё-но-цубонэ?

Томо-химэ открыла было рот, но не нашлась с ответом.

– Ладно, поиграли и хватит. Извольте вернуться в пещеру Сюхо.

– Чтобы снова сидеть там под охраной?

– Мы не можем допустить, чтобы вы и дальше творили глупости.

По знаку Райрэна двое монахов двинулись вперёд, намереваясь схватить женщину. Аяко тут же загородила её спиной и чуть слышно сказала:

– Я беру их на себя. Ты займись Мандзю.

– Какизаки-доно...

Аяко потянулась к силе и наполнила себя ею до краёв.

– Симодзума Райрэн... Кагэтора, может, и сдался, а я – нет!

– Ты в своём уме, Какизаки?!

– По крайней мере, я прихватчу вас всех с собой, прежде чем отправиться на тот свет! – с этими словами она опять приложила флейту ко рту и дунула что было силы. Раздался резкий звук. Из тела Аяко проступили и поплыли по воздуху буквы – санскритский символ «Ба», знак Футэна. Налетевший следом ураганный ветер заставил Райрэна и его приспешников пригнуться – и Аяко тут же ударила по ним силой.

– А-а!..

Нескольких человек отбросило назад, но остальные атаковали. Загородив Томо-химэ ментальным щитом, Аяко обрушила на врагов потоки плазмы. Томо-химэ, между тем, сконцентрировалась и начала ритуал.

– Тоято, укуния, мокония, тёбония, танбони, андзяри, хондзярия...

Это были первые строчки длинного дарани, читаемого во время «Покаяния перед Каннон»⁵. Дарани состояло из трёх частей. Пока Томо-химэ читала, Аяко держала монахов на расстоянии, пуская в ход то флейту Футэна, то собственную силу, но ей было не выстоять одной против такого числа врагов.

– Томо-химэ, быстрее!

– ...тосито, токония, мокония, тёбони, танбони, андзяри, хондзярия...

Томо-химэ полностью ушла в себя, сосредоточенно выговаривая слова дарани.

– Бейте все одновременно! – скомандовал Райрэн. Аяко бросила все силы на щит, отбивая атаку. Под сводами пещеры засверкали белые вспышки, в разные стороны посыпались трескучие искры.

– Кх... – Аяко скрипнула зубами. Томо-химэ, не отвлекаясь ни на что, продолжала читать дарани. И вот, наконец, что-то изменилось. Из ларца, в котором лежала статуэтка будды Амиды, начал потихоньку просачиваться свет, как будто внутри зарождалась неведомая сила.

– Что это? – воскликнул Райрэн, заметив неладное, но было уже поздно.

– ...кибисису, нантори, хогьяри, оруни, хокьюри, тёбири, соко!

⁵ Покаяние перед Каннон (Каннон Сэнбо) – ритуал, смысл которого состоит в том, чтобы испросить прощения у бодхисаттвы Каннон за свои прегрешения.

Закончив чтение шестисложным дарани, Томо-химэ распахнула глаза. В её руке горела золотая стрела, сотканная из жизненной энергии женщин. Она наложила стрелу на тетиву, натянула до предела и выпустила в ларец.

Стрела попала в цель, исчезнув внутри ящичка, а в следующую секунду его створки с оглушительным звуком разлетелись, открывая взору пылающую золотом статуэтку.

– Что происхо...

Деревянная статуэтка, не выдержав давления изнутри, с хлопком развалилась на части. Все, кто был в пещере, зажмурились от хлынувшего на них яркого света. Из ларца выглянуло солнце – сияющий чудесный камень...

Томо-химэ, сложив ладони на уровне груди, крикнула:

– О, Жемчужина, родящая прилив! Внемли моему зову, подними морские воды!

Из недр земли донёлся гул, низкий и дрожащий, будто оттуда надвигалось нечто огромное – но что? Вскоре вся пещера затряслась, пол заходил ходуном, а с потолка посыпались мелкие камни. Что бы это ни было, оно приближалось.

С нижнего уровня послышались крики, когда туда, подобно селевому потоку, хлынула лавина воды.

– Вода!..

– Беги! Спасайся, кто может!

Послышался звук, похожий на шум прибоя, а потом, пробив скалистые породы, вода проникла в их пещеру и начала наполнять её с огромной скоростью.

Поднялась паника. Вода поступала с таким напором, словно где-то прорвало плотину; она разлилась по полу в считанные секунды, и уровень её поднимался на глазах.

– Томо-химэ!

– Возьми Жемчужину, Какизаки-доно!

Монахи, тем временем, бежали наверх, спасаясь от потопа. Началась свалка.

– Спокойно! – кричал Райрэн. – Не отдавайте им Мандзю!

Аяко, пользуясь всеобщим смятением, кинулась к ларцу. Райрэн прищёлкнул языком и ударил силой ей вдогонку.

– Не позволю!

Ларец разлетелся в щепки, Аяко пригнулась, а Томо-химэ смело подскочила сбоку и, нашарив камень под деревянными обломками, крепко сжала в руке.

– Есть!..

– Вода прибывает, Томо-химэ!

Действительно, она доходила уже до колен. Монахи бежали к выходу, толкаясь в проходе. В считанные мгновения вода поднялась до груди.

– Уходим.

Женщины бросились в противоположную от выхода сторону – туда, откуда прибывала вода, и, набрав в грудь побольше воздуха, нырнули.

– Стой! – в ярости закричал Райрэн. – Томо-химэ!..

Унося с собой Жемчужину, Томо-химэ и Аяко отыскивали под водой новый лаз, и углубились в него. Используя Флейту Футэна вместо кислородной маски, они вдыхали по очереди, пока плыли вперёд. Вода была холодной, но приходилось терпеть и быстро грести к выходу.

Через некоторое время обрушившийся на пещеру поток начал отступать, затопив все уровни, кроме последнего. Над головой у женщин забрезжила кромка воды, но Томо-химэ так замёрзла, что под конец руки и ноги отказали ей. Заметив это, Аяко схватила её за руку и потащила вверх из последних сил.

– ...пха!..

Они вынырнули на поверхность. Вода, похоже, больше не поднималась.

– Как ты?

– Кажется... благополучно...

Доплыв до мелкого места, они выбрались на берег. Это был, судя по всему, самый верхний уровень. Лежащий впереди коридор должен был вести к выходу.

– Получилось, Томо-химэ!

Женщина кивнула, крепче сжав камень в кулаке. Его сияние уже погасло, и Жемчужина снова превратилась в прозрачный, переливающийся всеми цветами радуги кристалл.

Они вышли наружу, где их встретила темнота – солнце к тому времени уже село.

– Что ты станешь делать теперь? – спросила Томо-химэ.

– Поеду в Хаги, спасти Кагэтору.

– В Хаги?.. Мне, чтобы вернуть Кандзю, понадобится твоя сила...

Они обе думали, что Жемчужина Отлива до сих пор у Сиканоскэ.

«Что же делать?..»

Аяко оказалась в затруднительном положении. Согласно заключённой с Амаго сделке, она должна была убить Томо-химэ и отнять у неё Мандзю. Поступить, как просит Томо-химэ, означало нарушить договор. Что важнее для Уэсуги? Аяко не могла принять решение в одиночку, ей нужны были указания Кагэторы.

– Всё равно, сначала нужно спасти Кагэтору, – сказала она. – Как можно скорее.

– Что ж, тогда я пойду с тобой. Я знаю Хаги и могу тебе пригодиться...

– Томо-химэ...

И тут, совершенно внезапно, перед ними появился зверь. Он словно вынырнул из-под земли, заставив Аяко вскрикнуть от неожиданности.

– Что...

Это был золотой тигр – нет, не живой, конечно. Волшебный зверь... Томо-химэ вздрогнула и придвинулась поближе к Аяко, да и та сперва насторожилась, но быстро поняла, что тигр не причинит им вреда.

– Кагэтора?..

Именно он послал зверя, Аяко это чувствовала. Тигр раскрыл свою золотую пасть, будто собираясь зарычать, и выдохнул облачко белого дыма. Облачко вытянулось и приняло форму человека. Это оказался Такая, вернее, его изображение, похожее на голограмму. Он послал тигра, чтобы передать сообщение.

– Кагэтора...

«Отправляйся на Миядзиму», – начал он.

– Куда?..

«Мори готовят наступление на Ицукусиму, – продолжал Такая, чётко выговаривая слова, – в этом сражении будет участвовать и «Ямато». После того, как добудешь Мандзю, ты должна встретиться с Амаго. Поговори с Сиканоскэ, убеди его порвать с Одой и передать Кандзю Уэсуги. Скажи, что при помощи камней мы потопим «Ямато» и разделаемся с Одой».

– Как, с обоими одновременно?! – у Аяко подскочило сердце. – Безрассудство чистой воды!

«Я на тебя рассчитываю», – сказал Такая и исчез. Послание было односторонним, Аяко даже возразить ничего не могла.

– Какизаки-доно!.. – воскликнула вдруг Томо-химэ пронзительным голосом. – Что-то движется под землёй... Глубоко-глубоко... Что-то большое, оно приближается, очень быстро!..

– Что?.. – Аяко опустилась на колени, приложила руку к земле – и обомлела. Огромная сила приближалась с запада. Это были...

«Драконы огня!..»

Аяко подняла голову и заорала на тигра:

– Это ещё что такое?! Что ты задумал, Кагэтора?

В тот же миг сзади раздался другой голос, заставивший её резко обернуться.

– Не уйдёшь, Уэсуги!

Райрэн стоял у входа в пещеру, промокший до нитки – должно быть, нырнул вслед за женщинами и прошёл тот же путь, что и они. Оставалось лишь с ужасом восхищаться возможностями его лёгких.

– Райрэн...

– Отдавай Мандзю. Всё, вам больше некуда бежать.

Аяко, мысленно чертыхнувшись и понукая своё измученное тело, снова потянулась к силе.

– Бесплезно, Какизаки! – брошенный Райрэном силовой шар уже нёсся прямо на неё...

Первым среагировал тигр – он открыл пасть и выплюнул навстречу летящему шару сгусток энергии. В воздухе прогремел взрыв. Тигр прыгнул прямо в поднимающуюся воздушную волну, не оставляя Райрэну времени увернуться – и вцепился своими острыми клыками ему в горло.

– А-а-а!

Брызнула кровь; монах упал с разорванной шеей. Тигр легко приземлился, обернулся на Аяко один единственный раз, – словно проверяя, всё ли она поняла, – и снова исчез под землёй. А приближающееся яростное нечто внезапно стало ещё ближе, будто следовало за тигром вдогонку. Под ногами задрожало, заревело, и стая огненных драконов, ведя за собой поток раскалённой магмы, пронеслась мимо них глубоко-глубоко вниз.

На северо-восток. В Хаги.

Томо-химэ застыла на месте, не в силах пошевелиться от страха. Аяко стояла с потемневшим лицом.

Что задумал Такая?.. Масштаб происходящего не укладывался в голове – это настолько отличалось от всех предыдущих битв... Неизвестно, что за предчувствие посетило Аяко, только она вдруг прошептала:

– Не умирайте...

А потом, не сдержавшись, в полный голос воскликнула:

– Вы, оба!.. Не смейте умирать!..

ГЛАВА 21

ВИРТУАЛЬНЫЙ БОЙ

В ночь, когда пал замок Хаги, волны во Внутреннем море были выше обычного. Всё из-за ветра – того самого, что колебал сейчас пламя факелов вокруг святилища Ицукусима.

На помосте перед главным зданием виднелись две фигуры: Нарита Юзуру и Мори Ранмару. Юзуру сидел на стуле, спиной к алтарю, и странный это был стул. С высокой спинкой, отделанный в западном стиле, он совершенно не вписывался в окружающую обстановку. На полу у ног Юзуру лежал круглый кристалл, переливающийся всеми цветами радуги.

– Отличная работа, О-Ран, – сказал Нобунага и переложил ноги с одной на другую. – Стало быть, это и есть та самая Кандзю... Сиканоскэ добыл такую занятную штуковину и ничего мне не сказал? Может, он против меня же её и использовать надумал? Дурак, дурак...

Нобунага нагнулся и взял камень в руку.

– Какая великолепная вещь. Говорят, он повелевает движением вод? Волшебный камень, охраняемый Ян Гуйфэй... Воистину, чудо из чудес.

Нобунага разглядывал Жемчужину с любопытством ребёнка, получившего новую игрушку. Потом он весело рассмеялся и несколько раз подбросил камень в воздух, как мячик.

– Занятная вещица нам досталась. Обязательно воспользуемся ею против Мори, проверим, в чём её волшебство...

– Как прикажете. Но я слышал, что для этого нужны обе Жемчужины...

– Не волнуйся, О-Ран. Мандзю сама нас найдёт, даже делать ничего не потребуется.

– Тоно...

– Нынешние хозяева Мандзю непременно захотят получить и Кандзю – мы же просто дождёмся, пока они придут за ней. Вот будет потеха...

Взгляд у Нобунаги был безоблачный, – как у ребёнка, замышляющего шалость, – и в то же время по-звериному острый.

– Мори для нас больше не угроза. Не знаю, что там у них за «Ямато», но даже самый гигантский корабль должен плыть, иначе какая от него польза. Перевернётся – и всё, пиши пропало. Куки!

– Ха! – отозвался из-за спины Ранмару Куки Ёситака, командир военной флотилии Оды. Большой атакабунэ, который видел Айда во время инцидента в заливе Осака, принадлежал ему.

– Скоро твой выход. Готовь наши атакабунэ в Осаке, покажем Мори, где раки зимуют. Подумаешь, наделали цукумогами из новых кораблей... Свойства корабля не имеют значения в битве призраков. Мы сражаемся силой духа. Тогда, в Осаке, ты проявил милосердие, позволив им уйти, но на этот раз пощады не будет.

– Слушаюсь!

Чудные огни, появляющиеся в заливе, были ни чем иным, как кораблями Мори и Куки. Две флотилии боролись за контроль над акваторией. Куки удалось удержать своё преимущество и вытеснить Мори из залива, а Мори тогда использовали в бою созданные ими цукумогами – военные суда времён Второй мировой войны. Их тоже видел Айда Кэнго.

Выйдя из залива Осака, флотилия Мори отправилась на Носиму, в подводную крепость Мураками, чтобы восстановить силы и приступить к осуществлению проекта «Ямато». Там, в районе архипелага Иё, располагалось скопление достаточно больших островов, разделённых узкими проливами, ограничивающими мореплавание. Корабли не могли ходить свободно – чем и пользовались в древности пираты Мураками, поставив в проливах посты и взимая с путешественников плату за проход. Можно без преувеличения сказать, что контроль над этим местом обеспечивал контроль над всем Внутренним морем.

Ода же объединился с Суэ Харукатой с Ицукусимы. Его план состоял в том, чтобы, наступая одновременно с востока и с запада, взять Носиму в тиски.

– Покажем, на что мы способны, а, Куки?

Нобунага с вызывающей усмешкой на губах свободно развалился на стуле.

– Нобунага-сама, – подал голос Мори Ранмару, – согласно последним донесениям, духи моряков начинают собираться в Курэ...

– Моряки, погибшие в Тихоокеанскую войну? Знаю, – улыбнулся Нобунага, – молва об этом уже идет. Мертвецы, не дошедшие до того света, захотели поплавать на «Ямато». А некоторые решили прихватить с собой живых приятелей, заставив их перед тем расстаться с жизнью.

– Ведь это Мори бросили клич?

– Похоже на то. Недавно «Ямато» шастал по округе, созывая призраков – мол, кто сразу не попал на небо, попадёт туда, если сядет на корабль.

Иными словами, Мори обещали переправу на тот свет, но духи имеют обыкновение цепляться за свои предсмертные чувства. Среди моряков, погибших за Родину, были и те, кто в слове «Ямато» увидел другой смысл.

Блистательный флагман Объединённого флота, непотопляемый линкор, гордость Японской империи – его имя наполняло жаром их мёртвые сердца. Эта империя не должна была пасть,

эта война не должна была закончиться поражением... История рассудила иначе, но теперь у них появилась сила, чтобы всё изменить.

Услышав о «Ямато», некоторые духи поверили даже в то, что Объединённый флот действительно может быть возрождён – и начали действовать самостоятельно, не спрашивая Мори. Подобно дяде Айды Кэнго, они принялись расширять ряды товарищей по оружию.

– Нам-то, конечно, всё равно, скольких людей они за собой утащат, – сказал Нобунага, сверкнув глазами, – но Мори, кажется, собираются пустить эти души на укрепление корабельной брони. Для них чем больше, тем лучше – вот на это не стоит смотреть сквозь пальцы...

– Не дать «Ямато» войти в Курэ?..

– Поручаю дело тебе, Куки. Чтобы в Курэ никогда не увидели этого корабля.

Нобунага вызывающе улыбнулся – той самой, особенной, улыбкой, полной жестокости и злобы.

– А духи пускай служат мне, ежели им так хочется. В любую из эпох воин обречён быть воином. От судьбы не уйдёшь, – а я мог бы спасти их. Пусть служат мне, Повелителю Шестых Небес. О-Ран!

– Ха!

– Завтра соберёшь всех в зале Сэндзэкаку⁶. Не достроил Обезьяна⁷ храм, куда это годится... Но для казармы, так и быть, сойдёт. Буду держать совет.

– Слушаюсь.

– Сила Нариты Юзуру... Поскорей бы испробовать её в действии! Вот повеселимся... – Нобунага откинулся на спинку стула и жестом победителя опустил руки на подлокотники. – Повелитель Шестых Небес и бодхисаттва Мироку... Мир замрёт в страхе, когда я явлю ему эту мощь.

Волны плещутся во мраке...

Такая стоял в темноте, прислушиваясь к звуку несуществующего голоса. Звук сливался с шумом волн – а может, это и были волны?.. Утомлённое сердце не знало наверняка. И всё же, кто-то звал его.

«Чей это голос?..»

Спокойный, как шум моря в родном краю.

«Чей?..»

То накатывая, то отступая снова, голос обращался к нему, неся с собой покой. Похоже на голос отца...

Голос проникал в раны, омывал изрезанное, разорванное, истерзанное тело. Похоже на то, что называют состраданием...

Но чем дольше он слушал, тем сильнее щемило в груди, и вскоре душевная боль переросла в физическую. Что бы это могло быть?..

Больно до самых кончиков пальцев. Невозможно пошевелиться, невозможно открыть глаза... Раны горели, словно облитые кислотой – она лилась и лилась, обжигая всё сильнее, не давая передохнуть...

⁶ Сэндзэкаку – буддистский храм на Миядзиме, заложенный Тоётоми Хидэёси, но недостроенный в связи с его смертью.

⁷ Обезьяна – прозвище Тоётоми Хидэёси.

Он хотел, чтобы боль исчезла. Он вскинул руку – и из мрака возникло лицо. Ласковое, как морская гладь. Неистовое, как штормовой вал.

Такая-сан...

Как бальзам на раны...

Кагэтора-сама...

Пальцы коснулись щеки – и очутились в плену других пальцев, с большими суставами, своим теплом будто бы говорящих: «Я здесь».

«Здесь?..»

Здесь.

Как убаюкивающая колыбельная...

Не бойся. Всё хорошо.

Он позвал его по имени, ещё раз, и ещё.

Я не оставлю тебя одного...

«Да, я помню обещание. Ты поклялся мне. Поклялся, что не умрёшь...»

Так обними же меня. Окутай своей любовью. Шепни мне, что всё это сон, минутный кошмар, утешь меня и обними. Мне так холодно. Так холодно...

Я буду с вами. Всегда.

Я знаю, где я – в какой-нибудь маленькой, тихой комнате, за стенами которой царит ночь. Я лежу на белой постели, а ты сидишь в изголовье. И ты говоришь, что никуда больше не пойдёшь этой ночью. Не оставишь меня одного. Когда я открою глаза, ты будешь рядом, и мне не придётся просыпаться навстречу одиночеству – ни сегодня, ни завтра, ни в одну из этих холодных грозовых ночей.

До самого-самого рассвета.

Слёзы катятся по лицу...

Шум прибоя стал ближе; лёгкая рябь обернулась большой волной, волна разбилась о скалы. Скатившаяся по щеке слеза разбилась о тыльную сторону чьей-то ладони.

– Сабуро-доно...

Услышав, что его зовут, Такая открыл глаза; сверху на него глянуло чёрное ночное небо. Сколько времени прошло с тех пор?.. Сознание постепенно возвращалось к нему, и он обнаружил себя лежащим на руках Котаро. В голове всё ещё был туман. Где-то поблизости бились о берег волны.

– Вы узнаете меня, Сабуро-доно?

Такая, кажется, не узнавал. Какое-то время он смотрел на него мутным взглядом, потом, наконец, разлепил губы.

– Ко...та...

Голос был не громче комариного писка, но на лице Котаро, до этого слегка встревоженном, появилось облегчённое выражение.

– Да, Сабуро-доно, это я.

– Г...де... – невнятно пробормотал Такая, скосив глаза в сторону – больше он ничем пока не мог пошевелить.

– К северо-востоку от Хаги, в местечке под названием Суса, – ответил Котаро. – Как вы себя чувствуете? Что-нибудь болит?

Они находились на вершине большой, плоской как столешница скалы, которая круто обрывалась в море. Снизу время от времени долетали белые брызги. На небе не было ни звёздочки, только тяжёлые облака, отливающие серым.

Справа и слева простиралось скалистое побережье, расчерченное продольными узорами (эта порода называлась «полосчатый роговик»). Широкое место, где находились Такая и Котаро, носило название «Тысяча татами».

Такая поднёс руку к лицу и попытался осмыслить происходящее. «Что мы здесь делаем?» – возник в голове вопрос, но попытка облечь его в слова не увенчалась успехом.

– А...а...

Звуки не желали складываться в слова. Такая занервничал. Беззвучно шевеля губами, он протянул руку к Котаро, словно взывая о помощи.

– Что?.. – пригляделся к нему Котаро. – Вы не можете говорить?

– Г...кх...

С голосом всё было в порядке, но у Такаи не получалось говорить связно – не получалась, сколько он ни пытался. Должно быть, психологический шок оказался настолько велик, что пострадали речевые функции.

– Кх...а...

– Успокойтесь, торопиться некуда. Дайте ваш палец.

Котаро приставил его палец к своей ладони и велел чертить буквы. С буквами проблем не возникло.

«Что произошло?» – написал Такая.

– Мы бежали из горящего замка Хаги. Ваша сила вышла из-под контроля и чуть было не убила вас, но вас спасли.

Такая вздрогнул. Спасли?..

Он посмотрел на Котаро глазами испуганного крольчонка. Было больно видеть его таким... Котаро надел на лицо непроницаемую маску.

– Замок Хаги полностью уничтожен. Человек, чьё тело занимал Мори Тэрумото, скончался. Киккава Мотохару и другие вассалы Мори бежали на «Ямато», направляясь, предположительно, на Ицукусиму, – Котаро сделал паузу, а потом продолжал тем же бесцветным голосом: – Наоэ Нобуцуна погиб. Смерть наступила в результате ранения в сердце и была, судя по всему, мгновенной. Тело я предал огню.

Глаза Такаи широко распахнулись, взгляд застыл. Лицо со сжатыми в тонкую линию губами окаменело.

– Пожалуйста, держите себя в руках, – сказал Котаро, пристально глядя на него. – Сабуро-доно...

Пальцы Такаи обмякли и выскользнули из ладони Котаро. Он стал похож на безжизненную куклу, ничего, казалось, не замечая перед собой.

– Я соболезную вашей утрате, – голос Котаро был холоден и официален, – но у вас впереди ещё много неотложных дел. Соберитесь. Вы же полководец. Хорошего полководца не останавливает гибель вассалов – он встаёт и сражается дальше, несмотря ни на что. Вы – Уэсуги Кагэтора. Есть вещи, которые под силу только вам. Вспомните Оду... Не вы ли собирались освободить Уэсуги Кагэкацу из-под власти Нобунаги? – на лице Такаи малопомалу начало появляться осмысленное выражение, и это не укрылось от цепкого взгляда Котаро. – Не в том ли состоял приказ, полученный вами от Кэнсина? Охранять вашего сводного брата Кагэкацу, не дать духам-генералам завладеть его силой. Вы потому и выбрали для перерождения именно это тело – всё это для нас давно уже не секрет.

– Уэсуги Кагэкацу, он же бодхисаттва Мироку, – проговорил Котаро полным уверенности тоном. Такая закрыл глаза и отвернулся, молчаливо признавая его правоту. – Нарита Юзуру является его аватаром: смертный, в котором воплощён дух будды будущего, сошедший с небес Тушита⁸. Не вам ли было велено следить, чтобы его ужасающая сила не досталась

⁸ Небеса Тушита – четвёртые снизу небеса (из шести), на которых обитает бодхисаттва Мироку (Майтрея).

духам-генералам? Не ваш ли долг спасти его из лап Дьявольского Короля?.. Посмотрите на меня, Сабуро-доно.

Такая не поднимал глаз, словно одолеваемый сомнениями.

– Посмотри на меня, Сабуро, – строго повторил Котаро, и эти слова уже не были его словами. Такая вздрогнул от неожиданности и впился глазами в его лицо.

– Тебя ждут товарищи. Ты должен идти к ним. Сможешь?

Такая затаил дыхание. Он понял, кто говорит сейчас устами Котаро – это казалось невероятным, но ошибки быть не могло. Такая шевельнул губами и беззвучно прошептал: «Батюшка...»

Он попытался подняться. Котаро кивнул, помогая ему, и махнул рукой в сторону моря. Проследив за его движением, Такая судорожно вздохнул.

В небесах над чёрным беспокойным морем парил огромный серебряный дракон – медленно покачивая телом и следя за Такаей своими блестящими, похожими на нефритовые бусины глазами. Такая помнил эти глаза. Он видел их сквозь туман над озером Тюзэндзико, когда существо, в которое воплотился его отец, взирало на него сверху тем же самым взглядом. «Я отнесу тебя, Сабуро», – сказал Удзиясу.

– Батюшка...

Это было первое слово, которое он сумел произнести. Внизу снова разбилась о скалы волна, на секунду закрыв горизонт белой кисеей. Порыв ветра швырнул Такае в лицо пригоршню брызг. «Я отнесу тебя к тем, кто ожидает твоего возвращения».

Такая болезненно поморщился, упрямо сжал губы и закрыл глаза.

«В чём дело, Сабуро?»

Как необъятная морская даль...

«Вставай».

Такая почувствовал себя ребёнком, которого подбадривает отец. Под веками защипало. Он отвернулся, крепко зажмурился и сдвинул брови, но одна-единственная слеза всё же скатилась по его щеке.

«Вставай».

Такая замотал головой.

«Сабуро...»

– Почему?.. – выдавил он наконец, – почему я должен куда-то идти?.. Я не хочу больше!..

«Ты должен, Сабуро, – продолжал Удзиясу строгим голосом, – потому что ты нужен».

Такая дрожал, оперевшись ладонями в землю. Он не понимал – кому он нужен? Зачем он нужен? Почему даже сейчас от него продолжают что-то требовать? Он больше не может никуда идти...

«И ты встанешь».

Такая мотал головой, как заведённый.

– Пожалуйста, – простонал он, – дайте мне умереть... – слёзы катились по его щекам. – Дайте же мне, наконец, умереть...

На это Удзиясу ничего не ответил. Руки и ноги у Такае подогнулись, и он осел на землю.

– *Не бойся*, – снова услышал он голос Наоэ. – *Не бойся. Всё хорошо.*

«Наоэ...»

Он ухватился за этот звучащий в сознании голос, как утопающий за соломинку.

«Приди ко мне...»

Я здесь.

«Коснись меня...»

Всё будет хорошо.

«Но тебя нет!..» – мысленно закричал Такая и вскинул руку, пытаясь отыскать во мраке следы его присутствия. Как маленький слепой котёнок...

Не бойся.

Такая прокручивал в голове эту фразу, произнесённую низким шёпотом, но не потому, что ему нужны были слова. Живой голос – вот что ему было нужно.

«Наоэ...»

Я люблю тебя.

«Тогда обними...»

Ему нужен был живой голос. Ему нужна была живая плоть. Такая плакал, стиснув зубы и закрыв глаза.

До самого-самого рассвета...

«Обними меня!..»

...я буду здесь...

Его запах... Его присутствие... Его тело.

Я хочу умереть. Прямо сейчас. Разреши мне это...

Я не позволю вам умереть.

Позволь, Наоэ.

Вам нельзя умирать...

Мне нечем больше дышать!

Ведь я люблю вас...

Тогда возьми меня с собой! Если ты любишь меня, возьми меня с собой!..

Ты нужен мне. Никто, кроме тебя. Всё остальное в этом мире не имеет ценности. Столько долгих лет прошло – и каждый миг, каждую секунду мне был нужен только ты. Я видел, что ты и так мой, но хотел тебя ещё больше.

Если тебя не станет, если ты уйдёшь, если бросишь меня – я умру. Так я думал, и так оно и вышло: вот он я, неспособный дальше жить... Вот до чего дошла моя зависимость. Ты нужен был мне, чтобы держаться. Я вдохнуть без этого не мог. Шагу ступить не мог. Меня прошибал от страха липкий пот, когда я думал о том, насколько ты мне необходим...

Обними меня. Мне нужно, чтобы ты меня хотел. Хочешь моё тело – бери силой. Бери, и не отпускай, даже когда наиграешься. Подари мне объятия, в которых не будет ничего, кроме боли. Ворвись в меня, пронзай до крови, пока я не потеряю сознание – но и после не отпускай. Возьми меня снова, десятки, сотни раз, глубоко и остро, я хочу почувствовать твою горячую плоть!

Хочу до смерти... и после смерти... даже если это станет моей смертью... хочу, чтобы смерть взяла меня... Я хочу умереть!..

Слова превратились в заклинание, лихорадочное, как бормотание безумца... А потом он соскользнул во мрак.

Волны бьются о скалы, белое водяное крошево взлетает вверх. Чёрное море ревёт, подобно сказочному чудовищу, и колышется – взад-вперёд, взад-вперёд...

Такая поднялся на ноги, медленно и бесшумно, как призрак. Он выпрямил спину, и слёзы упали с его ресниц, когда он открыл глаза. В этих глазах была мгла.

Котаро удивился. Он не ожидал, что Такая встанет сам, без посторонней помощи. Но Удзиясу смотрел и видел, как с последней упавшей слезой захлопываются и ломаются тяжёлые двери его души. Захлопываются и ломаются, оставляя за собой одно лишь измученное тело.

Такая снова закрыл глаза, словно смертельно уставший ребёнок, и поднял голову к небу. Он ничему больше не противился. Он был пуст, и ему не жаль было своей оболочки.

«Забери меня...»

«Возможно, так и надо», – думал, глядя на своего сына, Удзиясу. Потому что, если он не верит себя кому-то сейчас... он умрёт.

Шум волн не смолкает. Японское море чувствует приближение грозы. Влага пропитывает волосы и каплями стекает вниз – кап-кап...

– Отец велит вам садиться к нему на спину, – сказал Котаро, подходя сзади. – Он отнесёт вас туда, где вы должны быть. И там вы сделаете то, что должны сделать. Идёмте же, Сабуро-доно.

Взгляд у Такаи тяжёлый и тёмный, как свинец. Он медленно, словно исподволь, поворачивается и идёт туда, где его ждёт Удзиясу. Море шумит и пенится вокруг, а в ушах Такаи всё звучит голос, чуть слышный, как далёкое эхо... Повторяющийся, как сломанная пластинка...

Я буду здесь...

До тех пор, пока не рассеется сон.

Я буду рядом с вами.

Гигантский дракон ждёт. Разбиваются о берег волны.

Наконец, наступил рассвет. Аяко и Томо-химэ всю ночь провели в машине, спеша добраться от высокогорья Акиёсидай до переправы на Миядзиму, и с первым утренним паромом оказались на острове.

– Ветер разгулялся, – пробормотала Аяко, стоя на причале и придерживая разлетающиеся волосы рукой. – А энергия здесь очень плотная...

Ещё бы, ведь они находились в объединённом лагере Оды и Суэ. Миядзима была накрыта барьером, сквозь который, однако, могли проходить обычные люди, и только в святилище Ицукусима не пускали никого. Аяко велела Томо-химэ скрывать своё присутствие, насколько возможно.

– Ведь мы шпионим на территории врага.

Томо-химэ кивнула с серьёзным видом.

– Я недавно ходила сюда на разведку и имею представление о местности. Я покажу путь.

– Ах да, ты же встречалась с сестрой, – сказала Аяко и понизила голос. – Возможно, ты увидишь её снова. Ты готова к этому?

– Мы предложим помощь Сиканоскэ, упирая на то, что Мандзю находится у меня. Он должен согласиться, а Исари не осмелится возражать ему.

– Ладно...

Аяко перевела взгляд на тории святилища Ицукусима, виднеющиеся вдалеке.

«Ода Нобунага...»

Он обязательно там, в своём штабе. Для него ничего не стоило уйти целым и невредимым с взорванного парома, и тело Юзуру он наверняка не бросил – кто же выбросит такую ценную вещь...

«Потерпи, Юзуру-кун, мы обязательно тебя вызволим.»

– Сюда, Какизаки-доно, – сказала Томо-химэ и зашагала вперёд. – Особняк Амаго находится на стороне Цуцумигауры. Кандзю тоже должна быть там.

Особняк Амаго был расположен в восточной части острова, на возвышенности, с которой открывался вид на Цуцумигауру. Дорога после крутого подъёма выводила прямо к парадным воротам, миновав которые, женщины, наконец, оказались на ступенях лестницы, ведущей в дом. Тогда-то Аяко и заметила неладное.

– Я не чувствую присутствия людей...

Казалось невероятным, чтобы все одновременно куда-то ушли, оставив особняк без присмотра – и тем не менее, над домом висела странная тишина без малейших признаков движения.

– Не могли же они вдруг взять, и переехать?.. Ладно, пошли посмотрим, что там внутри.

И женщины, больше не таясь, преодолели последние метры до двери. Под дверью лежали тела.

– Это ещё что... – пробормотала Аяко.

– И здесь то же, – сказала Томо-химэ, заглядывая внутрь.

Представшая их глазам картина напоминала следы внезапного нападения. Тела, принадлежавшие, очевидно, вассалам Амаго, были повсюду, но на них не было заметно ни следов крови, ни ран. Люди как будто спали.

– Кто это сделал?..

– Какизаки-доно! – окликнула Томо-химэ с заднего двора. Там, за прудом, в глубине японского сада, стояла часовня Инари: лакированные двери нараспашку, а на полу отпечатки множества ног. Подойдя ближе, Аяко заметила на земле блестящие чёрные камешки. Где-то она уже видела такие... Камешки опоясывали часовню по кругу. Их кто-то специально сюда положил, чтобы сделать барьер.

«Барьер Бессилия!»

– Отойди оттуда, Томо-химэ.

Аяко отодвинула спутницу за спину и собрала на ладони энергетический шар. Шар начал раздуваться, раздуваться, а потом, – Ха!.. – Аяко с силой запустила им в невидимую стену барьера. Раздался грохот, сверкнула вспышка, и стена разлетелась на мелкие кусочки, как разбитое стекло. Разбросанные на земле камни загорелись, задымились, и из чёрных стали пепельными. Барьер Бессилия был снят.

Аяко вошла внутрь и приступила к ментальной разведке, притрагиваясь ко всему, что видела вокруг. Когда её рука легла на статую Белого Лиса, статуя чуть сдвинулась.

– Вот оно, – сказала Томо-химэ.

Аяко кивнула и потянула глиняную статую до упора на себя. Сработал рычаг, статуя ушла вниз, и ящик для жертвований со скрипом отъехал в сторону, открывая ведущие вниз ступени. Женщины начали спускаться по ним, освещая путь карманным фонариком.

– Здесь подземная комната, – пробормотала Аяко, и тут Томо-химэ воскликнула:

– Смотри!

На полу перед алтарём виднелись две лежащие женские фигуры.

– Исари!..

– Сацки-сан!..

Аяко и Томо-химэ поспешили к ним.

– Исари!.. Исари, держись!..

– Сацки-сан!.. Эй, ты живая?

Первой очнулась Сацки; хорошая встряска быстро привела её в чувство.

– М-м...

– Сацки-сан!..

– А?.. – девушка приоткрыла веки и рассеянно взглянула на склонившуюся над ней Аяко. – Кто?..

– Мы встречались в отеле, в Хиросиме, я была вместе с Оги Такаей.

– А! – Сацки распахнула глаза и резко села. – Вспомнила! Что ты здесь делаешь? И где мы вообще?..

Сацки огляделась по сторонам и увидела Томо-химэ.

– Наруми! – закричала она, кинувшись ей на шею и едва не опрокинув на спину. – Наруми!.. Живая!..

– Эй!.. Постой-ка...

– Наруми!.. – и Сацки расплакалась на плече у растерявшейся Томо-химэ. Аяко вздохнула.

– Ничего не поделаешь, они подруги... Сацки очень волновалась.

– Ах, вот оно что... Стало быть, это подруга Наруми... – Томо-химэ мягко отстранила Сацки и сказала:

– Я виновата перед тобой. Наруми жива и здорова, она во мне.

Сацки захлопала глазами.

– Наруми, ты чего?..

– Это не Наруми, – вмешалась Аяко. – Сейчас с тобой говорит дух «Ян Гуйфэй», который к ней подселился.

– Да ну... Так что же, выходит...

– Не волнуйся, – поспешила успокоить её Аяко. – Это временно. Дух попользуется телом и уйдёт. С Наруми-сан всё в порядке, она сама на это согласилась. Согласись и ты с её решением.

– Согласиться с её решением?.. Но...

– Исари!..

Тем временем другая женщина начала приходить в чувство. Её ресницы дрогнули, когда Томо-химэ приподняла её за плечи, прислонив к себе.

– Ну же, Исари... Держись...

В подёрнутом дымкой сознании Исари возник прекрасный облик Ян Гуйфэй. Женщина разлепила губы, пробормотала: – Сестрица... – и широко распахнула глаза. Лицо Наруми было первым, что она увидела. Исари вскочила и оттолкнула Томо-химэ от себя.

– А!..

– Ты!.. Томо-химэ!..

Прижавшись спиной к стене, словно раненое животное, Исари изготвилась к бою и потянулась к силе. Томо-химэ в испуге отпрянула.

– Что...

– Убью! – крикнула Исари с перекошенным лицом. – На этот раз точно!

– Да погоди же...

– Ты изуродовала меня!.. Мерзавка, ты растоптала мою жизнь, чтобы выйти замуж за Киккаву! Ты хоть знаешь, каково мне пришлось потом, а?! Я тебе покажу... Я сделаю с тобой тоже самое!..

Они явились в неудачный момент. Находясь в беспамятстве, Исари видела сны о прошлом – они-то и всколыхнули её ненависть.

– Я сожгу тебе лицо! Вот этой самой рукой!

– Наруми!..

– Чёрт... А ну-ка хватит! Исари-химэ!

С раскалённой добела рукой Исари кинулась на Томо-химэ. Аяко едва успела ударить силой ей наперерез. Исари вскрикнула и отлетела назад, ударившись о стену. Сацки подлетела к Наруми, чудом избежавшей ожога, и загородила её спиной.

– Не смей трогать Наруми, ты!..

Исари, кажется, пришла в себя – и впервые заметила, что в комнате ещё кто-то есть.

– Ты кто такая? – спросила она, поворачиваясь к Аяко.

– Какизаки Харуиэ, одна из якшей Уэсуги.

– Уэсуги? – удивилась Исари и пристально взгляделась в её лицо. – Но что здесь делают Уэсуги?..

– Исари-химэ...

– И что здесь делает она?! – Исари наградила сестру свирепым взглядом. – Я же сказала, что убью тебя, если увижу снова. Зачем ты пришла? Жить надоело?

– Успокойся, Исари-химэ, – торопливо перебила Аяко. – Лучше расскажи нам, что тут произошло. Вас заперли Барьером Бессилия, и я знаю человека, который на это способен – Мори Ранмару... Неужели здесь побывали Ода?

Исари поджала губы, вспомнив события, которые привели её сюда. Какое-то время она молчала, пытаясь побороть досаду, а потом выразительно покосилась на Сацки. Девушка испуганно вскрикнула и спряталась за спину Аяко: она не помнила ничего. Исари скрипнула зубами, ещё больше помрачнев.

– Ода забрали Кандзю.

– Что?! – воскликнула Аяко.

– Они с самого начала меня подозревали, чтоб им пусто было... Они наложили на девицу гипноз, и выведали через неё про Жемчужины... Эх, недоглядела.

– Я?! Я ничего такого не помню! – запротестовала Сацки.

– Ты хочешь сказать, что теперь Нобунага знает о Жемчужинах всё? Об их свойствах, об их огромной силе?..

– Тихо. Господина Сиканоскэ я не подведу. Я сейчас же отправлюсь в Ицукусиму и верну Кандзю – пусть только попробуют мне помешать! Я убью Нобунагу своими руками!

– Не переоценивай себя, Исари.

От резкого голоса Томо-химэ Исари вздрогнула.

– Кем ты себя возомнила? Ну кинешься ты туда очертя голову, и что? Не пройдёшь дальше стражи у ворот.

– Да как ты смеешь!..

– Ты не понимаешь всей важности происходящего! – не отступалась Томо-химэ. – Если Мандзю и Кандзю окажутся в руках Оды, это станет проблемой не только Мори и Амаго! С Жемчужинами Ода захватит контроль над всеми морями Японии!

На секунду в комнате воцарилось потрясённое молчание.

– И что будет потом? Тебе-то это должно быть ясно, Уэсуги. Мандзю и Кандзю повелевают морями не только у берегов Японии, но по всему миру!..

«Нет...»

Аяко испугалась, впервые осознав истинные возможности камней. Жемчужины управляли не только приливами и отливами, но любыми водами вообще – например, подземными, как это было в пещере Тайсё, или водами рек. Даже жидкостями человеческого тела. С их помощью можно изменить форму морей и материков, можно вызвать цунами, можно осушить океан, можно затопить водой континенты... Это сила стихии, которая в руках человека превращается в страшную угрозу. Ни один, даже самый многочисленный флот не выстоит против того, кто подчинит себе океан.

– Если это попадёт к Нобунаге...

– Не «если попадёт», а уже попало. Половина, по крайней мере. И Нобунага непременно придёт за второй половиной. Мы не вправе отдать ему Мандзю. Мы обязаны вернуть украденное.

Томо-химэ обвиняюще посмотрела на Исари.

– Случилось то, что не должно было случиться – и всё потому, что ты вынесла Кандзю на поле битвы! Взгляни на дело рук своих и ужаснись!

– Не тебе меня учить! – огрызнулась Исари. – Как ты вообще посмела передо мной явиться? Я обещала тебя убить! – с этими словами она повернулась к Аяко. – Где Мандзю? Мы договаривались, что вы добудете Мандзю и разделаетесь с ней! Почему она здесь и до сих пор жива?

– Мы не можем убить Томо-химэ, – отрезала Аяко. – Обстоятельства изменились. Сейчас её жизнь важнее твоей мести.

– Что?!

– Довольно, Исари! – перебила Томо-химэ суровым голосом. – Хочешь моей смерти – пожалуйста, убивай. Но после, а не сейчас! Пока мы не отнимем Кандзю у Нобунаги, я умирать не собираюсь.

Исари несколько опешила от такого напора и замолчала.

– Как бы то ни было, а сейчас нужно успокоиться и придумать план. Всё равно без Мандзю они ничего не сделают. Время ещё есть.

Аяко нахмурилась. Томо-химэ права, Кандзю надо вернуть. Без неё и «Ямато» не потопишь...

– Это из-за меня, да? – виновато пробормотала Сацки. – Я что-то плохое натворила...

– Ты не отвечала за свои действия. Не вини себя.

– Наруми, ты сердисься? – Сацки совсем расстроилась. Она чувствовала себя виновницей каких-то ужасных бед. – Прости... Оги был прав. Я полезла не в своё дело, и вот что получилось... Хорошо, я поеду домой, – сказала она, понурив голову. – Я, конечно, волнуюсь за тебя, но не хочу больше мешать.

– Сацки-сан...

– А вы верните Наруми в целостности и сохранности!

С этими словами Сацки поднялась и вышла из комнаты. Наруми встрепенулась.

– Сацки! – закричала она, вытеснив из сознания Томо-химэ, вскочила и выбежала следом.

Наруми догнала Сацки на выходе из часовни.

– Сацки, подожди! Ты ни в чём не виновата! Это вообще я всё начала!

– Наруми?.. Это ты?..

– Я сама согласилась помочь Томо-химэ и заставила тебя волноваться... Ты волновалась, искала меня... Ты ни в чём не виновата!

– Наруми...

– Прости меня! – Наруми крепко обняла подругу. Сацки, со слезами на глазах, похлопала её по спине.

– Спасибо.

– Да не за что...

– Благодарствую.

Глаза Сацки загорелись жестоким блеском. Она отодвинула Наруми от себя и внезапно ударила её кулаком в живот. Девушка со стоном сползла вниз. Сацки смотрела, как она падает на землю, и на губах её играла холодная улыбка.

– Так что с Мандзю? – спросила Исари, когда они остались вдвоём. – Томо-химэ сказала, где её искать?

– Да что там искать... Мандзю сейчас у неё.

– Как?! – Исари вытаращила глаза. – Вы принесли камень сюда, на Ицукусиму?!

– Я хочу потопить «Ямато», – сказала Аяко, сдвинув брови. – Для этого нужны обе Жемчужины, ты же сама говорила. Потопить «Ямато», разбить Оду – вот наш план. Надеюсь, ты тоже нам поможешь...

– Нет, только не это...

Исари вскочила и кинулась вон из комнаты, оставив Аяко недоумённо хлопать глазами.
– Исари-химэ!

Когда они вдвоём выбежали на поверхность, было уже поздно. Наруми лежала без сознания у дверей часовни, а Сацки нигде не было видно.

– Наруми-сан!.. Томо-химэ!..

Томо-химэ со стоном открыла глаза и пробормотала:

– Проклятые Ода...

– Сацки! – воскликнула вдруг Исари. Проследив за её взглядом, Аяко увидела девушку: та стояла на противоположном конце пруда в окружении нескольких мужчин, судя по всему – подручных Оды. Она всё ещё была под гипнозом, и Мандзю поблёскивала в её руке.

– Не повезло тебе, Исари-химэ. Передай Сиканоскэ спасибо от нас за эту Жемчужину.

Аяко и Исари ударили силой одновременно, но их атака натолкнулась на невидимую стену, поставленную вдоль берега пруда. Энергия рассеялась. Сацки и её охранники кинулись бежать.

– Стой! Сацки!

Аяко и Исари хотели было броситься вдогонку, но не успели сделать и нескольких шагов, как наткнулись на энергетические мины. За первым взрывом последовал второй, и часовня у них за спиной взлетела на воздух. Спрятавшись под ментальными щитом, женщины слышали, как заложенные по всей усадьбе мины взрываются одна за другой. И лишь когда всё стихло, они смогли подняться и осмотреться вокруг.

Особняк был наполовину разрушен. Сацки исчезла без следа. Воцарилось подавленное молчание.

– Будь ты проклят, Нобунага! – воскликнула Исари-химэ, потрясая кулаками. Аяко и Томо-химэ не могли вымолвить ни слова от потрясения.

– Что же делать... – пробормотала Аяко наконец. – Мандзю теперь у Нобунаги...

– Вернуть её обратно – вот что! Идём в Ицукусиму прямо сейчас!

– Не говори глупостей. Нобунагу так просто не одолеть. Нет, это совершенно бессмысленно...

– Что, струсила, Уэсуги?!

– Ты не знаешь, на что он способен!

Аяко обернулась и посмотрела на Томо-химэ: та, казалось, ещё не совсем пришла в себя.

– Госпожа Ян Гуйфэй... – чуть слышно прошептала она. – Научите, как следует поступить?..

Аяко и Исари напряжённо наблюдали, как Томо-химэ разговаривает с Ян Гуйфэй. Некоторое время она молчала, отрешённо глядя перед собой, а потом широко распахнула глаза.

– Стало быть, это единственный выход?..

– Томо-химэ...

Женщина опустила голову, собираясь с духом, а потом обернулась к Аяко.

– Идём на Мисэн.

– На Мисэн?..

– Да, другого не остаётся...

Аяко и Исари непонимающе уставились на неё. Идти на Мисэн – именно эти слова Такая услышал от Томо-химэ, когда впервые вошёл с ней в контакт, вспомнила Аяко. Они тогда думали, что речь идёт о местонахождении Наруми, а Исари надеялась найти там Мандзю. Но все они ошибались... В чём же смысл похода на Мисэн?

– Наверняка там будут люди Оды. Сначала нужно избавиться от них. Какизаки-доно, понадобится твоя сила...

– Хочешь, чтобы я разделалась с мелюзгой?
– Да, – Томо-химэ вскинула голову. – А потом я уничтожу Мандзю и Кандзю.
Её спутницы вытаращили глаза.
– Уничтожишь?!
– Чтобы Нобунага не успел ими воспользоваться. Это последнее средство, и я не думала, что буду вынуждена к нему прибегнуть... Но ничего не поделаешь.
Томо-химэ посмотрела на Исари.
– Твоя сила нам тоже нужна. Пошли с нами.
Исари ответила ей взглядом, полным неизменной ненависти.
– Я убью тебя, помани моё слово.
Томо-химэ скривилась, будто от боли, и ничего не ответила.
А потом все трое отправились на Мисэн – гору, где обитают боги.

ГЛАВА 22

ГНЕВНОЕ МОРЕ, СЕРДИТЫЕ ВОЛНЫ

– Хаги пал?! Не может быть! – воскликнул Кобаякава Такакагэ, младший брат Мотохару, услышав известие.

– Что с моим братом? Что с Тэрумото?
– Господин Мотохару спасся на «Ямато». Господин Тэрумото погиб.
– Погиб?.. – потрясённо повторил Такакагэ. – Нет, погибломестилище... Дух должен был остаться, задержаться где-то...
– Такакагэ-сама...

Заговорил человек в белом костюме – один из ближайших вассалов Такакагэ по имени Анкокудзи Экей. Он был в действительности буддистским монахом, много потрудившимся в прошлом на благо клана Мори. Когда умер Мотохару, Экей сыграл роль посредника в переговорах между Мори и Хидэёси, и, благодаря своему дару убеждения, добился от последнего многочисленных привилегий. Хидэёси даже пожаловал ему потом провинцию Иё с доходом в шестьдесят тысяч коку. После смерти Хидэёси этот предприимчивый монах вступил с Исидой Мицунари в сговор против Иэясу, и его стараниями Мори Тэрумото был провозглашён предводителем Западной коалиции. Анкокудзи Экей лишился головы на Рокудзёгаваре⁹ после поражения в битве при Сэкигахаре, а возродившись в Усобице Духов, стал советником Такакагэ. Идея с «Ямато» на самом деле принадлежала именно ему.

– Боюсь, господина Тэрумото больше нет на этом свете...
– О чём ты говоришь?
– Вероятно, его силы подошли к концу. Вы помните, в каком состоянии находился его дух? Он был слишком слаб, чтобы удержаться в мире живых, – Экей сощурился, пряча ледяные глаза под узкими веками. – Забудьте о господине Тэрумото. Мори могут существовать – и существуют – без него.

– Да, но...
– Мори с самого начала ни к чему было знамя. Мотохару-сама придаёт слишком большое значение происхождению. А ежели ему так необходим кто-то, носящий это имя, пусть сам назовётся им, или назовёт вас – не обязательно навсегда оставаться Притоками.

⁹ Рокудзёгавара – знаменитое место для казни в Киото.

– Брату на всё нужна причина, такой уж он человек... – Такакагэ глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. – Как бы то ни было, я рад, что он невредим.

– А «Ямато» удался на славу, – сказал Экей с довольной улыбкой. – Лучше, чем мы рассчитывали. Духи в Курэ, числом без малого десять тысяч, ждут не дождутся его появления – и некоторые даже слишком сильно. Ишь, чего задумали – прибрать наш корабль к рукам и возродить флотилию, которая давно отвоевала своё... Что ж, чем больше они распалятся, тем выгоднее для нас.

– Падёт ли Ицукусима?

– Падёт, куда не денется, – уверенно улыбнулся Экей. – Перед «Ямато» не устоит никто и ничто.

– Ты прав...

Тут раздался стук в дверь и в комнату вошёл Мураками Такэёси.

– Мураками-доно...

– Такакагэ-доно... Скоро ли будет военный совет по случаю наступления на Ицукусиму?

– Совет?.. – ответил вместо Такакагэ Экей. – Ах, совет... Но, Такэёси-доно, в нынешней битве от вашей флотилии не потребуется ничего, кроме сопровождения. Зачем сражаться на маленьких судах, когда у нас есть «Ямато» и другие корабли-цукумогами? Несколько выстрелов из их орудий, и враги сдадутся без боя.

– А нам стоять в стороне и не вмешиваться? – насупился Такэёси. – Вы что же, использовали мой флот только для того, чтобы охотиться за топливом для «Ямато»?

– Мы просто с умом распоряжаемся имеющимися у нас средствами, – сказал Экей и добавил небрежно: – Работу пирата пускай выполняет пират.

– Что?!

– Замолчите, оба! – вмешался Такакагэ. – Грызня между союзниками, куда это годится... Такэёси, нам очень нужен твой флот. Пойми и согласись.

Пришлось Такэёси проглотить обиду, но если согласиться, скрепя сердце, он ещё мог, то понять было куда сложнее. Они с Экеем с самого начала не сошлись характерами. Такэёси не нравилось, что ему, профессионалу морских сражений, указывает какой-то монах. Экей втёрся в доверие к Такакагэ, как некогда к Хидэёси, и пытался оказывать влияние на Мори. Но, сколь бы умным и дельным советником он ни был, Такэёси это всё равно было не по душе. И чем дальше, тем больше.

«Этот и с Нобунагой подружится...» – подумал Такэёси и сказал, не скрывая неприязни:

– Мураками – не вассалы Мори. Мы помогаем вам единственно из уважения к досточтимому господину Мотонари. Не забывай об этом, Экей. Пираты Мураками носят своё имя с гордостью. Ещё одна насмешка – и воюйте дальше без нас.

С этими словами Такэёси вышел из комнаты. Экей остался невозмутим, будто ничего не произошло, и только Такакагэ нахмурился, погрузившись в свои мысли.

Ясуда Нагахидэ, он же Чиаки Сюхэй, находился в плену, запертый в тесной камере на самом нижнем уровне морской крепости Мураками. Он висел на цепях, прибитых гвоздями к стене; толстые гвозди проходили сквозь его ладони. Несколько резаных ран виднелись на его голой груди.

– Ну и как тебе понравились пытки Мураками? – спросил Косака Дандзэ. Чиаки поднял измождённое лицо. У него всё ещё были силы, чтобы улыбаться.

– В отличие от некоторых, я равнодушен к садомазохизму.

– Кажется, Мори собираются оставить тебя в заложниках. Доволен?

– Идиоты... Они не понимают, с кем имеют дело? Что ему заложники? Он перешагнёт через мой труп и не поморщится.

Косака фыркнул, а потом улыбка вдруг сползла с его губ, и он замолчал. Чиаки подозрительно уставился на него, заметив странную перемену.

– Наоэ мёртв, – выговорил Косака наконец.

– Что?.. – Чиаки изменился в лице. – Что ты сказал?..

– Наоэ Нобуцуна мёртв. Погиб в Хаги. Всё, его нет больше на этом свете.

Чиаки побледнел. Кое-как разлепив ставшие вдруг непослушными губы, он заговорил, едва не срываясь на крик:

– То есть как – мёртв?! Что значит – мёртв?! А ну объяснись, живо!

– Откуда мне знать? Меня там не было... Но неужели ты не слышал голоса Кагэторы?

– Голоса Кагэторы?..

– Да, куда уж тебе... Чувствительностью ты никогда не отличался... Наоэ умер, и Кагэтора взбесился. Разнёс замок Хаги до основания – не совладал с силой, очевидно. Его крик было слышно даже здесь... Чудовище.

– Что с ним стало? Он жив?

– Не знаю, и знать не хочу. Может, убил себя следом... Это было бы славно... Ладно, пока приношу свои соболезнования, так и быть.

Косака немного помолчал, опустил голову, а потом снова усмехнулся себе под нос:

– Вот же дурак – взял и умер раньше всех, а я-то надеялся использовать его на благо клана Такэда... Но нет, он решил и в смерти быть бесполезным. Дурак... Идиот... – Косака сделал паузу и добавил: – Впрочем, у тебя ещё будет время послушать мои упрёки, после того, как мы тебя переделаем...

Чиаки впился в него острым взглядом, который Косака встретил со свойственной ему надменностью.

– Если Кагэтора тоже мёртв, то следующим главнокомандующим Уэсуги станешь ты, Ясуда. Мы прочистим тебе мозги, и со своей изгоняющей силой ты будешь служить нам, Такэда. Будешь пахать за них двоих, то-то я порадуюсь...

С этими словами Косака повернулся и вышел из камеры, оставив Чиаки потерянно глядеть перед собой.

«Наоэ...» – беззвучно простонал он и стиснул зубы.

Когда Чиаки видел Наоэ в последний раз, тот не мог пользоваться силой. В таком состоянии перерождение невозможно. Но даже будь его сила при нём – срок, отпущенный его душе, явно подходил к концу. Лишившись тела, его дух не смог бы удержаться в этом мире.

«Ты что же, в самом деле мёртв?..» – Чиаки крепко зажмурился. – «По-настоящему мёртв?..»

И тут он услышал голос, заставивший его резко вскинуть голову.

Чиаки...

Это была чья-то мысленная волна. Чиаки уже не сомневался, кому она принадлежала, когда его позвали во второй раз.

«Кагэтора?..» – хотел он послать ответный импульс, как вдруг воздух перед ним задрожал, проявляя очертания человеческой фигуры.

– Ты!..

Это действительно был Такая, собственной персоной – он словно материализовался из другого измерения и приземлился на пол, на одно колено.

– Кагэтора!.. Живой!..

– Ты, как вижу, тоже...

Такая проворно встал, подошёл к Чиаки и, взявшись за его прибитые к стене руки, безжалостно выдернул гвозди из ладоней. Брызнула кровь. От пронзительной боли Чиаки задохнулся и едва не завопил. Такая взял его руки в свои, пробормотал останавливающее заклинание и дёрнул рукав рубашки, чтобы соорудить из него две повязки.

– С каких пор ты научился телепортироваться? – спросил Чиаки.

– Это не я, мне помог драконий бог Хаконэ, – ответил Такая, разбивая силой кандалы на его ногах. Он явно торопился. – Сможешь провести меня по крепости, Чиаки? Сначала освободим людей. Потом избавимся от Кобаякавы Такакагэ – я слышал, он сейчас здесь.

– Правда ли, что Наоэ мёртв?

– Крепость мы взорвём и затопим, но сперва надо вывести пассажиров. Интересно, какая часть жизнеобеспечения «Ямато» сосредоточена здесь?.. Ты не знаешь, Нагахидэ?

– Я спрашиваю, правда ли, что Наоэ мёртв?! – Чиаки схватил Такаю за плечо, заставляя поднять глаза. Такая посмотрел на него в упор и сказал:

– Правда.

– Кагэтора...

– Наоэ умер в Хаги, и в этом мире его больше нет. Но война продолжается. Есть план, который нужно выполнить – чем мы и займёмся прямо сейчас.

– Тебе что же, всё равно? – не смог Чиаки удержаться от вопроса, глядя на его бесстрастное лицо. – Почему ты так спокоен? Наоэ умер. Наоэ!..

– Довольно болтовни. У нас мало времени, пошли.

– Болтовни?! Ах ты, сволочь! – заорал Чиаки и вцепился Такае в ворот. – Что там произошло? Отвечай! Говорят, ты съехал с катушек, только что-то по тебе не заметно!.. Отчего он умер? Может, ты сам его и убил?

– Отпусти меня, Чиаки.

– Это ты убил его, Кагэтора?!

Такая отбросил его руку и с равнодушным видом отвернулся.

– Показывай путь. У нас мало времени, – повторил он и, расплавив замок на двери, вышел в коридор.

– Что?.. Такакагэ-доно желает меня видеть? – подозрительно нахмурился Мураками Такэеси, когда один из вассалов Мори подошёл к нему с сообщением.

– Да, он имеет к вам секретный разговор, и будет ожидать вас на западном мысе.

– Секретный разговор... – Такэеси помолчал. – Знаю я эти разговоры... Опять Экей надоумил, не иначе. О чём только господин Такакагэ думает, позволяя этому человеку собой помыкать?.. Ежели они хотят меня задобрить, пусть не теряют напрасно времени, так и передай. Я сказал всё как есть: только Экей попробует снова надо мной насмеяться – и с Мори я больше дела не имею.

– Такэеси-сама, вы неверно поняли... – сказал мужчина, понизив голос. – Этот разговор не предназначен для ушей господина Экея. Речь идёт о деле чрезвычайной важности, которое Такакагэ-сама может доверить только вам...

– Вот как?..

Такэеси задумчиво склонил голову. Дело, которое можно доверить только ему?.. Наверняка это что-то действительно важное...

«Неужто у господина Такакагэ наконец спала пелена с глаз?..»

– Ладно. Понял. Иду немедленно.

Такэёси ушёл, а изо рта посланца, оставшегося в одиночестве, вылетел маленький белый дракон. Мужчина моргнул и растерянно огляделся по сторонам.

– Что я здесь делаю?..

Такэёси пришёл на назначенное место, – мыс к западу от подводной крепости, – но Такакагэ там не было.

«Слишком рано?..» – подумал он, когда кто-то сзади окликнул его по имени. Такэёси обернулся – и изумлённо вскрикнул:

– Вы!..

У него были все основания удивляться, ибо перед ним стоял вовсе не Такакагэ, а призрак другого человека, хорошо ему знакомого.

– Тэрумото-сама!.. Благодарение богам, вы живы!.. А говорят, будто вы погибли в Хаги...

– Я пришёл, чтобы передать тебе послание от господина Мотонари, – сказал призрак.

– Послание от господина Мотонари? Он всё-таки возродился? Наконец-то! Я уже и не чаял...

– Не позволяй Экею впутывать тебя в свои интриги, – с суровым видом продолжал Тэрумото, – этот человек стремится к власти над страной. Он собирается с помощью «Ямато» прибрать клан Мори к рукам и сам сделаться его главой.

– Не может быть! – Такэёси подался вперёд, его лицо исказилось от волнения. – Неужели в этом и состоял его план, с самого начала?..

– Такэёси. Я хочу, чтобы отныне ты служил мне, – произнёс Тэрумото с важным видом. – Я – нынешний лидер клана Мори, именно я наследую волю господина Мотонари. Флотилия Мураками для Экея – не более чем оружие, а дядя Такакагэ – его послушная марионетка. Мои дядя нынче оба пляшут под его дудку, совсем как я при жизни... Откажись участвовать в затее с «Ямато» и переходи на мою сторону. На кого ещё рассчитывать, как не на тебя...

– Господин Тэрумото... – Такэёси упал на колени посреди голой скалы. – С этой минуты флотилия Мураками подчиняется вам... нет, подчиняется воле господина Мотонари!.. Приказывайте – я исполню всё!

Тэрумото удовлетворённо кивнул и сказал:

– Отлично. Приказываю тебе покинуть эту крепость.

– Что?..

– Забирай весь свой флот и отчаливай.

– Вы велите мне бросить крепость на произвол судьбы?

– Это место осквернено злыми кознями Экея. К тому же, ты с самого начала был против плана «Ямато». Неужели вам, гордым пиратам Мураками, хочется работать на подхвате у этих переростков-кораблей?

Слова Тэрумото поразили Такэёси в самое сердце: они были отражением его собственных мыслей.

– Носи своё имя с гордостью, Мураками Такэёси.

– Благодарю... Благодарю вас, Тэрумото-сама!.. – кивнул пират со слезами на глазах. – Будет исполнено!

Такэёси, окрылённый, поспешил обратно в крепость; он снова чувствовал себя, как рыба в воде. А Фума-но-Котаро, всё это время прятавшийся в тени скал, проводил его взглядом и вышел на свет.

Котаро достал маленький золотой кувшин, и, когда призрак Тэрумото, уже начавший съедаться и стареть на глазах, затянуло в горлышко, запечатал крышку. Это была «Ловушка для душ». Тогда, в Хаги, Котаро поймал в неё неприкаянный дух Тэрумото, которому сегодня нашлось применение. Все слова, сказанные Тэрумото ранее, были словами Котаро.

Разведчик усмехнулся и зашагал по камням прочь.

– Что здесь происходит? Что ты задумал, Такэёси? – кричал Такакагэ, размахивая руками. Дело было на подземной стоянке кораблей, где пираты флотилии Мураками вдруг ни с того, ни с сего начали приготовления к отплытию. И отправлялись они явно не на охоту за людьми, потому как уносили с собой и оружие, и припасы.

– Куда ты собрался? Объяснись! – настойчиво вопрошал Такакагэ, отыскав Такэёси среди нескольких сотен моряков, занятых спешными приготовлениями. Такой поворот событий стал неожиданностью даже для Экея, который наравне с Такакагэ метался теперь по причалу с приказами остановиться. Но пираты Мураками, славившиеся своей сплочённостью, не слушали никого, кроме Такэёси. Последний же не обращал на Экея с Такакагэ никакого внимания, молча и без объяснений продолжая сборы.

– Такэёси!

Корабли покидали крепость один за другим. Такэёси уже собрался взойти на собственный атакабунэ, когда Такакагэ схватил его за руку.

– Это что, предательство?

– Можете мне отомстить, – дерзко ответил пират, – только я своего решения не изменю.

– Стало быть, всё-таки мятеж! И ты думаешь, мы так просто тебя отпустим?

– Уйду с боем, ежели понадобится – но я и мои люди делаем то, что в воле господина Мотонари. Прозрейте же и вы, наконец.

– Мотонари... Отец?! Но его дух очистился и не участвует в Усобице Духов! Кто вас надоумил?..

– Вижу смятение в рядах противника, – сказал Чиаки Сюхей, наблюдая за происходящим на стоянке из тени окрестных скал. – Ловко ты придумал переманить Мураками Такэёси с помощью духа Тэрумото.

– Я знал, что имя Мотонари подействует на него – он довольно сентиментальный человек. В результате, пиратами Мураками теперь командуем мы, а гарнизон крепости уменьшился на треть. Воспользуемся этим шансом, чтобы вывезти людей и уничтожить источник питания "Ямато".

– А что будем делать с Такакагэ? Изгоним?

– Тогда Мори поймут, что здесь замешаны Уэсуги, а я этого не хочу. Нет, пусть с ним разберётся другой.

– Сиканоскэ?

– Он убьёт для нас Такакагэ, а Экея оставим в живых. Тогда всё будет выглядеть, как стычка между Мори и Амаго – именно это мне и нужно.

Чиаки сдвинул брови.

– Что у тебя на уме?

Такая не удостоил его ответом.

– Котаро должен был приготовить корабли, чтобы посадить людей. Пошли, – сказал он и быстрым шагом двинулся прочь.

Яманака Сиканоскэ сидел в своей камере, когда услышал вскрик и увидел сквозь решётку, как его охранник падает на землю. Потом железная дверь открылась, и Сиканоскэ в изумлении воззрился на возникшего в проёме незнакомого мужчину с длинными волосами, связанными в хвост.

– Яманака Сиканоскэ-доно, если не ошибаюсь?

– А ты кто такой?

– Друг, который здесь, чтобы помочь вам.

– Кто-то из людей Оды?..

– Прошу вас поспешить, – сказал Фума-но-Котаро, проворно снимая с Сиканоскэ кандалы.

– Мураками Такэёси поднял мятеж. Сейчас самое время действовать. Уэсуги уже направляются к источнику питания "Ямато", чтобы разрушить его. Эта крепость в скором времени падёт. Вот, возьмите, – сказал Котаро, протягивая Сиканоскэ припрятанный где-то японский меч. – Вы найдёте Такакагэ и Анкокудзи Экея на подземном причале.

– Как, Экей тоже здесь?!

– Со смертью Такакагэ морской флот Мори перестанет существовать. Не медлите же! Отомстите ненавистным врагам!

– Я у тебя в долгу, – сказал Сиканоскэ, поднимаясь на ноги. – Мори ждёт гибель от моей руки! – выкрикнул он и пулей вылетел из камеры. Котаро вышел следом, торопясь вернуться обратно к Такае.

Меч Бисямона со свистом рассёк воздух, и нападающие солдаты Мори исчезли без следа. Чиаки, не желая уступить, косил врагов множественным изгнанием.

– **Бай!**

Под таким прицельным огнём силы противника таяли на глазах.

– Чтобы никого не осталось, Чиаки! – кричал Такая, пробираясь по узкому проходу.

– Дальше направо! Направо поворачивай!

Они направлялись к большой пещере, на ходу разделяваясь с костяными воинами, вырвавшимися у них на пути. Голубоватый светящийся след, что оставался в воздухе после каждого взмаха меча Бисямона, бросал блики на каменные стены.

И вот коридор закончился, выведя их к двери, перед которой поджидало множество солдат.

– Чиаки!

– Ноумакусаманда, боданан, байсирамандая, совака! О, великий Бисямонтэн! – Чиаки сконцентрировал энергию в ладонях. – Даруй мне силу твою, дабы изгнать зло!

Такая поднял меч. С раскрытых ладоней Чиаки сорвался сгусток света.

– Изыди!

Белая вспышка поглотила вражеских солдат, сметая выставленную баррикаду. Такая, не теряя ни секунды, опустил меч, целясь прямо по центру вспышки. Раздался взрыв: это меч Бисямона вошёл в резонанс с заложенным под дверю идолом-коппасин.

Тяжёлая, укреплённая специальными заклетами дверь разлетелась на куски. Такая и Чиаки пригнулись, пережидая взрывную волну, а потом кинулись в зал.

В огромном зале под неистовый бой барабанов двигалось в бешеном танце множество людей. Никто из них не обратил никакого внимания на вошедших. Такая почувствовал, как по телу разливается странный жар; требовалось делать над собой усилие, чтобы не оказаться захлестнутым этой отнимающей разум волной.

В пещере не оказалось ни одного охранника – очевидно, те, что были, были людьми Мураками.

– Кагэтора, вон там, – сказал Чиаки, указывая на кипарисовый алтарь по правую руку от них, где, среди украшений и подношений, подобающих синтоистской святыне, лежала глиняная фигурка в форме корабля. То загораясь оранжевым светом, то угасая вновь, она словно бы жила собственной жизнью.

– Значит, вот оно – сердце "Ямато"?..

Крепкое сердце, вобравшее в себя много силы – вряд ли его можно разрушить простым энергетическим импульсом...

– Сабуро-доно! – В развороченном дверном проёме показался Котаро и подбежал к Такае.

– Это и есть поглощающее силу устройство?

– Да. Люди пляшут под гипнозом и не остановятся, пока кукла цела.

Такая ненадолго задумался, а потом обернулся к Чиаки.

– У тебя ещё остались коппасины?

– Один приборёг напоследок, – ответил тот, вынимая из заднего кармана продолговатую деревянную фигуру. – Райдзин¹⁰. Самое оно, если нужно взорвать что-нибудь к чертям.

– Отлично. Взорвём форму корабля. Поставь защитный купол вокруг алтаря и удерживай в нём взрывную волну – остальное я сделаю сам.

– Даже и не надейтесь, Уэсуги, – раздался сзади знакомый голос. Все трое обернулись – так и есть, среди обломков двери стоял он.

– Косака.

– Кагэтора. Стало быть, ты всё-таки жив...

Косака Дандзё смерил его взглядом и неопределённо улыбнулся. Выходит, их планы оказались разгаданы...

Тем временем из противоположной двери высыпали и рассеялись по залу вооружённые автоматами люди – все из клана Такэда. И где только достали оружие...

– Это ещё что такое?

– Не могу допустить, чтобы "Ямато" остановился, – ответил Косака с холодной улыбкой. – Только дотронься до формы корабля – и я велю расстрелять всех в этом зале.

– Сволочь...

– Но вы только посмотрите на него... Он потерял свою правую руку, своего спутника на протяжении четырёхсот лет – и, тем не менее, доблестно сражается дальше. Прекрасно, просто слов нет. Конечно, миссия превыше всего... Нет, твоё упрямство не перестает меня восхищать.

– Это всё, что ты хотел сказать? – взвился Чиаки, но Такая сделал упреждающий жест.

– Такэда собираются нам препятствовать? – спросил он, обращаясь к Косаке.

¹⁰ Райдзин – бог грома и молнии.

– Пришло время свести счёты, – ответил тот и, не переставая улыбаться, начал накапливать в теле силу. Чиаки шагнул было ему навстречу, но Такая его удержал.

– Я сам с ним разберусь.

– Кагэтора...

– Не обращай ни на что внимания, распечатывай коппасин.

– Ничего у вас не выйдет!

Косака, набрав достаточно силы, перешёл в наступление:

– Это место станет твоей могилой, Кагэтора!

Туча синих стрел вырвалась из его тела и обрушилась на Такаю. Такая сверкнул глазами и, перекрестив руки у лица, отразил стрелы щитом.

– Ха!

Перетянув пойманную энергию в правую руку, он сформировал из неё световое копьё и, глубоко откинувшись назад, что было силы запустил в Косаку.

Щит Косаки не выдержал; посыпались искры. Такая, не теряя ни секунды, начал забрасывать его потоками плазмы. И тут тень под ногами Косаки вытянулась, обернувшись клубком из нескольких десятков змей. Змеи стремительно скользнули по полу и набросились на Такаю.

– Кх!..

Чиаки вытянул перед собой коппасин, готовясь к работе. Котаро тоже не мешкал: вытащив из внутреннего кармана пригоршню кристаллов с волшебными зверями, он разбросал их по полу.

– Пробудитесь, звери!

Кристаллы полопались, заключённые в них создания вырвались наружу, чтобы накинуться на вассалов Такэды. Раздались крики.

Чиаки тем временем сконцентрировался и начал начитывать предназначенную для идола мантру¹¹.

– Наумаку, санманда, боданан, индорая, совака... Наумаку, санманда, боданан, индорая, совака...

Такая хрипел, задыхаясь; выпущенные Косакой теньевые змеи сдавили его горло с невероятной силой. Ему грозило даже не удушье, а перелом шейных позвонков. Превозмогая боль, он всё же сумел вытянуть руку и вдохнуть силы в исчезающий меч. Меч Бисямона снова вспыхнул.

– Ха-а-а!

Лезвие взлетело и упало, перерезая тени. Косака дрогнул; пользуясь его замешательством, Такая ударил силой – всей силой, какую смог собрать.

– А!..

Поставить щит он успел, но щит не выдержал напора. Отлетев назад, Косака с размаху врезался в стену и сполз вниз, оставляя за собой кровавый след – наверное, переломал кости. Больше он после этого не шевелился.

– Чиаки!

– Наумаку, санманда, боданан, индорая, совака!

Чиаки распахнул глаза и, когда коппасин в его руках полыхнул синим пламенем, запустил фигуркой в алтарь.

– Кагэтора! Дальше давай сам!

¹¹ Дальше следует мантра Тайсяку-тэна (не Райдзина; видимо, у него собственной мантры нет). Тайсяку-тэн (Индра на санскрите) помимо всего прочего является также богом грома и штормов.

Чиаки вывел перед собой символ "И". Раздался низкий рёв – из деревянного идола вырос огромный Райдзин, с мощным телом и выпученными глазами.

– Он, бейсирамандя, совака! – крикнул Такая и взмахнул мечом, целясь Райдзину прямо в грудь. Несколько вассалов Такэды повернулись к нему с автоматами в руках, но священные звери оказались проворнее – вскоре враги лежали на земле с перекушенными глотками. Убедившись, что угроза миновала, Котаро обернулся к Такае.

– Сабуро-доно!

Меч Бисямона пронзил тело божества насквозь. Фигура Райдзина вспыхнула ярким светом, а в следующее мгновение грянул взрыв.

Чиаки и Котаро раскинули купол и держали его изо всех сил. Внутри деревянный алтарь разлетелся в пыль, но Такая твёрдо стоял на ногах. Кончик его меча упирался прямо в глиняную форму, наполняя её запредельной силой. Форма начала раздуваться на глазах, пульсируя всё чаще и чаще. Наконец, биение достигло пика; со звуком, похожим на звон расколотого стекла, кукла корабля распалась на части.

– А!..

Такая отшвырнуло, но Чиаки успел, стиснув зубы, подхватить его сзади.

Сердце "Ямато" остановилось. Барабаны вздрогнули в последний раз и стихли. Люди попадали – как марионетки, у которых перерезали ниточки.

– Получилось, Кагэтора!

– Поднимай их, сажай на корабли и увози с острова. Корабли готовы, Котаро?

– Так точно, на южном причале.

– Вы отвечаете за людей. Как только всё будет сделано – разрушим крепость. Чиаки, через двадцать минут распечатаешь все коппасины, которые ты тут заложил.

– А ты куда?

– Убедиться в смерти Такакагэ. Как только посадишь всех – уходи. Не жди меня, понял?

И Такая бегом скрылся. Чиаки с досадой прищёлкнул языком и обвёл глазами зал.

– Ладно... Эй, кому жить охота! А ну, поднимайтесь! На четвереньках поползёте, но я вас всех отсюда выведу.

Тем временем Кобаякава Такакагэ, пребывавший в смятении из-за необъяснимого предательства Мураками, получил доклад о вторжении в крепость неизвестных.

– Что?! Ни в коем случае не подпускайте их к кукле корабля! Перебросьте туда все силы, живо! Я тоже иду.

– Такакагэ-сама!..

– Экей, ты бери отряд Икэгути¹² и догоняй Такэёси. Заставь его вернуться, во что бы то ни стало!

Яманака Сиканоскэ бежал по переходам растревоженной крепости, направляясь к подземной стоянке кораблей. Наконец, коридор вывел его в большую пещеру с причалом у воды.

– Вот они!..

Такакагэ и Экей действительно были там.

– Кобаякава Такакагэ!

¹² Отряд Икэгути – другая флотилия, под непосредственным командованием Такакагэ.

Тот обернулся, услышав сзади гневный окрик. Трое солдат кинулись было на Сиканоскэ, но он уложил их одним взмахом меча и подбежал вплотную. Вассалы Такакагэ сдвинулись, загораживая его собой.

– Сиканоскэ... Как ты здесь очутился?

– Мне явился посланец луны и выпустил из клетки, чтобы я мог тебя убить!

Сиканоскэ вскинул меч, нацелив кончик Такакагэ прямо в лицо, отчего тот невольно попятился.

– Готовься к смерти, сын Мори, ибо настал час расплаты за причинённое клану Амаго зло.

– Клан Амаго... До чего же ты глуп, Сиканоскэ. Ты мертвец – куда уже тебе возрождать господский род? И как ты собираешься это сделать? Амаго канули в небытие, их нет нигде в этом мире. Будешь искать отдалённого, ни о чём не подозревающего потомка? Или неуспокоенного, в ком текла хоть капля их крови, чтобы поставить его главой? Ты уже пробовал это при жизни – и ничего у тебя не вышло!

Сиканоскэ прикусил губу.

– Твоя мечта – всего лишь несбыточный сон.

– Замолчи!

– Скажи, какой цели послужит сейчас возрождение твоих господ? Хоть кто-нибудь ему возрадуется? Никто! Ты стараешься единственно ради собственного удовлетворения.

На это Сиканоскэ не нашёлся, что ответить. Они с Такакагэ сверлили друг друга взглядами, когда в пещере появился Такая и, спрятавшись в тени скал, стал наблюдать за происходящим.

– Всё, что ты делаешь – всё, что ты до этого делал – было зря. Ты сражался напрасно. Так не пора ли остановиться? Такой умелый воин, как ты, мог бы использовать свою силу с большей выгодой для себя.

– Не зря! – воскликнул Сиканоскэ. – Ничто не было зря. Пусть моим мечтам не суждено сбыться – до тех пор, пока они живы в моём сердце, ничто не напрасно.

Такая удивлённо распахнул глаза.

«Сиканоскэ...»

– А если и напрасно... Останавливаться я всё равно не собираюсь. Прямо сейчас одно из моих желаний воистину исполнится: я убью тебя и отомщу за своих господ. Готовься к смерти, Кобаякава Такакагэ.

Такакагэ с досадой прищёлкнул языком.

– О, Священный Страж Полумесяца! – Сиканоскэ пальцами начертил на лбу полукруг. – Даруй мне силу, дабы обратить врагов к свету истины!

Сверкнула вспышка; двое мужчин, загородивших собой Такакагэ, упали, брызжа кровью изо рта. Такакагэ изготовился к бою.

– Что ж, давай! – крикнул он в ответ на воинственный клич Сиканоскэ. – Это место станет твоей второй могилой!

Они атаковали одновременно; две силы столкнулись, взметнув в воздух ураган яростных искр.

– Кх!..

– Такакагэ-сама!..

Экей собрался прийти на выручку к Такакагэ, но Такая ударил его издалека. Монах со вскриком отлетел назад, и Такакагэ на секунду отвлёкся.

– Экей!

Сиканоскэ будто только этого и ждал. Не обращая внимания на плазменные вспышки, он ринулся вперёд, занеся над собой меч.

– А-а-а-а!..

Такакагэ обернулся – и перед глазами всё заволочло красным. Опустившийся сверху меч рассёк ему лоб ровно посередине. Хлынула кровь, и Такакагэ беззвучно рухнул на землю.

– Такакагэ-сама!

Когда дух полководца вышел из тела, чтобы с воплем кинуться на Сиканоскэ, тот снова начертил между бровей полумесяц и, стянув туда всю силу, какую смог собрать, ударил по призраку.

– Ха!

Настигнутый сияющим полукружьем, призрак рассыпался на части, как рассыпается о землю комок глины. Так Кобаякава Такакагэ встретил свой конец. Экей, увидев это, пришёл в неопишемую ярость. Подобрал с земли меч, он побежал на Сиканоскэ, одновременно стреляя силой – а тот уже был готов ко встрече с новым противником... Однако, выпущенный им полумесяц встретил на своём пути неожиданную преграду.

– Довольно, Сиканоскэ.

Это Такая загородил Экея щитом, о который и разбилась атака Сиканоскэ, окатив монаха водопадом плазменных искр.

– Что?.. – Сиканоскэ хотел обернуться, но Такая быстро накинул на него путы, не давая пошевелиться – и одновременно ударил по Экею, так, что того отшвырнуло назад. После нескольких таких ударов монах, не выдержав, кинулся бежать.

– Стой!.. Экей!.. Проклятье...

Но ноги словно вросли в землю, и Сиканоскэ ничего не оставалось, кроме как стиснуть зубы и провожать глазами скрывающегося под сводами пещеры врага.

Откуда-то издалека донёлся звук обвала. Такая оглянулся.

«Началось...»

Чиаки, судя по всему, привёл в действие заложенные коппасины. Такая снял путы с Сиканоскэ.

– Что это было?.. – недоумённо пробормотал тот.

Между тем мелкая непрекращающаяся дрожь, которая предшествует извержению вулкана, начала сотрясать стены. С потолка посыпались камни, грозя в скором времени завалить всё вокруг. До этого Такае оставалось сделать ещё одно дело – изгнать бегущих из крепости солдат, прежде чем их погребёт под завалами и они превратятся в духов-на-привязи. Он снова нырнул в уже осыпавшийся проход, а Сиканоскэ побежал к воде, спеша поскорее убраться из гибнущей крепости.

– Отлично, все сели! – крикнул Чиаки с палубы атакабунэ, что стоял у причала на южной стороне, когда пассажиры благополучно погрузились на добытые Котаро корабли.

– Пещера рушится, здесь становится опасно! Пора отчаливать, Ясуда-доно!

– Кагэтора...

Такая всё ещё находился внутри, но ждать дольше было невозможно.

«Ладно, ты у нас живучий, не помрёшь...»

– Хорошо, отчаливаем!

В последний момент два корабля отошли от берега, медленно отдаляясь от крепости с её уже разрушенным к тому времени подземным причалом, и устремились в открытое море.

Морская крепость Мураками пала через час. Чиаки и Котаро с расстояния разглядывали изменивший очертания остров, а в затянутом облаками небе парил серебристо-белый дракон, взирая на них сверху вниз. На спине у дракона сидел Такая. В последний раз оглянувшись на заливы и бухты острова Инносима, он перевёл взгляд в сторону Ицукусимы.

ГЛАВА 23 ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРАБЛЯ

Главное орудие «Ямато» вновь разразилось громким залпом, и Железные Корабли Оды разметало по волнам.

Происходящее сражение можно было назвать началом битвы за Ицукусиму. Задавшись целью не допустить «Ямато» в Курэ, Ода направил флот сперва к проливу Канмон, затем к побережью Суо-Осимы – однако, и там, и там его войска были быстро разбиты. В конце концов, объединённая флотилия Оды и Суэ заняла позицию у берегов Этадзимы, в качестве последнего оплота на пути к Курэ, и снова дала бой, но хваленая железная броня знаменитых кораблей никак не могла защитить от пушек «Ямато».

– Какими маленькими кажутся отсюда его судёнышки, – пробормотал Киккава Мотохару, разглядывая происходящее на воде с капитанского мостика «Ямато». – А у нас вышло великолепное судно, другого такого цукумогами не сыскать... Вот, значит, как сильны были людские помыслы, связываемые с этим кораблём...

– Он возник из мысленного следа, что остался на месте гибели в заливе Кагосима, – ответил адмирал флотилии и капитан «Ямато» Кодама Нариката. – Самый энергетически мощный из всех созданных Мори цукумогами. Овеществлённые чувства, вот что такое наш «Ямато». Или, быть может, сон, который снится погибшему кораблю на морском дне... Сон, воплотившийся в реальность.

– Корабль, который снится кораблю, – проговорил Мотохару, поглаживая компас. – А мы стоим на его палубе...

Главное орудие вновь и вновь разражалось огнём, оставляя водяные столбы на месте вражеских атакабунэ, которые тоже атаковали изо всех сил, но безуспешно.

– Ещё немного, и противник будет полностью уничтожен!

А вдалеке уже виднелись берега Курэ.

– Отлично! Полный вперёд, заходим в порт!

«Ямато» заспешил вперёд, уверенно рассекая волны. Полвека прошло с тех пор, как он вышел в свой безнадежный рейс. Сегодня он вновь возвращался в родную гавань, где его поджидали более десяти тысяч призраков. Мотохару и все, кто был рядом с ним, отчётливо слышали их приветственные голоса – громкий и радостный клич из самых глубин сердца.

– Ах, как славно, – сказал Мотохару. – Моя душа наполняется радостью – поглядите, как нас принимают люди...

Его восторженное опьянение было прервано напряжённым голосом гонца.

– Срочный доклад! Носима!.. Носима пала!..

– Что?!

– Господин Кобаякава Такакагэ убит! Мураками Такэёси взбунтовался! Форма «Ямато» уничтожена!

Тем временем Мацуяма Сацки вернулась в святилище Ицукусима и принесла с собой Жемчужину Прилива.

– Молодец, Сацки! – рассмеялся Нобунага в облике Юзуру, когда девушка предстала перед ним. – От тебя больше пользы, чем от плохого полководца, прямо хоть награду выдавай.

Сацки, всё ещё под гипнозом, молча сидела перед ним на коленях; Мандзю и Кандзю покоились на алтаре у Нобунаги за спиной.

– А знаешь, я не хочу с тобой расставаться, – сказал он, наклонившись вбок и упёршись локтем в подлокотник. – Оставлю-ка я тебя при себе.

– О чём вы говорите, тоно...

– Не шпионкой, нет... Оденем тебя в красивую одежду, и будешь женщиной клана Ода. Всегда под рукой, – Нобунага недобро усмехнулся. – С этой минуты, Сацки, ты – моя заложница.

И тут он, по всей видимости, снял гипноз, потому что Сацки внезапно пришла в себя.

– Ой... Что я здесь делаю?.. – растерянно пробормотала она, а потом воскликнула: – Нарита!

При виде её замешательства Нобунага расхохотался.

– Ха-ха! Ну всё, довольно, уведите.

– Погоди... Где Наруми? Как я здесь оказалась и почему только я одна? Эй, Нарита!..

Подбежали слуги, схватили Сацки под руки и выволокли из святилища.

– О-Ран! – позвал Нобунага, отсмеявшись. – Поддай сюда Мандзю и Кандзю.

– Слушаюсь!

Ранмару снял камни с алтаря и почтительно протянул Нобунаге, который грубо схватил их и сжал обеими руками. Словно почувствовав прикоснувшуюся к ним силу, камни засветились ярче, и Нобунага надменно улыбнулся с весёлым блеском в глазах.

– Гляди, как обрадовались священные Жемчужины. Стало быть, ни «Ян Гуйфэй», ни Амаго не годились им в хозяева. Лишь в руках достойного обретают они истинную ценность. Самой судьбой предначертано, чтобы эти камни принадлежали мне.

Его хищный взгляд уже устремился к морю, разыскивая добычу.

– Иди же ко мне скорее, «Ямато». Ты станешь моей первой блистательной жертвой – жертвой, которая выявит всю мощь этих камней.

И такой жестокостью наполнились его глаза, что сидевший рядом Суэ Харуката похолодел.

«Что за человек...»

Внезапно этот жестокий взгляд обратился к нему.

– Харуката-доно.

Тот вздрогнул и замер.

– Слушаю...

– Сослужи мне службу, пошли свои корабли, чтобы привели «Ямато».

– Привели?.. Как сие понимать?

– Как слышал, так и понимать. Пойди подразни его, чтобы скорее двинулся на Ицукусиму.

– Но наша флотилия в Курэ сейчас как раз...

Улыбка исчезла с лица Нобунаги, и под его тяжёлым взглядом Харуката замолчал.

– Хочешь что-то возразить?

– Я... Н-нет...

– Что это за морская флотилия, которая всё отсиживается у берегов... Ну, коли отказываешься, я сам пойду.

Нобунага в самом деле поднялся с места – увидев это, Харуката торопливо сказал:

– Хорошо, я выйду в бой!

Нобунага покосился на него и снова медленно опустился в кресло, откинувшись на спинку и скрестив ноги.

– Вот и славно, – коротко усмехнулся он.

В это время к ним подбежал гонец.

– Докладываю! Флотилия в Курэ полностью разбита в битве с «Ямато»!

– Как?.. Полностью?.. С таким числом кораблей?! – зашумели вассалы, вскакивая с мест. Нобунага остался сидеть, как сидел, подперев рукой щеку – только повел глазами.

– Что расшумелись? Невелика беда.

– Невелика беда?! Как можно!..

– Чем кричать, шёл бы готовиться к бою, Харуката.

Тому понадобилось немало усилий, чтобы подавить гнев. В конце концов, он резко развернулся и с недовольным видом покинул святилище. Ранмару приблизился к Нобунаге и сказал:

– Пала морская крепость на Носиме.

– Значит, успех?

– Да. Только что поступило донесение от Сиканоскэ. Он убил Кобаякаву Такакагэ, и носимской флотилии Мори больше не существует. Правда, есть одно обстоятельство... Пираты Мураками взбунтовались против Такакагэ и ушли.

– Взбунтовались? – удивлённо переспросил Нобунага. – Это ещё почему?

– Детали мне, увы, неизвестны... Да, и «Ямато» лишился своего источника питания. Теперь, даже полностью завершённый, он продержится на воде не более двух суток.

– Вот как... – Нобунага снова заулыбался. – Значит, они придут, чтобы дать решающий бой. Отлично. Теперь пускай все наши корабли уходят подальше в море.

– Как?! – вскричал Куки Ёситака. – Вы приказываете нам бежать?!

– Вот именно, бежать – я же не хочу, чтобы моя бесценная флотилия ненароком пострадала. А для нападения сойдут и корабли Суэ.

– Вы в самом деле собираетесь пустить Жемчужины в ход? – полуутвердительно спросил Ранмару.

– Собираюсь. Прихлопну всех одним махом, – ответил завоеватель, держа по камню в каждой руке. Его глаза горели злым азартом. – А потом я займусь тобой, Кагэтора, – пробормотал он с улыбкой на губах. – Ну, Уэсуги... Посмотрим, чем вы порадуете меня на этот раз.

Такая в это время стоял на палубе корабля. Он перебрался со спины Удзиясу на атакабунэ после того, как спасённых людей высадили в ближайшем порту. Потом они снова вышли в море и встретились с флотилией Мураками в проливе Курусима.

– Господин Тэрумото! – воскликнул Такээси, обращаясь к Такае, когда тот появился на палубе. Чиаки вытаращил глаза:

– Каким образом Кагэтора вдруг сделался Тэрумото?

– Шш! – одёрнул его Котаро. – Ранее я наложил на Такээси гипноз. Когда он смотрит на Сабуро-доно, то видит перед собой Мори Тэрумото.

– Нашёл, тоже мне, подсадную утку... – Чиаки пристально посмотрел на Котаро. – И мне, конечно, без разницы, только хватит звать его Сабуро-доно. Кагэтора он – Кагэтора.

– Шш! Тихо.

Корабль Такээси подошёл вплотную; знамя Мураками гордо развернулось под порывом морского ветра. Такая, стоя на ветру, спокойно кивнул.

– Хорошая работа. Вижу, что не ошибся в тебе.

– Тэрумото-сама! Нельзя допустить, чтобы Экей и подобные ему получили власть над кланом Мори! Отныне я буду вашей правой рукой!

Этот человек был твёрд характером, а иначе говоря – простодушен. «Легко управлять», – подумал Такая, снова кивнул и повернулся лицом на запад.

– Сейчас вы разделитесь на две группы. Первая пойдёт к острову Курахаси, вторая – к берегам Суо-Осимы. Таким образом мы закроем выходы из моря Аки. Когда со стороны Ицукусимы появятся корабли Оды, топите их все, чтобы ни один не вышел во внешние воды.

– Закрывать выходы из моря Аки?.. – Такэёси сделал недоумённое лицо. – Но зачем?..

– Причины тебе знать необязательно. Как бы там ни было, Ода побежит с Ицукусимы. Твоя задача – уничтожить все его корабли.

– Слушаюсь!

Такэёси тут же передал приказ остальным своим кораблям, и флотилия Мураками, развернувшись, начала удаляться на запад.

– Зачем тебе понадобилось перекрывать выходы из моря? – спросил Чиаки.

– Мандзю и Кандзю оказались в руках Оды, – ответил Такая без выражения. – Так говорит гохододзи, которого я отправил к Харуиэ.

– Что-о?! – от удивления Чиаки повысил голос. – Я думал, она их вернула!.. Ода... И надо же было, чтобы камни достались именно ему!..

– Кажется, они сделали это через Мацуяму Сацки... Теперь Нобунага, скорее всего, не будет задействовать собственный флот. Он воспользуется Жемчужинами, чтобы уничтожить флотилию Мори во главе с «Ямато», а свои корабли отведёт во внешние воды, чтобы не подставляться под удар.

– Но если Нобунага пустит камни в ход...

– Эти камни – неизвестная величина, их силой можно воспользоваться по-разному. Устроить морскую катастрофу проще простого... Амаго в качестве владельца – ещё куда ни шло, но Ода... Слишком опасно.

Проблема была серьёзней, чем казалось на первый взгляд. Повелевать движением вод означало повелевать морями. Такая вскинул глаза.

– Нобунага может, если захочет, захватить контроль над акваторией мирового океана. И вряд ли он станет сидеть, сложа руки...

А ведь он располагал и другим оружием – силой Нариты Юзуру. Это было всё равно, что держать руку на ядерной кнопке.

– Нобунага и камни... Чёрт, плохая комбинация!..

– Они собираются уничтожить Жемчужины, – сказал Такая. – Томо-химэ... Ян Гуйфэй знает какой-то способ. Сейчас они идут на Мисэн. Ладно, предоставим это Харуиэ, а сами отправимся в Курэ.

– Курэ? Ах да, «Ямато»...

– Нужно изгнать духов, которые там собрались, прежде чем он войдёт в порт. «Ямато» лишился источника питания, но пока запасы топлива есть на самом корабле, он продолжит идти.

– Как долго?..

– Не знаю. Может, несколько часов, а может, и несколько дней. Если за это время заново изготовить куклу, он снова поплывёт... Но меня больше волнует обстановка в Курэ, – там стало опасно. Духов собралось слишком много, начинаются беспорядки. Если это запустить, потом будет хуже... Я послал нокизару, чтобы успокаивали, но им это, похоже, не по плечу. Придётся изгонять. Отправлю их всех на тот свет – другого не остаётся.

– Как ты справишься с таким числом?

– Изгнанием через барьер. Но у меня будет только одна попытка... Потом я, возможно, не смогу больше двигаться. Если это произойдёт, – Такая посмотрел на Чиаки в упор, – примешь командование Уэсуги на себя.

– Кагэтора...

– Потопи «Ямато». Пока на нём нет брони, ваши силы будут примерно равны. Покончишь с этим – иди на Ицукусиму и освободи Юзуру от власти Нобунаги... А потом выбей его с острова.

Чиаки с серьёзным видом кивнул.

– Понял.

Вдруг что-то отвлекло внимание Тааки; он повернул голову и посмотрел вдаль.

– В чём дело?

Это была, похоже, чья-то мысленная волна.

– Айда-сан?..

Айда Кэнго, очевидец появления призрачных кораблей, умер в Хиросиме – дядя-покойник утащил его за собой. Такая сосредоточился, пытаясь получше схватить волну.

«Ямато»... пришёл... в Ку...

«Что?!»

Перед глазами возникла картинка: порт Курэ со множеством причалов, на рейде стоит серого цвета судно – Сил самообороны, наверное, – а за ним, окутанный красным маревом, плывёт над водой призрачный корабль.

«Ямато...»

Без сомнений, это был он – созданный Мори цукумогами.

«Слишком рано...»

«Ямато» оказался в Курэ быстрее, чем можно было предположить. Первоначально его ждали двадцать седьмого числа, и, даже учитывая, что Мори, возможно, захотят поторопиться, Такая не думал, что он появится раньше завтрашнего дня. Но Мотохару, видимо, решил перестраховаться.

В небе над гаванью было тесно от призраков; они светились, подобно тысячам светлячков. Какая-то сила отрывала их от земли, поднимала в воздух и притягивала к «Ямато». Души моряков вплавлялись в корпус горячими коричневато-красными пятнами, образуя прочную броню.

Ну, Кэнго, настал и наш черёд идти.

Дядя Айды устремился вперёд, но сам он колебался – Такая чувствовал это. Однако, долго сопротивляться энергетическому притяжению «Ямато» он не мог.

Пожалуйста, позаботьтесь о нас...

Слова прозвучали как молитва.

Проводите нас к Чистой Земле...

А потом он, должно быть, полетел, потому что корпус «Ямато» приблизился, перед глазами всё стало красным, как раскалённая сталь, и картинка исчезла.

Такая стоял и смотрел, не отрываясь, в сторону Курэ.

– Сабуро-доно...

– «Ямато» вошёл в Курэ. Они нас опередили... – пробормотал Такая. Вид у него был слегка расстроенный.

– Что теперь, Кагэтора?

– Судя по тому, что я видел, к моменту нашего прихода корабль будет практически готов... Как поступит Мотохару, вот в чём вопрос. Он уже должен был узнать о падении Носимы. Теперь перед ним два пути – вступить в бой или отложить его, занявшись восстановлением куклы, и какой из них он выберет...

Такая ненадолго задумался, а потом решил:

– Идём на Ицукусиму.

Чиаки и Котаро не ожидали такого ответа.

– Ты что, собираешься штурмовать основной лагерь Оды?

– Надвигается битва. Нужно убрать людей с побережья – и корабли, которые будут в это время на воде. Никто не должен пострадать. «Ямато» ходит быстро, так что поторопимся, – по лицу Такаи ничего нельзя было прочесть. – Мотохару вот-вот будет там.

Атакабунэ двинулся вперёд, развернувшись носом на запад, по высоким волнам Внутреннего моря, обычно спокойного – и холодный морской ветер дул ему вслед.

На улицах Курэ было шумно. Внезапное появление гигантского линкора вызвало страшный переполох, с привлечением полиции и даже Сил самообороны, только вот поделаться никто ничего не мог, кроме как наблюдать за происходящим.

Тем временем на капитанском мостике «Ямато» главные вассалы клана Мори собрались на совет.

– Тоно, нападение на Ицукусиму надо отложить, – настаивал Кутиба Мицүёси. – Отведём солдат на время, восстановим форму корабля – и в полной боевой готовности перейдём в наступление. На берегу у нас ещё осталось много людей... Мы сейчас не в том положении, чтобы инициировать битву. Предлагаю отменить план с участием «Ямато». Это уменьшит риск.

– Наоборот, нужно нападать! – резко возражал Кодама Нариката, капитан «Ямато». – Перед мощью «Ямато» и флотилии цукумогами Ицукусима ни за что не устоит! Чем скорее мы дадим решающий бой, тем лучше. Стоит промедлить, и из Осаки подоспеет вторая флотилия Куки, а если «Ямато» к тому времени остановится, мы потеряем всё. Так захватим же быстрее Ицукусиму – тогда сама её священная земля поможет нам. Укрепимся там, выиграем время, чтобы восстановить куклу «Ямато» и набрать достаточно сил для сражения с Куки! Тоно!..

Мотохару молчал, слушая мнения вассалов. О том, что Мандзю и Кандзю оказались в руках Оды, никто из Мори на тот момент не знал. Они думали, что Жемчужина Прилива до сих пор в пещере Тайсё... Известие пришло вскоре.

– Что ты сказал?! – сообщение поступило по рации. – Томо-химэ похитила Мандзю?!

Среди вассалов, слышавших разговор, воцарилось потрясённое молчание.

– И где она теперь?.. Понятно... Нет, не надо... Следуйте за ней, догоните её, немедленно! – приказал Мотохару и прервал связь.

– Тоно...

– Томо похитила Мандзю, прибегнув к помощи Уэсуги.

– Уэсуги?!

– Именно. Кандзю должна находиться у Амаго. Я отправил к ним шпиона, но он до сих пор не вернулся, а значит...

– Амаго примкнули к Оде, верно?

– Да... – Мотохару почесал подбородок. – Возможно, Жемчужина Отлива уже у него...

– Зачем Томо-химэ... Зачем Синдзё-но-цубонэ украла камень?

– Не хочет, чтобы он стал орудием войны, – резко ответил Мотохару, а потом добавил: – Но в руках Томо Жемчужина не доставит нам хлопот. Хотя мне и жаль потери, можно не опасаться, что камень будет использован против нас. Я доверяю Томо. Она – женщина Мори, как бы она ни пыталась это отрицать, и плясать под дудку Уэсуги тоже не станет. Кандзю – вот что меня беспокоит, но одна Жемчужина сама по себе не представляет серьёзной угрозы...

Мотохару поднял голову.

– Когда будет готова броня?

– Уже скоро. Ещё полчаса, и можно будет отчаливать.

– Хорошо. Значит, через полчаса отчаливаем на Ицукусиму.

– Тоно!

– План остаётся в силе. Мы идём на Ицукусиму, как и собирались. Кодама, проверь, насколько хватит топлива, и передай приказ остальным кораблям: всем занять свои посты.

– Слушаюсь!

В глазах Мотохару больше не осталось сомнений – то был суровый взгляд полководца, Дьявола Киккавы, как его прозвали много веков назад. Кутиба невольно выпрямился. Уж он-то знал, каким тяжёлым ударом стала для Мотохару, который всегда любил свою семью, потеря брата Такакагэ. Мотохару хотел окунуться в битву, чтобы удержать чувства в узде, не дать скорби заполнить себя и раздавить. Как человек зрелый, он понимал, что не может позволить себе слабость, потому что его слабость приведёт клан Мори к гибели.

Мотохару до боли стиснул зубы, сдерживая гнев и горе, и уставился вперёд.

– Эту битву я посвящаю Такакагэ, – сказал он низким голосом, не поворачивая головы. – Победа ободрит людей, павших духом после его смерти и смерти Тэрумото. Мори не сдадутся. Мори живы, куда жив я.

– Тоно...

Больше Кутиба не возражал – не мог найти в себе силы возразить.

– Я, Кутиба Мицуёси, последую за вами до конца.

Корабль-призрак «Ямато», сильнейший в истории, готовился выйти против Оды, Суэ и Амаго в решающей битве за Ицукусиму.

Тем временем на причале парома, идущего на Миядзиму, в одиночестве стоял мужчина. Его голова была обмотана белой повязкой, надетая поверх шляпа закрывала половину лица, чёрное пальто облекало крепкую фигуру. Мужчина пришёл сюда один, без товарищей – они были ему не нужны.

– Уэсуги Кагэтора... – пробормотал Симодзума Райрю. – Ну где же ты, я тебя жду. Я знаю, что ты жив и придёшь сюда, и уж на этот раз я прикончу тебя точно!..

Райрю удалось выбраться живым из порождённого Такаей пламени, и, несмотря на страшную рану, спастись из замка Хаги. Теперь Каменные Куклы оттягивали карманы его пальто. Ненависть к Кагэторе возросла во сто крат, и ради мести Райрю был готов на всё.

Тут на площадке перед терминалом остановилась чёрная машина, и из неё высыпали люди в монашеских одеяниях. Был среди них и Ситири Ёритика, с которым Райрю расстался в Хаги.

– Райрю-доно!

Ёритика мгновенно узнал его и, не помня себя от радости, подбежал к нему. Райрю, напротив, не проявил никаких эмоций – только слегка повернул голову.

– Ситири... Выжил, значит...

– Райрю-доно, как я рад! Я уже и не надеялся увидеть вас в добром здравии...

– Что ты здесь делаешь?

– После падения замка Хаги от господина Кэннё поступил приказ – оказывать содействие Мори. Мы здесь, чтобы поддержать «Ямато» и убить Нобунагу.

– Он на Миядзиме?

– Так доносит наш шпион. Вскоре из Осаки прибудет подкрепление... Присоединяйтесь к нам, расквитаемся с ненавистным Нобунагой!

– Понятно, – равнодушно сказал Райрю и усмехнулся в нос. – Нет, с Одой сводите счёты без меня.

– Райрю-доно! Что вы такое говорите!..

– Кагэтора – вот кто мне нужен. Он и только он. Это за ним я сюда пришёл, и ни Ода, ни Мори меня не интересуют. Я найду Кагэтору, вырву у него победу, и прикончу вот этой вот рукой!

– Райрю-доно... – Ситири потерянно замолчал. На лице его промелькнула грусть, и после минутного раздумья он, наконец, решил:

– Ваш брат погиб в схватке с Уэсуги.

– Что?! – Райрю впервые обернулся и посмотрел на него как следует. – Брат был в пещере Тайсё! Ты говоришь, он умер? Как это произошло?!

– Эта женщина Уэсуги, по имени Какизаки, проникла в пещеру и похитила Мандзю, убив вашего брата. Ему перегрыз горло её волшебный зверь.

– Уэсуги!.. – От гнева у Райрю потемнело в глазах, и он впился ногтями в ладони. – Меня вам было мало, ещё и брата моего... Не прошу!.. – Его зрачки полыхали ненавистью. – Кагэтора, дьявольское отродье... Иди же скорее сюда... Уничтожу... Своею собственной рукой... Клянусь... Клянусь, я тебя убью!..

Райрю перевёл взгляд к берегам видневшегося вдалеке острова, где тории святилища Ицукусима горели золотом под действием могучей силы Нобунаги.

ГЛАВА 24

ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ПЛАМЯ

О появлении в Курэ гигантского корабля неизвестного происхождения моментально узнала полиция, служба морской безопасности и журналисты.

– Чьё это судно?

– На позывные не отвечает! Кто им управляет?!

– Он огромен, больше двухсот метров в длину! Линкор! Национальность неизвестна! К Силам самообороны не принадлежит!

– Говорите, он пришёл со стороны Этадзимы? А почему его раньше никто не заметил?!

Из-за начавшейся паники в районе залива Хиросима было объявлено чрезвычайное положение. Выйдя из Курэ, гигантский линкор взял курс на Миядзиму; вертолёты следовали за ним по воздуху, патрульные корабли и суда сил самообороны – по воде.

– Скорость на данный момент составляет... тридцать три узла!

– Чертовски быстро!

Люди на патрульном судне перекликались между собой.

– Таких больших кораблей просто не бывает – ни в Японии, нигде!

– Словно гора сдвинулась с места и поплыла...

А самый старший из моряков, приглядевшись, вполголоса сказал:

– «Ямато»...

– Что?..

– Это же линкор «Ямато»!

– Который во Вторую мировую?.. Быть такого не может!

– А что ещё это может быть? С такими-то размерами...

– Вы хотите сказать, что «Ямато» вернулся? Он же затонул!

Когда слово «Ямато» начало передаваться из уст в уста, сам корабль уже был далеко в море, равнодушный к окружавшему его шуму. Мотохару и его люди спешили на Миядзиму.

Двести шестьдесят три метра в длину, водоизмещение – шестьдесят пять тысяч тонн, девять орудий калибра 460 миллиметров... Этот крупнейший в истории линкор называли плавучей крепостью, батареей на воде. Людям внушал трепет его гордый силуэт – ни дать ни взять гора, вздымающаяся над волнами.

– Какое удивительное творение создали японцы полвека назад, – сказал Мотохару.

И он не ошибался: «Ямато» был вершиной кораблестроительной технологии того времени. Предназначенный для войны, он, тем не менее, вобрал в себя человеческую мудрость. И хотя его называли, наряду с пирамидами и Великой Китайской Стеной, одним из трёх бесполезных гигантов мировой истории, он был воплощением людских знаний, памятником эпохе.

Цукумогами «Ямато», даром что создан был из мыслей и чувств, повторял оригинал в деталях и отличался завидной прочностью, только роль брони – той самой неслыханно крепкой брони, толщиной двадцать сантиметров на палубе и одиннадцать по бортам, – теперь выполняли духи. Новая броня, можно сказать, обладала разумом. Если орудия старого «Ямато» имели ограниченный срок службы – всего двести выстрелов, то у нового они могли стрелять, пока не кончатся снаряды. Снаряды были, конечно же, энергетические; и Мотохару со своими вассалами, и духи моряков – все, кто был на борту, вкладывали в них свою силу.

– Тоно! Корабли Суэ и Оды, числом около двух тысяч, вошли в залив Хиросима!

– Хорошо. Полная боевая готовность! Главные орудия к бою! Будем делать снаряд... Объедините ваши сердца! Уничтожим врага!

Потом Мотохару позвал Кодаму и сказал:

– Отгони от нас этот патруль. Не хочу втягивать их в битву.

– Но каким образом?..

– Спрятать корабль в тумане не получится, энергия уже слишком велика... Пошли мысленный сигнал по радиации и предупреди их. Времени почти не осталось. Сможешь?

– Попробую...

А глазам патрульных тем временем предстала невероятная картина. В заливе появилась новая группа кораблей. Они выплыли из тумана, набежавшего ни с того ни с сего со стороны Миядзимы, и все они были деревянные – средневековые военные корабли. Флотилия насчитывала около двух тысяч судов, которые плотным строем шли прямо сюда.

– Это ещё что за чертовщина...

– Деревянные корабли...

– А на них – воины в доспехах!..

Такова была флотилия Суэ. Патрульные растерялись при виде огромного числа кораблей и поспешили сменить курс. Туман над морем вскоре рассеялся.

Флотилия Суэ встала посреди залива, перегораживая «Ямато» путь. С палубы возглавлявшего её большого атакунэ Суэ Харуката глядел вперёд и не верил своим глазам.

– Что это...

На них надвигалась гора. Сперва он подумал, что видит перед собой какое-то морское чудовище, но нет – это был корабль, огромный корабль. Кровь отхлынула от лица Харукаты, и он нервно сглотнул.

– Каков гигант...

Когда «Ямато» называли гигантом, он представлял себе судно размером с два, ну с три атакунэ. Его охватил страх, когда он понял, насколько ошибался.

Все без исключения воины Суэ были подавлены размерами вражеского корабля, и предчувствие поражения сковало их сердца.

– Дьявольское создание... Но бояться нечего, мы превосходим числом! Вперёд! Громкий клич пронёсся над волнами. Корабли Суэ, все, сколько их было, на полном ходу

ринулись вперёд, к «Ямато», который встретил их орудийным огнём. Битва в заливе Хиросима началась.

Тем временем атакабунэ, который нёс Такаю и его спутников, обогнул с юга остров Курахаси и направлялся к Миядзиме, оставляя Нисиномисиму справа.

– Корабли прямо по курсу, – объявил зоркий Котаро. – Притаились у берега Атадаздимы, что сейчас по левую руку от нас. Маленькие ладьи, числом от десяти до двадцати – не так много. Наши действия?

– Расчистить дорогу, – ответил Такаю, подставляя лицо ветру. – До мелких сошек мне дела нет, – и он встал на носу корабля с мечом Бисямона в руке.

Атакабунэ, рассекая волны, уверенно приближался к острову. Навстречу показались восьмивёсельные и десятивёсельные ладьи, полные костяных воинов.

– Снова корабли Суэ... – пробормотал стоявший рядом Чиаки. Они уже несколько раз сталкивались с подобными отрядами на пути сюда.

Видя, что подвергаются нападению, костяные воины подняли крик и обрушили на них энергетический шквал, но расстояние было слишком велико. Такаю крепче сжал в руке меч, наполняя его силой. Ветер подул в обратную сторону, и волны вдруг начали расступаться сами собой, словно торопясь убраться с дороги.

– О-о-о!..

Не отрывая глаз от приближающихся кораблей, Такаю высоко поднял ослепительно сверкающий меч. Атакабунэ, увеличив скорость, летел вперёд, ладьи Суэ становились всё ближе и ближе... Беззвучный всплеск силы – и меч Бисямона рассёк воздух по горизонтали.

Взвыл ветер. Сияющее лезвие вытянулось, подобно лазерному лучу, сметая вражеский отряд и оставляя за собой полукруглый след, как от выпущенной торпеды. Ладьи исчезли со свистом, затянутые внутрь меча в ту же секунду, как их коснулся свет. Обратная волна тяжело ударила о борт, не оставив не то что обломков – ни одной щепки на поверхности воды. Атакабунэ прошёл вперёд, не сбавляя хода. Такаю с равнодушным видом убрал меч.

– Курс прежний. Причаливаем на Косибосоуре.

– Слушаюсь.

Отдав приказ, Такаю перевёл взгляд к зелёным берегам приближающегося острова Ицукусима. Стоявший рядом Чиаки внимательно наблюдал за его лицом, но Такаю то ли не замечал этого, то ли притворялся, что не замечает, продолжая неотрывно глядеть вперёд.

Корабль причалил на южном побережье Миядзимы, носившем название Косибосоура. Если провести прямую линию через весь остров, то святилище Ицукусима окажется точно напротив, на другом берегу, по ту сторону горы Мисэн.

Наконец, все трое сошли на землю.

– Приехали, Ваше превосходительство. Что дальше? Пойдём проведаем Нобунагу?

– В святилище Ицукусима я пойду сам, – ответил Такаю без запинки. – Ты, Нагахидэ, иди на Мисэн.

– Зачем?..

– Хочу кое о чём тебя попросить...

С этими словами Такаю раскрыл левую ладонь и протянул Чиаки пустой коппасин, из тех, что они истратили на Носиме.

– Здесь записан мой энергетический оттиск и послание. Открывается мантрой Бисямонтэна.

– И что мне с ним делать?

– Поднимись на вершину горы, поклонись хозяевам Часовни Трёх Богов и призови тэнгу.

– Тэнгу?.. – Чиаки недоумённо выгнул бровь, и Такая пояснил:

– На Мисэне есть двое, Таробо и Дзиробо, служители царя тэнгу, главного над всеми в стране. Копасин – что-то вроде приглашения, они ведь гордые... Но если они поймут, что к нам благоволили боги Курамаямы, они помогут. Командовать ими после этого будешь сам.

– Кагэтора, – Чиаки произвольно шагнул вперёд, – ты ведь не собираешься разменять свою жизнь на жизнь Нобунаги? Самоубийство и убийство заодно...

– Не собираюсь, – отрезал Такая. – Я собираюсь вернуть Юзуру. Никакого размена.

– Кагэтора...

Тут издали послышались звуки канонады. Такая и Чиаки обернулись на северо-восток.

– «Ямато» пришёл, – коротко сказал Такая, глядя на вползающую в Хиросимский залив чёрную тень. Это был тот же корабль, что он видел глазами Айды. Следом за ним шли остальные цукумогами Мори.

Сражение уже началось. Орудия «Ямато» били по усыпавшим залив кораблям Суэ, поднимая в воздух водяные столбы. Суэ обладали численным превосходством, но разница в боевой мощи была налицо.

– Долго ли они продержатся, интересно...

– Судя по тому, что мы не встретили по пути ни одного корабля Оды, он в самом деле не собирается задействовать собственный флот, – сказал Котаро.

Очевидно, флотилии Оды уже не было в море Аки.

– Суэ – это просто наживка для «Ямато». Ода рассчитывает на силу Жемчужин...

Догадка Такаи оказалась верна.

– Что теперь, Кагэтора? Вклиниться между ними и остановить бой не получится...

Полностью завершённый «Ямато» с одной стороны и Ода Нобунага – с другой... Такая помолчал, разглядывая силуэты кораблей.

– Наша задача – потопить линкор и разбить Нобунагу, верно?

– Ну да...

– Передашь Харуиэ: камни уничтожить нельзя. Пускай ничего не предпринимают до моего сигнала.

– Что значит, не предпринимают?!

– Дадим Нобунаге воспользоваться Жемчужинами.

– Что?! Это опасно!

– Да, опасно, но это единственный способ избавиться от угрозы, которую представляет собой завершённый «Ямато». наших собственных сил уже недостаточно, – Такая повернулся к Чиаки. – «Ямато» пусть потопит Нобунага. У него это получится наверняка.

– Ты собираешься использовать его?.. Использовать Нобунагу?.. – недоверчиво спросил Чиаки, и Такая холодно ответил:

– Именно так.

Чиаки потрясённо замолчал, напряжённо вглядываясь в его лицо, чувствуя, как по спине ползут мурашки. Прежний Такая исчез. Сейчас перед Чиаки стоял мужчина – безжалостный мужчина, который не выбирает средств для достижения цели. Но иначе и быть не могло...

– Понял, – серьёзно кивнул он и спросил: – С тобой ведь всё будет в порядке? А, Кагэтора?..

Такая не ответил. Окинув взглядом его неподвижное, похожее на маску лицо, Чиаки медленно приблизился, протянул руку и прижал его голову к своему плечу. Глаза Такаи расширились.

– Не вздумай умирать, – сдавленно проговорил Чиаки ему на ухо, – ясно? Самоубийства я тебе не прощу.

Напоследок хлопнув его по плечу, Чиаки, не оборачиваясь, зашагал в сторону Мисэна. Такая застыл на месте и не шевелился.

– Сабуро-доно, – встревожено окликнул его Котаро, но Такая не обратил внимания. Его лицо снова сделалось безучастным, и он уставился на море, похожий то ли на ожившую куку, то ли на искусно выполненного робота.

Пушки, не смолкая, громыхали над заливом Хиросима.

Тяжёлая битва началась.

Бух! – поднимается вверх столб водяных брызг. Бух, бух! – взрыв порождает всплеск, огромная волна сносит несколько кораблей сразу. Корабли сталкиваются друг с другом, и пламя от взрывов перекидывается с одного на другой, застилая воды залива густым дымом.

– Сейчас загорится!.. Прыгай!..

– Горячо!.. Горячо!..

Посреди горящего моря огромный линкор уверенно движется вперёд, разбрасывая корабли деревянной флотилии.

– Вот он!.. Уже здесь!..

– Не отступать, не отступать! В атаку!

Костяные воины тонут, оказавшись за бортом, или сгорают на охваченных пожаром ладьях. Тучи стрел взмывают вверх, но стрелы – ничто против брони «Ямато». Две тысячи кораблей насчитывала флотилия Суэ перед выходом в море. Сейчас от неё осталась половина – остальное уничтожено снарядами и огнём.

– В атаку! В атаку!.. О-о...

Бух!

Очередной всплеск – и десять кораблей одновременно взлетели на воздух. Поднявшаяся волна, норовя опрокинуть, ударила в борт.

– Мы не выстоим!.. Никак не выстоим!..

– Будь прокляты эти Мори...

Стоя на палубе большого атакабунэ, Суэ Харуката, стиснув зубы, смотрел на гигантский силуэт линкора, высящийся над ним.

– Это подлость и трусость – воевать с помощью дьявольского корабля! Подлость и трусость!..

Бух!

Атакабунэ сильно качнуло из стороны в сторону, раздались крики. Несколько снарядов упали совсем рядом, заливая палубу водой.

– Тоно!.. Нам не выстоять против этого корабля!..

– Не желаю слушать!.. Если мы отступим сейчас, то как потом держать ответ перед Нобунагой?!

Харуката вытаращил налитые кровью глаза и во всю глотку закричал:

– Гребь, сильнее! Подходи вплотную, стреляй силой! Свойства кораблей не имеют значения в битве цукумогами! Мы можем объединить наши сердца! Мы можем его потопить!

Но как ни старались воины Суэ пробить энергетическими стрелами броню «Ямато», всё было без толку; с тем же успехом можно было забрасывать его камнями. А орудия линкора, между тем, продолжали уничтожать корабли Суэ. Пламя распространялось всё дальше.

Первый и второй отряды, зашедшие с флангов, попали под сильный пулемётный огонь и гибли на глазах. Слишком велика была разница в способах ведения боя. Во времена усобиц сражение на море происходило так: вражеский корабль либо цепляли крючьями и брали на abordаж, либо закидывали ручными зажигательными снарядами. Однако, против современного военного корабля эта тактика не только не приносила никакого эффекта, но и увеличивала число жертв. Сбившиеся в кучу деревянные ладьи были, напротив, отличной мишенью для пушек «Ямато».

Крики выброшенных в море воинов смешивались с грохотом орудий. Корабли превращались в деревянное крошево, их обломки становились игрушкой беспокойных волн. Пламя и дым застилало воды залива Хиросима.

В глазах Харукаты постепенно проступал страх.

– Дьявольское создание...

Орудия не смолкали ни на секунду – их звук оглушал, подобно раскатам грома.

– На abordаж! Пойдём в рукопашную! Перебьём всех до последнего!

– Тоно, это невозможно!

– Всё равно пойдём!

– У него живая броня! Стоит подойти ближе – и нам самим не поздоровится!

– Проклятые Мори!..

«Ямато» неотвратно надвигался. Уже на его корпусе можно было разглядеть лица – то были духи моряков, превратившиеся в броню.

– Мы врежемся!.. Право руля!.. А-а!..

Нос линкора вошёл большому атакабунэ прямо в борт, подминая его под себя. С треском разламываемого дерева корабль Суэ развалился пополам.

Стоя на капитанском мостике «Ямато», Мотохару наблюдал за разгромом вражеской флотилии. Куда ни глянь – отовсюду поднимались языки пламени и клубы дыма.

– Дурак ты, Суэ Харуката... Выставил себя на посмешище. Разве можно победить «Ямато» на таких крошечных кораблях?..

Мотохару нахмурился, вспоминая другую битву, происходившую на этом месте.

Год тысяча пятьсот пятьдесят пятый, битва при Ицукусима. То было решающее сражение между Суэ Харукатой и Мори Мотонари, отцом Мотохару, за власть над Тюгоку. В распоряжении Суэ было двадцать тысяч человек, у Мотонари – всего четыре тысячи, но его великолепно спланированная внезапная атака свела эту разницу на нет.

Мотохару со своими людьми первым кинулся преследовать отступающего противника. Отряд Хиронаки Микава-но-ками, прославленного генерала Суэ, насчитывал пятьсот человек, когда они сошлись на улицах Такимати, но вскоре враги получили подкрепление – ещё три сотни под командованием Хатано внезапно напали с флангов. Мотохару оказался в ловушке.

Мотохару-сама-а!

Положение спас отец Томо и Исари, Кумагай Нобунао. Его покрытое пылью и морской солью лицо, когда он во главе небольшого отряда ворвался в бой, до сих пор стояло у Мотохару перед глазами. Потом они сражались не на жизнь, а на смерть, пока враг снова не отступил... Сейчас Нобунао рядом не было. Наверняка он упокоился с миром.

Воспоминания были свежи и яркие, словно всё это происходило вчера. Ставшая ареной жаркой битвы, покрытая зеленью Ицукусима маячила на горизонте... Ицукусима, на которой сейчас обосновался Нобунага.

«Ты не получишь землю Аки...»

Мотохару крепко сжал кулаки.

«Ты не получишь наше море...»

«Ямато», не замедляя хода, двигался к основному лагерю Оды, по пути расстреливая вражеские корабли.

– Главное орудие к бою! Заряжаем!

По приказу Мотохару все, кто был на борту, сосредоточились; энергия начала наполнять вложенный в ствол снаряд.

– Пли!

Раздался оглушительный грохот, и корпус «Ямато» трижды вздрогнул. Воистину, этот линкор – гроза морей... Сила, которой ничто не может противостоять.

– Уже близко, – пробормотал Нобунага, прислушиваясь к раскатистым звукам канонады. Теперь, когда флотилия Харукаты вышла в бой, в главном здании святилища Ицукусима не оставалось никого, кроме вассалов Оды. По коридору прогремели чьи-то торопливые шаги.

– Разрешите доложить! – обратился к Нобунаге подоспевший гонец.

– Докладывай.

– Флотилия Суэ отступает под натиском «Ямато». Преимущество полностью на стороне противника. Поражение – лишь вопрос времени.

– Тоно!..

– Тихо. Иного я и не ожидал. У Харукаты не было даже шанса на победу... Против такого отряда цукумогами понадобилась бы сила не менее, чем в двести тысяч человек...

– Господин Харуката просит подкрепления...

– Нету больше подкрепления.

Нобунага посмотрел на Жемчужины, лежащие на полу у его ног, и рассмеялся.

– Зато есть камни, и для Мори этого хватит за глаза.

– Тоно, – наклонился к Нобунаге появившийся откуда-то Ранмару. – Донесение с поста на вершине Мисэна.

– Что там?

– На Косибосоуре причалил один подозрительный корабль.

– Кто? Откуда?

– Они уничтожили сторожевой отряд Суэ у берегов Атадазимы – по словам очевидцев, мгновенно... Полагаю, была задействована изгоняющая сила.

– Уэсуги...

Нобунага с предвкушением рассмеялся и резко встал.

– Ну вот, все актёры собрались. Ранмару, внимательно следи за тем, что доносят с Мисэна.

– Уже отправляетесь, тоно?

– Да, иду. Готовь корабль – мою гордость, большой атакабунэ, – бери Жемчужины, и вперед!

– Ха!

– Все меня слышали? Мы потопим «Ямато»!

Под одобрительный гул голосов Нобунага размашисто зашагал по коридору, оставляя главное здание позади, как вдруг перед глазами у него поплыло; он споткнулся и схватился за голову.

– Что с вами, тоно? – засуетились вассалы.

– Ничего... Голова закружилась, сейчас всё... – от резкой боли в висках Нобунага согнулся пополам.

– Кха...

– Тоно!..

– Ах ты... мерзавец...

Нобунага отмахнулся от протянутых к нему рук, вцепился в поручни, корчась от боли, а потом внезапно затих и распахнул глаза.

– Та...кая... – слова принадлежали Юзуру, который оттеснил в сторону сознание Нобунаги. – Это ты?..

Юзуру отвечал на обращенный к нему зов – Такае удалось до него достучаться.

– Тоно!

– Такая, где ты?! Откуда... А!..

Снова нахлынула боль, и Юзуру, схватившись за голову, упал на колени. Внутри у него происходила борьба – невидимая глазу борьба за контроль над телом.

– А-а-а-а!..

– Тоно!.. Кто-нибудь, помогите!..

– Чтоб тебя... Нарита Юзуру... – Нобунага, с трудом, но всё же одержал верх. – Сопротивляться надумал... Сиди тихо и делай, что велят, – пробормотал он, преодолевая головную боль, и поднял глаза.

– Тоно! – Взволнованное лицо Ранмару склонилось над ним. – Вам нездоровится?

– Пустяки... Я могу идти... – Нобунага поднялся, опираясь на руку своего пажа. – Нарита Юзуру откликнулся на зов Кагэторы – а я прохлопал... Ну ничего, больше со мной такой фокус не пройдёт, – Нобунага бросил взгляд на море, простирающееся позади больших ворот. – Уэсуги не сидят без дела. Вооружи людей, пусть будут готовы к внезапному нападению, – крики и пушечные залпы становились всё громче. – Нарита Юзуру... Пришло время испытать эту силу в действии.

Между тем, Аяко и её спутницы добрались до Главной Часовни горы Мисэн, расположенной недалеко от вершины.

– Сколько их тут...

Люди Оды устроили на Мисэне наблюдательный пост; с вершины открывался панорамный вид, и было удобно отслеживать передвижение кораблей.

– Кажется, «Ямато» вступил в бой, – сказала Исари-химэ, прислушиваясь к грохоту пушек. – В заливе Хиросима сейчас самое пекло...

– Далеко ещё идти? – повернулась Аяко к Томо-химэ.

– До верхней смотровой площадки, – скороговоркой ответила та. – До скалы Канман.

Аяко выгнула бровь.

– Что такое скала Канман и что нам там нужно?

– Увидишь. Но сперва мы должны зайти в Часовню Негасимого Огня... В любом случае, Какизаки-доно, нужно избавиться от этих солдат...

– Понятное дело. Исари-химэ...

– Отвлекающий манёвр? Ладно, ступайте...

Аяко и Томо-химэ нырнули в заросли у обочины. Вскоре за спиной у них раздались голоса – это Исари затеяла потасовку.

– Ха-а!

Сила вырывалась из под пальцев Исари, образуя энергетическую сеть. Сеть била током, и те, кто попадались в неё, валились на землю, как подкошенные. Однако, на месте поверженных врагов тут же появлялись новые, и от их скоординированной атаки пришлось укрываться за ментальным щитом.

– Кх...

Несколько ударов пробили защиту и прошли по телу, разрывая одежду. Стиснув зубы, Исари опять потянулась к силе.

– Прочь с дороги!..

Тут где-то впереди раздался шум – это Аяко выскочила из леса у Часовни Трёх Богов. Занятые Исари воины, спохватившись, кинулись назад – только чтобы попасть под стрелы Томо-химэ. Послышались крики и звук падающих тел. Аяко переплела пальцы.

– **Бай!**

Все нуэ, что были среди двух десятков нападавших, застыли на месте, связанные путами.

– Ноумакусаманда, боданан, байсираманда, совака! О, великий Бисамон-тэн!

– Ом, мани, падме, хум!

Томо-химэ натянула тетиву. Аяко наполнила энергией знак.

– Даруй мне силу твою, дабы изгнать зло!

– Помоги мне, великая бодхисаттва Каннон!

Две ауры слились в одну.

– Изыди!

Пространство озарилось белым светом, и тут же в нём исчезли несколько стрел. Снова раздался крики. Подселённые духи, вырванные из тел стрелами Каннон, растворились в очищающем сиянии. Вокруг Часовни Трёх Богов не осталось ни одного солдата Оды.

– Вы думаете, что творите?! – накинулась на них рассерженная Исари. Изгнание чуть было не затронуло и её.

– А... Извини, извини!.. Я понадеялась, что с тобой всё будет в порядке...

– На что мне твои извинения?! От меня чуть пустое место не осталось!..

– Ну ладно, не сердись... А...Томо-химэ!..

Никого не дожидаясь, Томо-химэ свернула направо и скрылась в старой часовне, которая носила название Часовня Негасимого Огня. Аяко поспешила за ней.

Потолок и стены в здании почернели от копоти. Посередине располагался очаг, где висел над огнём не менее закопченный чайник.

– Негасимое пламя, – сказала, глядя на очаг, Томо-химэ. – Его зажжёт Кобо-дайси, когда проводил здесь ритуал, и с тех пор оно горит уже более тысячи лет.

– Кобо-дайси?..

– Мне нужен этот огонь. Сделаем факел... – Томо-химэ замолчала на полуслове, почувствовав присутствие нуэ, и обернулась.

Позади стоял скелет в доспехах и натягивал лук, целясь прямо в неё.

– Осторожно! – крикнула Аяко, вскидывая руки, но было слишком поздно. Томо-химэ зажмурилась, ожидая удара, как вдруг раздался свистящий звук, и воин исчез. Три женщины удивлённо подняли глаза. В дверном проёме, плохо различимый против света, виднелся мужской силуэт.

– Что ворон ловим, копуши?

– Этот голос... Нагахидэ!

Чиаки Сюхэй, которого Такая отправил на Мисэн, как раз добрался до места. Он стоял, прислонившись к косяку, не подавая ни малейших признаков усталости.

– Привет. Все живы-здоровы? Исари-химэ, ты прекрасна, как всегда...

– Тот самый Уэсуги...

– Нагахидэ, что ты здесь делаешь?

– Работаю у Кагэторы на побегушках. Вообще-то, я вас спас – нет бы «спасибо» сказать...

И тут Чиаки заметил Томо-химэ.

– Хокамура Наруми!.. Вот оно что... Значит, ты и есть та самая «Ян Гуйфэй»?

– Её зовут Томо-химэ. А это – мой товарищ, Ясуда Нагахидэ.

Томо-химэ немного смущённо поклонилась. Чиаки кивнул в ответ.

– И давно ты на Ицукусиме? – спросила Аяко.

– Да только приехал – на атакабунэ, вместе с Кагэторой... А всё-таки, удобная штука эта канатка...

Избавившись от стражников внизу, Чиаки запустил канатную дорогу и сильно сэкономил время на подъём.

– Кагэтора и Наоэ тоже здесь? Значит, с ними всё в порядке?

Чиаки замаялся, а потом, отведя глаза в сторону, торопливо заговорил:

– Кагэтора пошёл в святилище, а Наоэ... – тут он сделал паузу, – Наоэ остался в Хаги.

– Но он цел и невредим?

Чиаки болезненно нахмурился, но тут же поспешил разгладить лицо пока Аяко не заметила, и твёрдо кивнул.

– У меня тут одно дело есть, а вы идите. Только ничего не делайте с Жемчужинами, пока Кагэтора не прикажет.

– Это ещё почему?

– Он хочет, чтобы Нобунага сперва потопил «Ямато».

– Как можно!.. – воскликнула Томо-химэ. – Позволить Нобунаге воспользоваться священными камнями?! Ну уж нет!..

– Иначе мы никогда не избавимся от этого плавучего монстра!

От резкого окрика Чиаки Томо-химэ вздрогнула.

– А может, ты просто не хочешь, чтобы «Ямато» затонул?

– Нет, я...

– Ну конечно, ты же из Мори... И жена Мотохару, впридачу – а он сейчас на корабле... Что бы ты там ни говорила о служении богам, жизнь мужа для тебя важнее. Разве я не прав?

Томо-химэ не ответила.

– Кагэтора разберётся с Одой, когда с «Ямато» будет покончено. Если бы этот корабль был просто безобидной игрушкой – пусть бы себе плавал. Но они собираются на нём воевать. А раз так, то ему одна дорога: на морское дно.

– Ясуда-доно, я...

– В любом случае, сейчас идите. Мне тут надо с тэнгу поговорить. Я догоню вас на вершине.

– Всё понятно. Пошли, Томо-химэ, Исари-химэ.

Аяко подтолкнула Томо-химэ в спину, и женщины скрылись за поворотом тропы, ведущей наверх. Чиаки достал из-за пазухи полученный от Такаи коппасин, подошёл к Часовне Трёх Богов и открыл дверь.

– Ну, главарь тэнгу... выходи.

– Откуда здесь военные корабли?..

– Они сражаются!.. С маленькими ладьями!..

– Смотрите, большой стреляет!..

В окрестностях пристани стало тесно от столпившихся людей.

Жителей городка Миядзима охватила паника. Одни бежали в горы, спасая имущество, другие вытаскивали лодки из воды. Кто-то громко кричал, показывая на море, кто-то в растерянности бродил по улицам, не понимая, что стряслось. Собравшиеся на причале люди испуганно переговаривались, обеспокоено хмурились. Вокруг стоял шум.

Такая и Котаро, затаив дыхание, наблюдали за боем «Ямато» с причала Мацудай¹³.

– Не слабо...

«Ямато» и его сопровождение прорвались через заслон Суэ и вошли в пролив Оно Сэто¹⁴.

– Силы слишком неравны...

Даже атакая сообща, маленькие корабли Суэ не могли нанести линкору никакого существенного вреда.

– Тоже самое, должно быть, испытывали Мори в битве при Кизугаве, когда впервые столкнулись с Железными Кораблями...

Хотя масштаб происходящего, конечно, был другой. Огромный чёрный силуэт надвигался, наполняя страхом сердца смотрящих.

Бух! Бух!

Снаряды падали, поднимая тучи брызг, кобунэ и сэкибунэ разлетались в щепки. Сидящие в них воины летели в воду, обломки тут же занимались огнём. Кругом было темно от дыма.

– Суэ будут разгромлены до последнего корабля... – Такая болезненно поморщился. – Котаро, иди в полицию. Заставь их эвакуировать людей с побережья повыше в горы – Мандзю и Кандзю могут вызвать цунами. Ода вот-вот пустит камни в ход... Проследи, чтобы все корабли оставались у берега, а те, что сейчас в море – немедленно возвращались в порт. Поторопись, времени нет...

– Слушаюсь.

Сквозь дым было видно, как «Ямато» движется к святилищу Ицукусима. Остальные военные корабли следовали за ним.

На противоположном берегу тоже стоял переполох. На терминале Миядзимского парома получили сообщение о чрезвычайной ситуации и отменили все рейсы.

– Почему не подают корабль! – кричал Симодзума Райрю на работника судовой компании.

– Мне надобно на Миядзиму, времени нет! Выходите в море, живо!

– Это невозможно! Чрезвычайная ситуация...

– Само собой, там же бьются!.. Корабль мне, немедля – иначе не сносить тебе головы!..

– А-а!..

– Райрю-доно! – послышался со стороны причала голос Ситири. – Садитесь! Отчаливаем!

– О, ты добыл корабль!..

– Эй! Вы что себе думаете? Сейчас же остановитесь!

– Молчать!

Отшвырнув в сторону служащего, который пытался его остановить, Райрю, а за ним и остальные монахи, побежали к трапу. Сразу несколько человек в форме кинулись им наперерез. Откуда-то появились полицейские, завязалась потасовка.

– Прочь с дороги, невежи! – кричал Райрю, расталкивая навалившихся на него людей. Пока внизу монахи возились с охранниками, один из их товарищей в рубке заметил, что в святилище на противоположном берегу происходит что-то странное.

– Корабль! – воскликнул он, поворачиваясь к Райрю. – Корабль отходит от святилища Ицукусима!

– Что?

¹³ Мацудай – одна из двух судоходных компаний, которые водят паром.

¹⁴ Оно Сэто – пролив, отделяющий Миядзиму от побережья Хонсю.

– Большой атакабунэ!.. Вижу знамя Оды... Это их флагманский корабль!..

– Полный вперед!

Повинуясь приказу Нобунаги, обшитый железом большой атакабунэ отошёл от причала святилища Ицукусима. Сам Нобунага стоял на венчавшей палубу башне и смотрел вперед, ловя лицом морской ветер.

– Разрешите доложить!

– Давай.

– Флотилия Суэ полностью разбита! Харуката-доно захвачен в плен!

– И что говорят Мори?

– Требуют капитуляции! Взамен обещают освободить Харукату-доно и не стрелять по Ицукусиме.

– Какая ещё капитуляция, – бросил Нобунага с пренебрежительной усмешкой. – Мотохару не станет стрелять, пока святилище у нас за спиной – ведь когда-то, в пылу боя, он даже отправил солдат, чтобы тушили занявшийся там пожар... Почитающий богов глупец, ты не дорос ещё до того, чтобы требовать у меня капитуляции...

– А как же Харуката-доно?..

– Не знаю, и знать не хочу. Пусть отправляется на корм рыбам, вместе с Мотохару.

Нобунага окинул вызывающим взглядом надвигающийся флот. На губах его играла улыбка, волосы разлетались под порывами морского ветра. Потом он вытянул вперед руки с зажатыми в них камнями и сосредоточился.

Его тело начало испускать колеблющийся свет. Вскоре свет усилился, заливая всё вокруг, и волны за бортом большого атакабунэ нарушили свой ритм, расходясь концентрическими кругами, как при посадке вертолётa.

Золотая аура окутала фигуру Юзуру. Вслед за этим Мандзю и Кандзю начали пульсировать, и их радужная поверхность тоже окрасилась золотом. Волны стали выше. Сила стягивалась к Нобунаге.

Когда золотое сияние камней превратилось в пламя под пальцами Дьявольского Короля, он распахнул глаза во всю ширь и крикнул:

– Ха-а!

Море взревело, вздыбилось, и волна высотой в несколько десятков метров покатила на «Ямато».

– Что!..

Мотохару и его люди, вытаращив глаза, смотрели на приближающийся вал с капитанского мостика.

– Поворачивай! – закричал Мотохару, но было слишком поздно. Волна обрушилась на них.

Корпус затрещал, люди попадали с ног, ударяясь о стены. Подняв голову, Мотохару увидел, что нос корабля смят и от него поднимается странный чёрный дым – это духи вываливались из брони и один за другим погружались в море.

– Что происходит?!

Мотохару вглядывался вперед, но за завесой дыма ничего не было видно.

Нобунага смеялся. Его глаза угрожающе блестели, в руках полыхал огонь.

– Как славно!.. Как славно!.. Ха-ха-ха!

Море снова вздыбилось. Несколько водяных смерчей, похожих на огромные колонны, поднялись вверх и заплясали по волнам пролива Оно Сэто.

– Ещё, ещё!.. Поехали!.. Получайте, Мори!..

Люди с воплями побежали прочь от пристани. В небе сгустились тёмные облака, море вспенилось, посылая к берегу высокие волны. Подул резкий ветер.

– Бегите в горы! – кричал посреди толпы Котаро. – Быстро, укрывайтесь в горах!..

Над взбесившимся морем разносился вой сирен.

– Надвигается смерч! А за ним – цунами! Не приближайтесь к воде!..

«Это и есть пресловутая сила Жемчужин?..»

Такая, потрясённый, застыл посреди улицы, наблюдая первую атаку Нобунаги.

То была невероятная, пугающая мощь.

Потом Такая увидел, как духи моряков целыми группами отваливаются от корпуса «Ямато», поравнявшегося с мысом Хидзири¹⁵, и падают в воду. Он слышал, как они кричат. Если духи, не очистившись, погрузятся на морское дно, спасти их будет непросто.

Такая сорвался с места. Нельзя, чтобы они утонули вместе с «Ямато». Сначала надо отправить их на тот свет.

Море бурлило, волны меняли направление. Под окрики полицейских перепуганные люди бежали, спасаясь от цунами. Такая тоже бежал, но в противоположную сторону – к мысу Хидзири.

ГЛАВА 25

И СНОВА ИЦУКУСИМА

Страшной силы удар обрушился на правый борт.

– А-а!..

Корабль качнулся влево, и всех, кто был на мостике, швырнуло о стену. Кутиба упал и остался лежать без движения. Из носа у него потекла кровь – должно быть, он сильно ударился головой.

– Кутиба!.. Держись, Мицуёси!..

Мотохару приподнял вассала за плечи, но тот был без сознания и не отвечал. Мотохару бросил взгляд вперёд, где поднимались от моря к небу столбы смерчей. Неестественно высокие волны окружали «Ямато» со всех сторон.

– Что за чертовщина?!

Вода свободно меняла форму, превращаясь в орудие нападения. Казалось бы, сгустку энергии, каковым являлся «Ямато», материя не могла причинить никакого существенного вреда – а вот, поди ж ты... Означает ли это, что порождённое морем цукумогами нечего противопоставить морским волнам? Или, возможно, море решило обратить против него свою священную силу?

– Неужели, – пробормотал Мотохару, побледнев, – неужели это Мандзю и Кандзю? Но почему?! В чьих они руках?!

И снова сокрушительный удар. Атаковали со стороны святилища Ицукусима.

– Тоно, это торпеды!..

Торпеды из морской воды, оседлав волну, с невероятной скоростью неслись прямо навстречу кораблю.

¹⁵ Мыс Хидзири – северо-восточная оконечность Миядзимы.

– Лево руля! Уклоняйся от столкновения!

Но было уже поздно. Раздался взрыв, и по корпусу снизу вверх пробежала дрожь.

– Чёрт...

Кажется, удар пришёлся прямо в днище. Схватившись за компас, Мотохару закричал:

– В наступление! Главное орудие к бою! Противник прямо по курсу!

– Тоно!.. Броня разрушается всё больше и больше!..

– Отказала основная рулевая машина!

– Повреждения на первой батарее главного калибра! Невозможно зарядить снаряд!

– Проклятье! – крикнул Мотохару охрипшим голосом. – Вторая батарея главного калибра, первая батарея вспомогательного калибра – к бою!

– Вижу большой атакабунэ прямо по курсу!

– Что?!

– На нём люди... Это корабль Оды!

Мотохару выхватил у вассала бинокль и, посмотрев вдаль, увидел посреди бушующих волн атакабунэ. На носу, повернувшись спиной к башне, стоял юноша.

«Это и есть Ода Нобунага?..»

«Ямато» открыл огонь, переходя в яростное контрнаступление, но все его энергетические снаряды разбивались о стену воды, не достигая цели. Море защищало большой атакабунэ.

Удары по линкору между тем не прекращались. «Ямато» оказался под угрозой затопления. Корабль-цукумогами, несокрушимый флагман Мори проигрывал – не вражеским кораблям, а самой морской стихии.

– Нет! Так дело не пойдёт! – кричал Кодама с налитыми кровью глазами. – Соберитесь с силами! Оружие противника – морская вода! Если сосредоточить наши помыслы, мы сумеем её разбить! Пли!

– Тоно, наша флотилия!.. Корабли гибнут под ударами врага!..

– Что?!

Жемчужины повелевали водой, направляя её в разные стороны. «Ямато» ещё сопротивлялся, но остальные корабли-цукумогами тонули один за другим.

– Это Мандзю и Кандзю! Надо прикончить того, кто ими управляет! Если море не успокоится – нам конец!

– Снова торпеды!

– Перехватывайте!

– Главное орудие – к бою!

– Ха-ха-ха! Не спорь с судьбой, «Ямато»! Твои усилия напрасны, тебе не выстоять против меня! Пора поднимать белый флаг!

Ода Нобунага с горящим взглядом стоял на палубе большого атакабунэ. Жемчужины в его руках, послушные его воле, сверкали ярко как никогда. Для снарядов «Ямато» он был недостижим.

– Сдавайтесь, Мори! Сопротивление бесполезно! Падите ниц перед Дьявольским Королём, молитесь о пощаде!.. Вот вам ещё!..

Водяные торпеды снова помчались по волнам, метя в линкор, и вот он, окутавшись дымом, начал заваливаться на бок. Но Нобунаге этого было мало. Над морем поднялась и понеслась вперёд огромная волна.

– Отправляйся ко дну, «Ямато»!

– Изыди!

Свет затопил окрестности верхней смотровой площадки, поглощая притаившихся там солдат.

– Удалось, Какизаки-доно! – Томо-химэ и Исари-химэ выбрались из своего укрытия среди камней и подбежали к Аяко со словами благодарности.

– Итак, Томо-химэ. С людьми Оды я разделалась. Где твоя скала Канман?

– Вот она, – Томо-химэ положила руку на большую скалу, посреди которой было отверстие величиной с кулак.

– Чтобы обезвредить Мандзю и Кандзю, необходимо создать новые, ещё сильнее. Эта скала содержит в изобилии две горные породы, из которых сделаны Жемчужины. Посмотрите на это отверстие. С ним связано одно чудесное явление: во время прилива отверстие заполняется водой, во время отлива оно высыхает. И вода не какая-нибудь, а морская. Иными словами, когда наступает час прилива, скала притягивает к себе воду из морских глубин, поднимая её до самой вершины горы, а потом опускает обратно. В этом и состоит сила Мандзю и Кандзю.

– То есть, мы видим перед собой источник происхождения Жемчужин?

– Можно и так сказать. Жемчужины сделаны из могущественных кристаллов – Камня Прилива и Камня Отлива, которым и подчиняется вода. А в этой скале заключены оба минерала одновременно. Смотрите, – Томо-химэ показала рукой на основание скалы, – видите, здесь высечены странные знаки?

– Хм...

Похожие на тайнопись символы были различимы, хотя и с трудом. И это не был санскрит.

– Кажется, их называют петроглифами... Древнейшие знаки, которые начали появляться тридцать тысяч лет назад и вплоть до двух тысяч лет до нашей эры...

– Древнейшие знаки?.. – Аяко подняла удивлённое лицо. – Да, я слышала о петроглифах – о том, что их расшифровывают при помощи шумерского алфавита, или что-то в этом роде... И в Японии их тоже много... Но почему здесь?..

– Эту надпись, – объяснила Томо-химэ, – оставили много веков тому назад старые боги, чтобы обозначить местонахождение горной породы, способной вызвать прилив или отлив. Похожие знаки можно встретить в разных уголках Ицукусимы – например, в долине Момидзи и в окрестностях святилища, – и все они говорят: Камень Прилива или Камень Отлива ищи здесь. Скала Канман – самый крупный из подобных камней.

– То есть всё равно, что Жемчужины до обработки... И ты хочешь сделать из неё новые Мандзю и Кандзю?

– Да. Но, хотя содержание нужной породы в скале велико, сами кристаллы невелики размером, и сила рассеяна. Для того, чтобы она превзошла силу существующих Жемчужин, необходимо сделать одну вещь...

– Какую?

Вдруг Исари, наблюдавшая за морем с обзорной площадки, воскликнула:

– Смотрите! Что это там такое?!

Над водами пролива Оно Сэто поднимались водяные столбы. Вращаясь, подобно торнадо, они обрушивались на «Ямато» и сопровождавшие его корабли.

– Что это?.. – пробормотала Аяко.

– Мандзю и Кандзю, – ответила Томо-химэ. – Нобунага пустил камни в ход!

Ожившие морские воды каждую секунду меняли форму: высоко взлетали и резали корабли острыми лезвиями, толкали их снизу, переворачивали вверх дном. А потом верхушка одного из вихрей заострилась как сверло и нацелилась прямо на «Ямато».

– «Ямато»!.. – закричала Исари не своим голосом. – Он сейчас потонет!..

Томо-химэ судорожно вздохнула. Мотохару сейчас на этом корабле... Ему тоже грозит гибель!..

– Мотохару-сама...

– Ну что же ты медлишь! – кричала Исари, распахнув глаза. – Скорее, сестрица!.. Останови Нобунагу!.. Уничтожь Жемчужины, иначе «Ямато» потонет, и Мотохару-сама вместе с ним!..

– Исари?..

– Он умрёт!.. Скорее, скорее спаси его, сестрица!..

– Исари... – Томо-химэ удивлённо посмотрела на сестру, – ты хочешь, чтобы он был спасён?..

– Минуточку! – вмешалась Аяко. – Успокойтесь, вы обе! Ещё не время уничтожать камни.

– А ты вообще молчи! – огрызнулась Исари. – Ну же, сестрица! Уничтожь Мандзю и Кандзю, спаси «Ямато»!

– Нельзя этого делать!

– Молчи, кому говорят!

И Исари опутала не ожидавшую нападения Аяко энергетической сетью. Полностью обездвиженная, Аяко потянулась к силе, но сеть поглощала энергию, лишая её возможности нанести удар.

– Чёрт!..

– Сестрица!.. Говори же, что нужно сделать? Как обезвредить Жемчужины?

– Я думала, ты ненавидишь его, – пробормотала Томо-химэ чуть слышно. – Ты так часто клялась его убить...

Исари словно очнулась ото сна и умолкла в замешательстве.

– Я...

– Дескать, он – причина всех наших бед... Ты обвиняла его, а теперь пытаешься спасти?

Исари замаялась, не находя нужных слов. На лице её явственно читалось волнение. Наконец, она сказала:

– Да, всё так и было.

– Исари...

– Да, я его ненавидела. Не взбреди ему в голову взять жену из нашего дома, ничего бы не случилось!

«И всё же...» – думала Исари, вспоминая о том дне, когда Мотохару отыскал её в далёкой горной деревушке.

Её отправили в то затерянное поселение, опасаясь, как бы история об её обожжённом лице не стала предметом досужих сплетен. Мотохару явился к ней накануне собственной свадьбы.

«Как ты себя чувствуешь?» – справился он о её здоровье, а потом начал рассказывать – о причинах случившегося, о том, чего он хотел, о том, как всё было на самом деле.

Мотохару поведал ей, что с самого начала намеревался взять в жёны Томо-химэ. Почему он так решил? Потому, что она – старшая дочь Кумагая Нобунао, отношения с которым он намеревался упрочить, избрав в качестве способа брачный союз. Произошедшее несчастье, сказал он, никак не повлияло на его выбор. Мотохару хотел, чтобы Исари знала: он женится на её сестре вовсе не потому, что в сравнении с ней Томо-химэ теперь выглядит лучше. А потом Мотохару сказал: «Но, узнав о её проступке, я впервые всерьёз задумался о ней, и мне захотелось прогнать снедающую её печаль... По-настоящему захотелось...»

Говоря это, Мотохару опустил глаза и улыбнулся несмело, как неопытный юноша. Исари до сих пор не могла забыть той улыбки.

Для неё Мотохару всегда был объектом восхищения.

– Мотохару-сама – очень добрый человек... Я тоже мечтала... – губы Исари искривились в циничной усмешке. – Представь, я верила разговорам и всерьёз надеялась... что он женится на мне, предпочтя меня, красавицу, моей безобразной сестрице...

– Исари...

– Какая самонадеянность, верно? Ну, вот она мне и аукнулась... Должна признаться, я была не лучше тех бессердечных сплетников... В случившемся повинна не только ты одна.

Томо-химэ промолчала.

– Сестрица, ты обожгла мне лицо и тем добилась любви господина Мотохару. Ты, не любимая никем, заполучила сокровище, за которое я готова была отдать всё на свете. – Исари поджала губы и опустила голову. – Поэтому ты не найдёшь у меня сочувствия. Ты виновата передо мной, и должна заплатить. Я не простила тебя и никогда не прощу.

Исари, словно через силу, подняла лицо, а потом сказала:

– Но с самых малых лет я любила вас... Очень любила – и тебя, сестрица, и его.

– Исари...

Раздался всплеск, и огромная волна, перелетев через волнорез, обрушилась на бежавшего вдоль берега Такаю. Он вцепился в ограждение, стараясь изо всех сил, чтобы его не смыло отходящим потоком.

«Ямато!..»

Тяжело дыша, Такаю поднял голову и взгляделся в тёмные силуэты кораблей на горизонте. Составлявшие флотилию цукумогами суда, должно быть, потеряли ход – они бессильно качались на воде, беззащитные перед ударами взбесившихся волн. А кораблей противника нигде и не было – врагом «Ямато» стало само море.

Всплеск!

Волна поднялась в небо, выгнулась дугой и заревела – ни дать ни взять дракон. Несколько водяных змеев накинулись на «Ямато» одновременно.

Вот один из них прошил корпус – полыхнуло огнём, и составлявшие броню призраки посыпались в море. «Ямато» сильно накренился на правый борт.

«Нет!..»

Водяные драконы пронзали корпус, подобно гигантским свёрлам. Конец был близок, «Ямато» ожидала неминуемая гибель. Ещё немного, и разрушение коснётся побережья!

– Хватит, Нобунага! – крикнул Такаю, повернувшись к морю. – Больше мне твоя помощь не нужна!

Но Нобунага, конечно же, не мог его слышать. Он повелевал Жемчужинами, и блеск в его глазах был ещё более яростным, чем прежде.

– Ах-ха-ха, хорошо-то как!.. Что может быть лучше!.. Склонись передо мной, море, станьте моими слугами, волны!

Со скрежещущим звуком «Ямато» накренился ещё сильнее, ложась практически горизонтально; его пробитое в нескольких местах днище показалось над водой.

– А теперь – последний удар!

Нобунага наполнил камни силой, и море вокруг забурило. Когда жар достиг высшей точки, он распахнул глаза и крикнул:

– Поехали!

Тем временем люди Мори пытались выбраться с тонущего «Ямато». Капитанский мостик, где находился Мотохару, уже залило водой.

– Тоно! Спасайтесь, скорее!

– Я не побегу! Это корабль Мори, я не вправе покинуть его!

– Не говорите так, тоно, – открыв глаза, пробормотал Кутиба, которого Мотохару поддерживал за плечи.

– Кутиба...

– Пусть это правило, связывающее судьбу капитана с судьбой корабля, останется в прошлом, как и прошедшая война... Вы должны жить. Во имя клана Мори, вы должны остаться в...

– Кутиба, держись!

– Тоно!

Обернувшись на голос, Мотохару увидел впереди силуэты несущихся на них бесчисленных торпед.

Бух!

Сотрясший небеса оглушительный звук заставил Аяко и её спутниц на вершине Мисэна вскинуть головы.

– «Ямато»!..

Ямато... рассыпался. Составлявшая его энергия разлетелась, потеряла форму, не оставив на поверхности ничего, что напоминало бы корабль.

Томо-химэ и Исари-химэ распахнули глаза. Лица сестёр исказились от ужаса, и они, набрав полную грудь воздуха, одновременно закричали:

– Мотохару-сама-а!..

– Ха-ха-ха!

Убедившись в том, что «Ямато» уничтожен, Нобунага завертел головой, отыскивая новую мишень.

– Ну, кто следующий? Ты, Кагэтора? Не откажусь. Море движется по моему хотенью, я готов сразиться хоть с подлодками сил самообороны, хоть с кораблями Седьмого флота США¹⁶!

Нобунага громко смеялся.

– Давай, давай! Не только моря Японии – моря всего мира будут подчиняться мне одному! Ха-ха-ха!..

«Что за человек...»

Находившийся у мыса Хидзири Такая с дрожью взирал на энергетические обломки «Ямато», рассеявшегося по воде. Невозможно было предсказать, что сделает Нобунага в следующий момент, если его не остановить.

– Всё, хватит! Харуиэ! Обезвредь Жемчужины, быстро!

Аяко услышала приказ. Сбросив с себя энергетическую сеть, она повернулась к Томо-химэ:

– Томо-химэ, теперь можно! Делай, что нужно, со скалой Канман!..

Исари стояла неподвижно, потрясённая увиденным.

– Томо-химэ, пожалуйста! Уничтожь Жемчужины! «Ямато» погиб, тебе больше нечего защищать!

Томо-химэ взглянула на неё и покачала головой.

– Нет, – прошептала она со слезами на глазах, – я не могу...

– Что значит «не можешь»?!

¹⁶ Седьмой флот США – часть тихоокеанской флотилии США, его главная база расположена в японском городе Ёкосука.

– Не могу!.. – Томо-химэ упала на колени и обхватила голову руками.
– Чтобы увеличить энергию до необходимого уровня, – сказала она и подняла несчастное лицо, – мне нужна душа человека...

Аяко и Исари вздрогнули.

– Душа человека?..

– Да! Душа соединится со скалой, станет ядром, в котором сольются воедино Камень Прилива и Камень Отлива. Две силы взаимно нейтрализуются, и на их месте возникнет единая, огромная сила – которая и разобьёт Жемчужины!

Три женщины переглянулись. Томо-химэ должна остаться, чтобы выполнить ритуал, а, следовательно...

– Соединившаяся со скалой душа получит божественный статус, но выйти наружу уже не сможет. Навечно лишённая возможности перерождения, она превратится в одушевлённый камень. Навсегда.

Иными словами, требовалась жертва. И стать ею должна была либо Аяко, либо Исари.

– Душу перерождённого я использовать не могу, – резко сказала Томо-химэ. – Её, пустившую корни в теле, не возьмёт энергетическая стрела. Нужен подселенный дух.

После долгого молчания на потерянном лице Исари появилась напряжённая улыбка.

– Значит, это мне идти на заклятие?

– Исари...

– И всё получится, как нельзя лучше... Ты ведь за этим привела меня сюда, сестрица?!

Томо-химэ с горестным видом отвернулась.

– Опять мне быть жертвой? Во второй раз?! Ты снова перешагнёшь через меня, свою родную сестру, ради собственной пользы? Ты сожгла мне лицо, чтобы стать женой господина Мотохару, теперь ты заточишь меня в скале, чтобы стать кем – героиней легенд?! Ты отвратительна, отвратительна и безобразна!

– Пойми, Исари...

– Нет! Мне надоело быть жертвой! – Исари, наконец, расплакалась. – Я хочу и себе немного счастья! Хочу родиться заново и прожить благополучную жизнь!

– Исари!..

– Родиться человеком, встретить, как и ты, хорошего мужчину... Выйти замуж, нарожать детей... Быть счастливой!..

– Исари!

– Нет! Не хочу! Не буду!

– Исари!..

Голос Томо-химэ сорвался, когда она, вскинув руки, притянула сестру к себе. Исари, с широко распахнутыми глазами, замерла в её объятиях, чувствуя тяжесть её головы на своём плече и горячую влагу её слёз на своей шее.

– Прости меня, Исари, – прошептала Томо-химэ. – Прости меня, милая дева, нежная, словно весенний ветерок, согревающий людям сердца... Всё это время я так нуждалась в твоём прощении... Я тоже очень тебя люблю.

К горлу Исари подступил комок. Несколько секунд длилось её оцепенение, а потом она обняла Томо-химэ в ответ, и беззвучные слёзы потекли из-под её сомкнутых век.

– Сестрица...

Исари порывисто прижалась к сестре, словно желая заполнить этим объятием пустоту лет, отданных сожалениям и ненависти. Они долго сидели так, слушая доносившийся снизу шум прибоя.

Потом Исари тихо отстранилась. Взяв лицо Томо-химэ в руки, она приблизила его к своему мокрому лицу и впервые улыбнулась ей.

– Ты очень красивая, сестрица.

– Исари...

Исари медленно поднялась, подошла к скале Канман, и, широко раскинув руки, прислонилась к ней спиной.

– Значит, я тоже стану Каннон, – сказала она сквозь слёзы. – Второй Ян Гуйфэй мне, может, и не быть, но я буду присматривать отсюда за морем Аки, – Исари закрыла глаза и откинулась головой на камень. – Ну же, сестрица...

Томо-химэ проглотила слёзы, выпрямилась и переплела пальцы в знаке Каннон. Под звуки мантры возник из небытия священный лук. Держа в правой руке факел, принесённый из Часовни Негасимого Огня, Томо-химэ начала начитывать «Покаяние перед Каннон», пока Аяко молча следила за происходящим.

– ...кибисису, нантори, хогяри, оруни, хокюри, мокюри, тёбири, соко!

Томо-химэ распахнула глаза. Священный огонь превратился в священную стрелу, тысячелетнее пламя засветилось золотом. Томо-химэ решительно натянула тетиву, целясь в грудь Исари, которая зажмурилась в ожидании удара.

– Исари...

Томо-химэ тоже зажмурилась, и, выкрикнув её имя, выпустила стрелу. Золотая стрела прошла навывлет через тело девушки, чтобы исчезнуть внутри камня, а секунду спустя вся скала засветилась тем же золотым светом, настолько ярким, что больно было смотреть.

– Что это?!

Когда вершина горы Мисэн озарилась вспышкой, Симодзума Райрю и его люди, находившиеся на противоположном берегу, от удивления разинули рты.

– Ракета?..

Сгусток света сорвался с вершины и, оставляя за собой яркий след, на огромной скорости понёсся к морю, целясь прямо в...

«Атакабунэ Оды Нобунаги!..»

Нобунага, стоявший на палубе корабля, в изумлении обернулся, и в тот же миг его ослепил свет.

– А-а!..

Белое сияние разлилось вокруг, и два золотых огня потухли. Священные камни словно безмолвно вскрикнули, их поверхность покрылась трещинами, и они рассыпались на мелкие осколки прямо у Нобунаги в руках. Тот издал нечленораздельный вопль, не понимая, что произошло.

– Почему?!

Повелевающая морской водой сила в момент иссякла. Водяные смерчи, до этого плясавшие в воздухе, с грохотом обрушились вниз, подобно гигантским водопадам. Пролив Оно Сэто содрогнулся от такого количества влившейся в него воды. Взметнулся ветер, и из-за тучи брызг невозможно стало разглядеть, что творится вокруг.

Защищаясь от налетевших брызг, Такая закрыл лицо руками.

– Кх!..

С моря, грозя поглотить его, надвигалась большая волна.

«Меня смое!..»

Такая рефлекторно пригнулась, зажмурившись, и вдруг какая-то сила подхватила его с земли.

«Что?..»

Огромная волна накрыла побережье, и из-под неё, рассекая воду, вырвался в небо дракон, на этот раз настоящий.

Серебряный дракон Удзиясу поднялся над морем, и сидевший у него на спине Такая оказался лицом к лицу с большим атакабунэ.

Атакабунэ каким-то чудом удержался на плаву. Когда вся вода вернулась на место и горизонт очистился, Нобунага увидел перед собой силуэт дракона.

– Кагэтора! Стало быть, это ты?..

Море вокруг было усыпано духами, которые мерцали на поверхности, подобно болотным огням. Вне себя от ярости, Нобунага начал наполнять тело новой силой.

– Ты разбил мои камни!.. Проклятье, я тебя недооценил... Ну ничего, сейчас я избавлюсь от всех вас одним махом... Ты умрёшь, Кагэтора, на этот раз наверняка!

Нобунага с шумом взмахнул руками, круговым движением разводя их в стороны, и принялся стягивать энергию к нижнему центру¹⁷. Естественное течение природной ки сменилось на противоположное, она вся устремилась внутрь.

«Что?..»

Такая помнил эту пульсацию, этот леденящий душу ритм, способный даже свет обратить во тьму.

– Это же...

– Ха-а!

Сделав глубокий вдох, Нобунага подтянул энергию к воздетым рукам и с криком: «Сгиньте, все до единого!» – выпустил хаконху. Пространство изогнулось, когда гигантская энергетическая волна начала расходиться вокруг.

Такая, выжимая из себя всю силу, какая в нём была, отчаянно воскликнул:

– Батюшка, помоги!

Рёв дракона, смешавшись с рёвом тигра, раскатисто прогремел над морем.

Когда две великие силы столкнулись в воздухе, остров Ицукусима потонул в белоснежной вспышке. Казалось, кто-то прочертил линию на поверхности пролива Оно Сэто, его воды разошлись, обнажая дно, и из прорехи поднялся ураганный ветер.

– А-а-а!

Столб белых брызг взметнулся до самых небес, и атакабунэ подкинуло вверх, как щепку; выброшенных за борт людей поглотила яростная волна.

Такая верхом на драконе выстоял. Ему с трудом, но всё же удалось отразить атаку Нобунаги.

Рана на теле океана постепенно затянулась, оставив лишь водовороты в местах соединения вод. Атакабунэ затонул. Нобунаги нигде не было видно. Конечно, случившееся не прошло для него бесследно, но вряд ли стоило рассчитывать на его смерть – как и на то, что он отпустил Юзуру.

Помогите...

Тону...

Вода...

¹⁷ Нижний центр – имеется в виду один из энергетических центров человека, нижний даньтянь (кит.), расположенный внизу живота.

Задыхаюсь!..

Голоса призраков, доносившиеся из-под воды, вывели Такаю из оцепенения. Более десяти тысяч духов, выброшенных в море в результате битвы, зывали о помощи.

«Изгнание через барьер...»

Измождённый до предела, Такая снова потянулся к силе. «Остановись! – мысленно предостерегал его Удзиясу, – твоё тело не выдержит! Одна ошибка – и ты умрёшь!»

Но Такая не слушал его. «Помоги мне», – сказал он в ответ и произнёс имя, которое всегда произносил, как молитву, в час сомнений и беспокойства. Стиснув зубы, он сосредоточился, а потом распахнул глаза.

Свет полился из тела Такаи, будто из источника, обволакивая море сияющим покровом, и тут на него внезапно обрушился шквал энергетических ударов.

Он едва успел закрыться щитом. Обернувшись, Такая увидел стремительно приближающийся катер.

– Изгнание? Не позволю!

– Райрю!..

Это был Симодзума Райрю собственной персоной. С налитыми кровью глазами, атакуя без передышки, он кричал:

– Кагэтора, убийца брата моего! Сражайся, и умри, наконец, от моей руки!

– Убирайся, Райрю! Не мешай!

– Что, трусил?!

И монах подбросил вверх полные пригоршни Каменных Кукол. Раздался гром, возвещая появление бодхисаттв Каннон. Такая занервничал – ведь изгоняющая сила на них не действует.

– Ну, что же ты, Кагэтора?

– Чёрт...

Бодхисаттвы напали одновременно. Десятки тысяч тонких светящихся стрел полетели в него – он отражал их щитом, но божественная сила была слишком велика.

Удзиясу взревел и выпустил энергетический импульс. Бодхисаттвы, не желая уступать, усилили напор. Несколько стрел пробили защиту Такаи и вонзились в тело; брызнула кровь.

– Кх!..

– А теперь – самое интересное! – Райрю воспользовался моментом и нанёс удар на пределе своих возможностей. – Тебе конец, Кагэтора!

Такая сотворил защитный купол, но купол не выдержал. Сверкнула вспышка. Такая вместе с Удзиясу рухнул вниз, стремительно падая в море. Он оказался полностью беззащитен, и Райрю, конечно же, не собирался упускать этот шанс.

– Умри!

Но скоординированные удары бодхисаттв разбились об энергетический шар, внезапно возникший вокруг Такаи. Кто-то посторонний закрыл его щитом.

– Что?!

Райрю вытаращил глаза. Со стороны Мисэна, сопровождаемое резким хлопанием крыльев, приближалось какое-то тёмное облако.

– Больше ты его и пальцем не тронешь!

Голос принадлежал Чиаки Сюхэю, который восседал на спине большого трёхметрового тэнгу во главе целой стаи таких же существ.

– Вперёд, Таробо!

Большой тэнгу издал пронзительный клич, и армии сородичей, призванные им с окрестных земель, со всех сторон накинудись на Райрю.

– А-а-а!..

Их было столько, что у Райрю потемнело в глазах. Он отбивался, как мог, но число крылатых созданий не убывало.

– Опять тэнгу!.. Прочь от меня, летучие, прочь!..

Полчища тэнгу – здесь были и красные тэнгу, и тэнгу-вороны, – облепили фигуры бодхисаттв. Они клевали их, кололи посохами, пока бодхисаттвы, не выдержав такого натиска, не исчезли один за другим.

– Давай, Кагэтора! – крикнул Чиаки. – Изгнание через барьер, сейчас!

Такая вынырнул из воды, Удзиясу подхватил его, и они снова взлетели в воздух. Призраки, среди которых был и Айда, тянули руки вверх, умоляя о спасении.

Такая снова сосредоточился. Сотканное из света покрывало расстелилось над волнами, потом энергия сконцентрировалась, принимая форму сферы.

– Ноумакусаманда, боданан, байсирамандая, совака... Ари, нари, тонари, анаро, наби, кунаби...

Такая преобразился. Над ним забрезжила аура, составленная из множества светящихся нитей, и эти нити устремились вверх.

– Да исчезнет зло! – провозгласил Такая, обращаясь к небесам. – О, великий Бисямонтэн! Явись!

Белая молния пронзила небосвод, а в следующую секунду раздался оглушительный раскат грома. Корабль Райрю закачался на расходящихся кругах волнах. Одна волна сильно ударила в борт, катер перевернулся и Райрю исчез под водой.

Свет под куполом барьера начал, искрясь, собираться в одну точку, образуя фигуру Бисямонтэна. Облачённый в доспехи бог войны держал в правой руке пагоду, а в левой – острое копьё.

– Начинаю ритуал изгнания через барьер! – крикнул Такая. – Объект изгнания – духи воинов в водах Оно Сэто!

Бисямонтэн ударил молнией в знак согласия. Такая сосредоточенно заговорил:

– Ноумакусаманда, боданан, байсирамандая, совака, – его аура заколебалась, подобно красным язычкам огня, мягкий порыв ветра взметнул его волосы вверх. – Мы, якши шести миров, клянёмся посвятить свои жизни служению чистоте и справедливости. Час настал! – Такая широко распахнул глаза и всю оставшуюся энергию вложил в знак. – О, великий Бисямонтэн! Даруй мне силу твою, дабы изгнать зло!

Бисямонтэн изверг сгусток света – оказавшись секунду спустя у Такаи в ладонях, он уплотнился, вытянулся, и превратился в меч. Меч сыпал искрами и гудел от напора заключённой в нём энергии.

Такая стиснул зубы, покрепче упёрся ногами и сжал меч Бисямона в руках. Красный ореол вокруг его тела превратился в яростное пламя...

– Изыди!

Поверхность воды побелела от разлившегося вокруг света – и это было последним, что видели духи моряков, воинов Мори и Суэ... Они видели свет, а не тьму.

Мама!..

Духи тех, кто, захлёбываясь в маслянистых волнах, среди клубов чёрного дыма, представлял родное лицо.

Пусть жители этой страны...

Духи тех, кто, идя ко дну вместе с израненным кораблём, вспоминал любимые горы и реки.

...будут счастливы...

Духи тех, кто под напором прибывающей воды вцепился окровавленными руками в кислородный баллон и молился о благополучии своих семей.

Напоследок воины увидели очищающий свет, который окутал их и унёс, оставив морю лишь негасимое пламя их чувств.

ГЛАВА 26

ПОЛЁТ ЯН ГУЙФЭЙ

На скалистый, избитый волнами берег из воды ползком выбрался юноша.

– Мм...

Это был Нарита Юзуру... нет, всё ещё Нобунага, управляющий телом издалека. Как и следовало ожидать, он не утонул.

– Не выходит, видно, сражаться в полную силу, когда тело не своё, – пробормотал он, с трудом выпрямляясь. С него текло в три ручья.

Отражённая хаконха нанесла Нобунаге существенный вред, которого, впрочем, оказалось недостаточно, чтобы свалить его с ног. Пока он был в воде, его отнесло течением – тории святилища Ицукусима виднелись далеко позади. Над святилищем чёрными тучами кружили стаи тэнгу, круша раскинутый над лагерем барьер и нападавая на воинов Оды.

– Уэсуги, дьявол вас побери...

И как только Нобунага это сказал, на него снова обрушилась знакомая головная боль.

– Кх...

Нарита Юзуру бился внутри, словно веля ему проваливаться поскорее. Нобунага обхватил голову руками; удержать контроль стоило ему немалых сил.

– Ещё рано... – пробормотал он себе под нос. – Я не отпущу тебя, Нарита Юзуру... Не отпущу, пока не разделаюсь с Кагэторой.

Вскоре после того, как тэнгу напали на святилище Ицукусима, в нём случилось странное событие.

– Бейте тэнгу! Не подпускайте их! – кричал Мори Ранмару, глядя, как стаи крылатых существ пытаются пробить начинающийся у ворот барьер. Оставленные в Ицукусиме люди Оды держали отчаянную оборону против войска тэнгу под предводительством Таробо.

Это произошло в самый разгар битвы. В глубине основного здания послышался рокот, а затем двери святилища внезапно распахнулись, и из них хлынул поток ослепительного света.

– А-а!

Солдаты Оды невольно закрыли глаза руками.

– Что это?..

– А-а!..

Мощная вспышка разбила барьер изнутри. В тот же миг со стороны главного здания налетел порыв ветра, выбрасывая подселенных духов из вместилищ. Поднялся крик.

– Что...

Тэнгу прорвались через разрушенную стену барьера и накинулись на солдат Оды. Красные своды святилища наполнились криками отчаяния и гнева, началась паника.

– Что происходит?! – кричал Ранмару, пригнувшись. Из основного здания лился мощный поток силы.

«Неужели...»

Это была божественная сила. Три богини Ицукусимы – Итикисимахимэ-но-микото, Тагорихимэ-но-микото, Тагицухимэ-но-микото – наконец-то перешли к действиям. До этого

их сдерживал Нобунага, но теперь, когда его собственная сила ослабла, богини вырвались из-под гнёта и излили на незваных гостей свой гнев.

«Нет, здесь что-то ещё...»

Кто-то помогал им снаружи, Ранмару сразу это почувствовал. Кто-то, обладающий силой, причём также божественного происхождения, обратился к богиням и призвал их разбить барьер.

«Кто?!»

– А-а!..

Напор энергии с каждой секундой возрастал, и Ранмару, еле держась на ногах, закричал:

– Слушай меня! Здесь опасно, уходим! Всем отступить!

Аяко и Томо-химэ наблюдали за происходящим в святилище с площадки Сэндзёкаку, предварительно избавившись от сидевших там солдат.

– Похоже, Исари-химэ нам помогла, – сказала Аяко.

И действительно, к трём богиням обратилась именно Исари, соединившаяся со скалой и сама получившая божественный статус. Она же помогла разрушить барьер.

– Исари... – пробормотала Томо-химэ, прикрыв глаза, а потом решительно подняла голову.

– Какизаки-доно, этот лагерь долго не продержится. Я отыщу Сацки и позабочусь о ней, ты же поспеши к господину Кагэторе.

– Томо-химэ...

– Благодарю тебя за всё, – сказала Томо-химэ и посмотрела Аяко в глаза. – Тело Наруми я верну, как только покончу с этим, и оставлю их двоих у парома на том берегу. Заберите их потом.

Аяко кивнула. Томо-химэ кивнула в ответ и, развернувшись, скрылась в направлении Ицукусимы. Проводив её взглядом, Аяко бросилась бежать в противоположную сторону.

Битва в проливе Оно Сэто завершилась, море вернулось в свои берега – не успокоились только люди на побережье. Жители городка Миядзима столпились в порту и вокруг здания полиции, суетясь, словно пчёлы в растревоженном улье, и требуя объяснений произошедшему.

Такая, чтобы не привлекать к себе внимание, опустил на землю в районе побережья Сугиноура¹⁸. Вскоре туда подоспел и Чиаки верхом на Таробо. Удзиясу, оставив Такаю на берегу, сразу поднялся в небо и улетел.

– Эй! Держись, Кагэтора! – закричал Чиаки, подбегая к распростёртому на земле Такае. Изгнание через барьер отняло все его физические силы.

Опираясь на плечо Чиаки, Такая кое-как поднялся, но дыхание его было прерывистым, и он с трудом держался на ногах.

– Идти можешь? – спросил Чиаки.

– Я должен спасти Юзуру...

– Ты еле стоишь, дурак! Мы сами всё сделаем, а ты отдыхай.

– Нет, – ответил Такая, тяжело дыша. – Нобунага ждёт меня. Никто, кроме меня, не способен избавить Юзуру от Зерна...

¹⁸ Сугиноура – берег к юго-востоку от мыса Хидзири.

– Ты можешь хоть в чём-то нам довериться? Будешь сражаться в таком состоянии – отдашь концы. Я серьёзно.

– Кагэтора! – донёлся со стороны дороги высокий женский голос. Из остановившегося у обочины «Лэнд Крузера» выскочила Аяко и побежала к ним.

– Всё в порядке? – её лицо было бледным от волнения. – Ты не ранен?

– Харуиэ...

– Где ты взяла эту тачку?

– Подобрала у дороги. Я увидела, что вы спускаетесь к Сугиноуре, и... У нас всё получилось, Томо-химэ разрушила Жемчужины. Ещё чуть-чуть, и Оду выбьют с Ицукусимы.

– Да, похоже на то... А что с Мотохару и людьми Мори? Их удалось изгнать?

– А разве ты не изгнал их всех через барьер, вместе с духами моряков?

– Не знаю, – ответил Такая. Казалось, каждый вдох причиняет ему боль. – Суэ Харуката точно ушёл на тот свет, а вот Киккава Мотохару... у меня не было времени проследить. Возможно, он успел спастись с «Ямато» прежде, чем корабль был разрушен.

– Так он, выходит, жив и здоров?

– Не знаю, – повторил Такая, покачав головой. – В любом случае, на Ицукусиме его уже нет, а меня сейчас больше волнует Ода. Я должен освободить Юзуру от Нобунаги... – Такая поднял глаза на Аяко. – Что там сейчас происходит? Получилось ли использовать силу трёх богинь?

– Да, благодаря Исари-химэ. Её душа соединилась со скалой Канман – так было нужно, чтобы разрушить Жемчужины – и приобрела статус божества при помощи Тысячелетнего Пламени и силы Ян Гуйфэй Каннон. Всё получилось.

– Исари-химэ... – Чиаки выглядел немного расстроенным. – Вот как...

– А что Нобунага? – спросил Такая.

– Неизвестно, – ответил ему Чиаки. – Но ты же понимаешь, с кем мы имеем дело. Он не позволил бы Нарите умереть. Должен был выжить, хотя бы из упрямства.

Такая, нахмурившись, посмотрел в сторону святилища Ицукусима.

– Нобунага обязательно вернётся в святилище. Я иду туда. Садись за руль, Харуиэ.

– Хорошо.

– Ты собрался драться с ним в таком состоянии?

– У меня ещё есть силы. Хватит, чтобы выгнать его из тела Юзуру.

– Ничего у тебя не хватит, дурья твоя башка! – взорвался Чиаки, и Такая вздрогнул от неожиданности. – Кончай нести чушь! Посмотри на себя, ты еле на ногах держишься! Нобунага сотрёт тебя в порошок! Хочешь умереть – дело твоё. Но если ты ищешь, кто бы помог тебе расстаться с жизнью и последовать за ним – я в этом участвовать не буду!

– Чиаки...

– Что значит «последовать за ним»? – немедленно переспросила Аяко. – О чём ты, Нагахидэ?

– Почему ты так рвёшься сложить голову в неравном бою?! И не надо заливать мне про ответственность, полководец хренов! Ах, какие мы спокойные, какие мы хладнокровные – смотрите все и восхищайтесь. А вот чёрта с два! Герой трагедии здесь вовсе не ты! Это Наоз погиб, это ты не смог его защитить, и жалеть тебя я не собираюсь!

Аяко распахнула глаза.

– Наоз погиб?..

– Я не умру, – отчётливо произнёс Такая. Чиаки посмотрел на него в упор.

– Здесь не умру.

– Из-за миссии, да? Как трогательно, я вот-вот расплачусь.

Такая помолчал немного, опустив голову, а потом сказал:

– Не могу же я умереть во сне.

Чиаки и Аяко уставились на него в изумлении.

– Кагэтора, ты...

Он отмахнулся от их рук и зашагал по пляжу один, без посторонней помощи. Чиаки и Аяко, потеряв дар речи, смотрели, как он заставляет себя идти вперёд: выпрямив спину, словно преодолевая невидимую преграду... с совершенно бесстрастным лицом.

Шумное дыхание волн летело ему вслед. Резкий порыв ветра пронёсся над песчаным пляжем.

Когда в святилище Ицукусима, наконец, воцарилась тишина, солнце уже успело сильно склониться к западу.

На всей территории храма не ощущалось присутствия людей. Поднявшаяся вода разлилась под строениями, которые воистину напоминали сейчас чертоги богов, воздвигнутые посреди моря.

Под сводами крытых переходов лежали тела людей – опустевшие вместилища подселенных духов Оды. Сами духи покинули лагерь, отступив перед лицом превосходящей силы – трёх богинь и войска тэнгу. Но шквал энергии, пронёсшийся по святилищу, не причинил вреда постройкам – на них не было ни царапины. Оставалось только удивляться тому, как ловко были изгнаны пришельцы.

– Да уж, с богами не поспоришь... Может, Нобунага тоже ушёл?

– Нет, – ответил Такая, настороженно оглядываясь по сторонам. – Юзуру здесь, я чувствую.

– Здесь, значит...

Такая кивнул. Ему можно было верить – в такие минуты его интуиция превосходила возможности ментальной разведки. Оставив «Лэнд Крузер» у входа в сокровищницу, Уэсуги вошли в храм.

Сацки нигде не было видно – должно быть, Томо-химэ позаботилась о ней, как и обещала.

Пройдя по западному коридору, Такая, а следом за ним Чиаки и Аяко, дошли до зала очистительных церемоний¹⁹.

Беглый взгляд вглубь казавшегося пустым зала для служб заставил их замереть на месте. Там был человек, юноша. Он сидел на большом, богато украшенном стуле прямо перед алтарём, откинувшись на спинку и скрестив ноги.

– Добро пожаловать, Уэсуги.

Все трое уставились на него.

– Нарита... Нобунага!..

Юзуру задорно улыбнулся. Чиаки и Аяко, вздрогнув от неожиданности, встали на изготовку, и только Такая не пошевелился.

– Я так и думал, что найду тебя здесь, – сказал он, спокойно глядя на собеседника.

– Стало быть, вот кто разбудил местных богинь, пока меня не было... Стоит только отвернуться... Нет, с такими пронырливыми крысами, как вы, надо держать ухо востро.

Чиаки и Аяко молчали, подавленные властной силой в голосе Нобунаги. Похоже, он снова держал хозяек святилища в узде.

¹⁹ См. схему в разделе «География» на сайте mirage.karlson.ru

– Я слышал, здесь обитают только женские божества... А что, мне нравится. Интереснее, чем заигрывать с человеческими простушками... Согласитесь, во всём огромном белом свете один я способен окружить себя свитой из услужливых богинь, – Нобунага вызывающе рассмеялся. – Чувствую себя Зевсом.

– Похоже, мои солдаты их прогневали, – продолжал Нобунага. – Впрочем, чего ещё ожидать от невежественных мужланов, которые только и умеют, что драться... Пришлось всех срочно отсюда уводить, – он чуть подался вперёд, сцепив руки на коленях. – И теперь, Кагэтора, нам с тобой никто не помешает.

Такая промолчал.

– Я, знаешь ли, очень хотел поговорить с тобой не спеша. Насладиться твоим тигриным взглядом... Я ждал, что ты придёшь.

– Мне с тобой говорить не о чем, – ответил Такая резко. – Отпусти Юзуру, немедленно.

– Не торопись, – Нобунага усмехнулся себе под нос. – В море было весело... Похоже, кое-какая сила у тебя есть, но ты слишком потратился за один раз. Сейчас ты не выдавишь из себя даже капли... Ты бледен. Тебе тяжело стоять?

Такая сощурился, словно хищная птица.

– Я сказал, опусти Юзуру. Быстро.

– Можешь не напрягаться. Всё равно сражаться ты не в состоянии – так зачем самому рыть себе могилу?

– Ублюдок...

– А что, если я скажу «нет»? – перебил его Нобунага издевательским тоном. – Если я скажу: «Не отпущу»? Ха-ха!.. Убьёшь меня, да? Ну давай, попробуй. Единственным, кого ты в этом случае убьёшь, будет Нарита Юзуру, – Такая вздрогнул. – Поднимется ли у тебя рука на друга?

– Тогда я вырежу эту штукину ножом... – выдавил Такая сквозь стиснутые зубы.

– Мне жаль тебя разочаровывать, но Зерно Дьявола не исчезнет даже со смертью тела. Всё, оно уже пустило корни в душе.

Нобунага медленно поднялся, обвёл всех троих надменным взглядом и сказал:

– Ну? Что будешь делать, Кагэтора?

Такая ещё сильнее стиснул зубы.

– Поступай со мной как хочешь, я не возражаю. Что же ты медлишь? Разве ты не собирался освободить Нариту от меня? Или ты не можешь?

Нобунага, всё с той же вызывающей улыбкой на губах, двинулся вперёд. Шаг, другой, третий... От него веяло такой угрозой, что молодые люди были вынуждены отступить. И потом, они не могли навредить Юзуру...

– Вас трое, а я один... И вы ничего не можете? В вашей жизни было слишком много мирных дней? Да-а, опустились якши Уэсути...

– Чёрт...

– Погоди, Чиаки!

Но Чиаки, не слушая предостережений, ударил силой. Нобунага не суетясь поднял правую руку и заслонился щитом. Посыпались искры, бамбуковые занавеси в проёмах между столбами покачнулись от ветра.

– Ха-ха-ха! И это всё? Детские забавы, право слово...

– Замораживающая волна! – не обращая на него внимания, крикнул Чиаки. – Нужно заморозить Зерно!

– Погоди... Чиаки!..

– Харуиэ, давай!

Чиаки и Аяко выступили вперёд, заслоня собой Такаю, и, собрав силу в кончиках пальцев, одновременно выпустили волну.

– Ха!

Ледяной, обжигающий кожу луч сорвался с их рук и устремился к голове Юзуру, но Нобунага даже не изменился в лице.

– Зря стараетесь! – бросил он, отбивая импульс.

– Кх!..

Обратной волной Чиаки и Аяко отшвырнуло к самым подмосткам.

– Харуиэ! Нагахидэ!

Такая кинулся было к ним, и тут Нобунага прыгнул. Перемахнув через голову Такаи, он приземлился на расстоянии вытянутой руки, перегораживая ему путь. Такая опешил. Нобунага схватил его за ворот и что было силы отбросил в сторону.

Перелетев через площадку для представлений, Такая рухнул на дощатый настил выступающего в море пирса и скорчился на полу. Нобунага снова прыгнул и, беззвучно опустившись в центре огороженной площадки, завис в сантиметре от поверхности. Скрестив руки на груди, глядя на Такаю сверху вниз, он презрительно рассмеялся.

– Жалкое зрелище, Кагэтора.

Превозмогая боль, Такая поднял на него ненавидящий взгляд.

– Ублюдок...

– Не хватает сил даже на защиту? Бедняжка...

Чиаки и Аяко, обездвиженные ударом, ничем не могли ему помочь. Нобунага приземлился на пол и двинулся в сторону Такаи с жестокой улыбкой на губах.

– Ну же, сопротивляйся.

Такая невольно попятился. Нобунага медленно надвигался на него, пока они не оказались на краю пирса.

– В чём дело? Нападай! Хотя бы попробуй – неужели у тебя и на это не осталось воли?

Такая молчал.

– Я вижу испуг на твоём лице... – Нобунага недобро сощурился. – Нет ничего приятнее для глаз, чем лик испуганного зверя... Это приятнее, чем сжимать в объятиях женщину... Подчинять себе сильных – вот высшее моё наслаждение!..

Отступая, Такая споткнулся об основание бронзового фонаря и сполз вниз. Это был самый край. Внизу плескались волны. Дальше отступать было некуда.

Такая, не желая сдаваться, наградил Нобунагу яростным взглядом.

– Да-да, этот взгляд... – пробормотал тот с довольным видом. – Дай мне почувствовать это... Насытиться этим... Я не убью тебя быстро. Я не убью тебя легко!

Такая, стиснув зубы, из последних сил взывал к Юзуру. «Услышь меня! – мысленно кричал он. – Сопротивляйся!»

– Тебя ждут такие изошрённые пытки, на какие у меня только достанет фантазии. Ты будешь кричать, пока не сорвёшь голос. А потом, когда ты наконец умрёшь, я возьму твой череп, оправлю в золото, и буду пить из этой великолепной чаши красное как кровь вино!

«Юзуру!..»

Нобунага занёс руку, собирая на ладони энергетический шар.

– Ну же, порадуй меня!

Шар сорвался с его пальцев. Такая рефлекторно выставил купол, и в воздухе посыпались искры. Но враг не знал пощады.

– Бесплезно, Кагэтора!..

И тут Нобунага вздрогнул.

«Что это?..»

Его виски пронзила острая боль – та самая боль. Нобунага застонал и схватился за голову.

– А-а-а...

– Юзуру!.. – встрепенулся Такая.

– А, дьявол... Нарита...
– Юзуру!
– Проклятье... Не мешай!
«Сейчас!..»

Такая среагировал мгновенно. Выжав последние силы, он выпустил замораживающую волну... Но Нобунага был не так прост.

– Не выйдет!.. – крикнул он и нанёс встречный удар.

Два импульса столкнулись в воздухе... и замораживающая волна рассеялась. Нобунага оказался сильней.

– Чёрт...

И Нобунага не мог не заметить, что Такая был теперь полностью беззащитен.

– Вот и всё, Кагэтора!

«Мне конец...»

Тогда-то это и произошло.

Вода за спиной Такаи взметнулась вверх, словно открывшийся гейзер.

– Что?..

Нобунага вытаращил глаза. Позади Такаи возникла белая тень, и в тот же миг его руки поползли вверх, будто кто-то потянул за ниточки. Он и сам не понял, что делает – просто вдруг почувствовал жар за спиной, потом этот жар разлился по всему телу, а в следующую секунду с его пальцев опять сорвалась замораживающая волна.

Белый луч ударил Нобунаге в лоб. Тело Юзуру отлетело назад, и он упал навзничь на площадке для представлений.

«Что это было?..»

Такая не понимал, что случилось. Всё произошло помимо его воли. Он ничего не делал, но его руки действительно произвели волну.

Возникшую за спиной Такаи белую тень удалось разглядеть Чиаки, без сил лежавшему поодаль.

«Неужели это...»

Чиаки явственно видел фигуру мужчины в одеждах монаха-воина, с белым колпаком на голове. И он знал, как звали этого мужчину.

«...господин Кэнсин?..»

Поднятая вверх вода солёным дождём обрушилась Такае на плечи. Фигура Уэсуги Кэнсина исчезла, растворившись среди брызг.

Вода лилась сверху, пропитывая деревянный настил. Капли падали и на лежащего без сознания Юзуру. Зерно Дьявола у него во лбу застыло в ту же секунду, как в него попала волна, и дистанционный контроль Нобунаги прервался.

Такая сидел, вытянув ноги, и смотрел в пустоту. Капли стекали по его лицу, но он не замечал их – не замечал этого непрекращающегося дождя, своей мокрой одежды, потёков на дощатом полу... Он сидел совершенно неподвижно.

Через несколько минут всё стихло. В воздухе над святилищем остался лишь туман.

Такая просидел так довольно долго – не спеша поднимать ни Юзуру, ни Аяко с Чиаки, – просто сидел и смотрел перед собой затуманенным взором. Ничто больше не двигалось в святилище Ицукусима, кроме неутомимых волн.

«Кончилось?..» – подумал Такая отрешённо. «Всё ли на этом кончилось?..»

«Всё», – отвечал ему чей-то голос.

«Точно?» – переспросил Такая.

«Точно», – голос принадлежал женщине. «Всё кончилось...»

Голос зазвучал громче, эхом разносясь под сводами святилища, и большая птица опустилась на площадку для представлений. Красная птица, похожая на павлина... Священный феникс, существо из легенд.

Такая безмолвно смотрел на неё расширившимися от удивления глазами. Он знал, кого видит перед собой.

«Спасибо», – сказала птица-феникс.

Её голос, проникающий, казалось, в самое сердце, был столь красив и мелодичен, что не мог принадлежать смертной женщине.

Богиня, решил Такая, потому что каждая нотка этого голоса дышала святостью.

Такая не знал, как она выглядела в бытность свою человеком, каких удостаивалась похвал. Но он знал, что её душа – прекрасна.

«Теперь тебе нужно спать», – сказала птица.

«Да, – ответил Такая, прикрывая глаза. – Я понимаю...»

Прекрасная птица расправила крылья, и позади показалась ещё одна, похожая, но поменьше. Когда большая птица взлетела, маленькая последовала за ней. Богини поднялись в воздух и, сделав круг над горой Мисэн, заспешили на запад, туда, где море уже окрашивалось в цвета закатного солнца.

Такая провожал их взглядом, пока картинка не начала расплываться, а потом снова закрыл глаза.

Волны мягко накатывали на берег, приятно лаская слух – спокойные волны, они словно омывали сердце... А вокруг стояла тишина.

«Скоро я проснусь», – думал Такая, чувствуя, как холод сковывает тело.

«Страшный сон подходит к концу...»

Очень длинный, очень страшный сон, который закончится, стоит только открыть глаза. Да, сон закончится, и вокруг снова будет реальный мир...

«Мир, в котором ты есть...»

Там, у изголовья, обязательно будет стоять он. И он, как обычно, улыбнётся ласково и скажет: «Уже проснулись?»

Такая никогда не видел, как Наоэ спит. Всякий раз, когда он просыпался, Наоэ был рядом, ожидая его пробуждения – так, что Такая недоумевал, а спит ли он вообще.

Так будет и на этот раз.

«Наоэ... Наверное, проснувшись, я расплачусь как ребёнок, но ты ведь утетишь меня – потечески, как ни в чём не бывало... Успокоишь своим ласковым взглядом...»

Кошмар подходит к концу... В какой именно момент сон подменил собой реальность?.. Непонятно... Но скоро всё это кончится.

«Скорей бы... Хочу услышать твой голос...»

Такая сидел, прислонившись к основанию фонаря. Ему было холодно, больно и страшно – казалось, он сейчас окоченеет от страха.

«Пожалуйста, – мысленно шептал он, – не оставляй меня одного посреди этого кошмара... Мне плохо здесь, разбуди меня скорей... Я готов умолять, если нужно...»

Только скорее...

«Пусть даже это не любовь, а ненависть...»

Пусть это будет ненависть, раз нельзя иначе. Пусть это будет отчаяние, пусть это будет похоть... Пусть.

«Я просто хочу, чтобы ты был рядом».

Волны накатывали на берег. Такая, устало прислонившись к фонарю, медленно опустил голову на грудь.

«Когда я проснусь, сможем ли мы найти его, Наоэ?.. Наше высшее, единственно правильное состояние...»

Ведь должен же он существовать – итог пути...

Столько дум передумано... Столько слёз пролито...

«Мы обязаны его найти».

Морская гладь засияла всеми красками заката. Такая едва уловимо улыбнулся, думая о грядущих счастливых временах. Он слышал нежный шелест волн... И голос:

«Вам приснился страшный сон?»

Эпилог

НЕСКОНЧАЕМЫЙ СОН

После битвы за Ицукусиму прошло три дня.

Инцидент с «Ямато» усилиями Такаи и его товарищей был полностью исчерпан, и жизнь на Миядзиме снова вошла в привычное русло, словно всё случившееся было не более чем сном.

Но слишком многие видели произошедшее среди бела дня сражение, и поднявшуюся вокруг него шумиху трудно было унять. Статьи с фотографиями вышли во всех газетах страны, толпы журналистов собрались на Миядзиме и освещали событие в течение нескольких дней. Масштаб этой кампании был настолько велик, что даже правительство, в конце концов, начало расследование.

Между тем, Ода вернулись в свою родную провинцию Овари. Отступившая из моря Аки флотилия Куки повстречалась с флотилией Мураками. Большое сражение, в новости, впрочем, не попавшее, окончилось победой Мураками, и Куки, хотя и не был полностью разбит, потерял половину своих кораблей.

Ситири и остальные монахи Иккосу уехали обратно в Осаку. Райрю нигде не могли найти, но Райрэн переродился и снова вернулся в строй.

Яманака Сиканоскэ и его люди остались с Одой. Суэ Харуката отправился на тот свет, а о судьбе Киккавы Мотохару, которого тоже, предположительно, накрыло изгоняющей волной, до сих пор ничего не было известно.

Но лица вернувшихся в Хиросиму были мрачны, и вовсе не окружающая суэта была тому причиной... В послеобеденный час третьего дня после битвы Мацуяма Сацки и Хокамура Наруми пришли навестить остановившихся в городском отеле Уэсуги.

– Огромное вам спасибо, – низко поклонились девушки. Дело было в вестибюле отеля, где их встретила Аяко.

– Главное, что с вами всё в порядке.

Аяко выглядела измождённой. Её глаза покраснели и опухли, словно от недавних слёз.

Томо-химэ, как и обещала, вывела находившуюся в заложниках Сацки из лагеря Оды, воспользовавшись всеобщим смятением. Когда Аяко и остальные нашли их на станции парома, Томо-химэ уже покинула тело, и Наруми стала сама собой. Девушки сидели, прижавшись друг к другу, в зале ожидания... Потом они все вместе вернулись в Хиросиму.

– С родителями уже связались?

– Да, – ответила Наруми. – Они были здесь, в городе – волновались за нас, поэтому и приехали. Скоро мы уезжаем домой – вот, пришли попрощаться.

– Как они все нас замучили, – вздохнула Сацки. – Полицейские всё выспрашивают, учителя тоже с ума сходят – они, видите ли, никуда не поехали, когда выяснилось, что пропала и я. Теперь нам с утра до ночи читают нотации – нет бы радоваться, что мы нашлись... Скажи, Наруми?

Аяко перевела взгляд на Наруми.

– А как ты себя чувствуешь? Ничего не болит?

– Болеть не болит... – лицо девушки стало печальным, – но чувства Томо-химэ остались во мне, и теперь немного грустно... Из-за Исари-химэ, и вообще...

Душа Исари-химэ, соединившаяся со скалой Канман, была обречена пребывать в камне едва ли не вечно. Она стала божеством и не имеет больше права на реинкарнацию.

– Прежде чем выйти из моего тела, Томо-химэ сказала: «Я буду и дальше служить госпоже Ян Гуйфэй. До тех пор, пока сестра моя пребывает в этом мире, я не стану перерождаться человеком», – и желала мне счастья, которое не выпало на долю Исари...

– Вот как...

– Томо-химэ постоянно думала о ней – всё то время, что находилась в моём теле. В мыслях не переставала просить прощения... – Наруми подняла голову и улыбнулась. – Вот закончим школу, и снова поедem с Сацки на Миядзиму. Хочу рассказать Исари-химэ о том, что чувствует её сестра, чтобы ей было не так грустно...

– Обязательно поезжайте. Она обрадуется...

– А скажите, – перебила Сацки, – как там Нарита? Вы тогда отвезли его в больницу... Его ещё не выписали?

– Ещё нет, – ответила Аяко. – Он пришёл в себя, но сильно истощён, поэтому лежит под капельницей. Врачи говорят, ещё два-три дня...

– Понятно... Как же он меня тогда напугал! Ода Нобунага, ишь ты... Нет, правда, сумасшедшая была неделя... Столько всего случилось – как в страшном сне...

Сацки интуитивно понимала это, несмотря на то, что события, произошедшие, пока она была под гипнозом, не отложились в памяти. Потом она просила Аяко рассказать ей всё от начала и до конца, но та лишь ответила: «Такая со всем разобрался», и простодушная Сацки удовлетворилась этим объяснением.

– В общем, передайте Оги от нас спасибо. Жаль, конечно, что нельзя с ним увидеться, но если он так устал... Может, мы ещё когда-нибудь где-нибудь и пересечёмся.

– Да... Я передам.

– Ага, и ещё скажите, чтоб не заставлял Нариту слишком сильно за него волноваться. Нарита – хороший парень, такие сейчас редкость. А Оги, говорят, раньше был трудным подростком... Короче, пусть побережёт его нервы...

Аяко молча кивнула. Наруми, которая имела некоторое представление о происходящем, робко сказала:

– Пожалуйста, не грустите. Всё образуется. У вас такое усталое лицо... Отдыхайте, и пусть остальные тоже...

– Спасибо, – Аяко заставила себя улыбнуться. – Вам тоже удачи, и – оставайтесь друзьями.

– Хорошо...

– Ну разумеется, останемся! Нет ничего на свете крепче женской дружбы! Жизнью друг за друга рискуем...

При виде её радостной непосредственности Аяко улыбнулась, на этот раз от души.

А потом Наруми и Сацки, весело переговариваясь, ушли. Аяко с улыбкой помахала им рукой, но, стоило девушкам скрыться из вида, как на её лицо снова набежала тень.

После трёх дней непрерывных рыданий её глаза покраснели, а веки словно налились свинцом.

«Наоэ...»

Снова смахнув непрошеную слезу, Аяко вскинула голову и твёрдой походкой направилась в номер.

В коридоре она столкнулась с Чиаки, который только что вышел из комнаты.

– Нагахидэ...

– Привет. Барышни уже ушли?

Чиаки тоже выглядел крайне утомлённым. После того как Такая, израсходовав все свои силы, отключился, именно ему пришлось улаживать последствия, и вряд ли у него было время как следует отдохнуть... Но эмоционально из всех троих Чиаки оказался наиболее устойчив. Конечно, смерть Наоэ была ударом – даже он не мог этого скрыть, но ему хотя бы удавалось держать себя в руках.

– Да... Кажется, у них всё хорошо...

– Только что со мной связался разведчик из Хаги... Хаккая до сих пор не нашли. Предполагаемые останки Наоэ забрала полиция – пытаются установить личность. Что касается души, то она, по-видимому, очистилась. На месте – ничего, да и не было у Наоэ сил, чтобы остаться.

– Понятно...

– Кагэтора пришёл в себя.

Аяко вскинула глаза. Такая как заснул тогда, так и спал трое суток.

– Пришёл в себя? И как он? В здравом уме?

Чиаки нахмурился и опустил голову.

– Там сейчас Котаро... В любом случае, походи к нему, попробуй с ним поговорить...

– Поговорить?..

– С ним... не всё в порядке.

Кровь отхлынула от лица Аяко.

– Что значит «не всё в порядке»?

Чиаки не ответил. Аяко кинулась к двери и заколотила в неё кулаком, другой рукой лихорадочно нажимая кнопку интеркома.

– Котаро! Открой! Впусти меня сейчас же!

Через некоторое время дверь открылась.

– Какизаки-доно...

– Кагэтора!..

Чуть не сбив с ног стоявшего на пороге Котаро, Аяко пулей влетела в комнату – и остановилась.

Одетый в пижаму Такая сидел на постели и смотрел в окно, но, заметив Аяко, обернулся и со спокойной улыбкой сказал:

– Что случилось, Харуизэ?

Аяко едва не сползла на пол от облегчения. Такая бросил на неё недоумённый взгляд.

– Что? Что-то не так?

– Кагэтора...

Подстёгнутое словами Чиаки воображение успело нарисовать Аяко множество страшных картин, но Такая выглядел и вёл себя как обычно: говорил вполне осмысленно, и в глазах его светился разум. Аяко не видела ничего, что было бы «не в порядке».

– О господи, ну зачем так пугать... Всё же нормально!..

– Да ну тебя, – рассмеялся Такая. – Я в норме, можешь не волноваться. Лучше скажи, как там Юзуру. Ты к нему ходила? Он поправляется?

– Да, но врач сказал, надо полежать ещё два-три дня... Его сознание не вполне устойчиво...

– Хорошо, я схожу к нему потом. Говорят, с Хаккаем потеряли связь?

– Да, хотя поиски пока продолжаются. Он поехал в Хаги, это известно точно, а вот что с ним стало потом...

«Понятно», – пробормотал Такая, а потом повернулся к Аяко и с извиняющей улыбкой сказал:

– Ты устала? Плохо выглядишь. Дальше я всё сделаю сам, поэтому отдыхай.

– Хорошо...

Ободряющие слова Такаи были ей как бальзам на душу, и Аяко снова пришлось вытирать наворачнувшиеся слёзы.

– Не плачь, – Такая легонько похлопал её по голове. – Выпьешь чего-нибудь горячего? Я бы тоже не отказался... Как насчёт кофе?

– Угу...

– Отлично, – сказал Такая и позвал: – Наоэ!

Аяко вздрогнула и подняла удивлённое лицо. Такая, как ни в чём не бывало, обращался к Котаро:

– Налей Харуиэ горячего кофе.

Котаро явно чувствовал себя не в своей тарелке. Перехватив изумлённый взгляд Аяко, Такая выгнул бровь.

– Что-то не так?

– Кагэтора... что ты сейчас сказал?..

– Попросил принести тебе кофе. Ты же хочешь? – ответил Такая и рассмеялся. – Всё хорошо, что хорошо кончается. Знаешь, в какой-то момент я серьёзно перепугался... Но вот, всё разрешилось наилучшим образом! Наоэ снова видит, и Юзуру удалось освободить... Нет, правда, как хорошо...

Аяко замерла с открытым ртом, физически ощущая, как румянец сходит со щёк. Она, наконец-то, начала понимать, о какой аномалии говорил Чиаки: Такая принимал Котаро за Наоэ.

– Кагэтора...

Такая вопросительно посмотрел на неё.

– Держи себя в руках!.. Это не Наоэ, это Котаро!..

На лице Такаи было написано полное непонимание.

– Что за ерунду ты говоришь, Харуиэ?

– Ерунду здесь говоришь ты! Это Котаро, а не Наоэ!.. Опомнись уже, наконец!

Такая внимательно посмотрел на неё и сказал:

– Что с вами стряслось? Какие-то вы все странные...

– Это не мы странные!

– Наоэ, – снова обратился он к Котаро. – Ну ты-то чего молчишь, скажи что-нибудь!

– Кагэтора! – Аяко, не выдержав, повысила голос. – Наоэ мёртв! Он не смог переродиться, его больше нет на этом свете!

– Мёртв?.. – Такая только глазами хлопал. Он не притворялся, он в самом деле не понимал.

– Ты что, головой ударилась?

– Опомнись!

Аяко, чуть не плача, схватила Такаю за плечи и что было силы затрясла.

– Я понимаю, это было шоком... Но не только для тебя!.. Ни я, ни Нагахидэ сначала не хотели верить!.. Я реву три дня, все слёзы выплакала... Но реальность есть реальность, и никуда от неё не денешься!.. Котаро тому свидетель, да и оплавившийся пистолет они нашли... Мы обязаны смотреть правде в глаза! Думаешь, тебе одному плохо? Я тоже не знаю, что делать теперь!..

– Харуиэ, – твёрдо произнёс Такаю, отрывая от себя её руки. – Успокойся. Это ты должна, наконец, опомниться.

– Кагэтора...

– Ты что-то сказала про Котаро? Он что-то с вами сделал? Неужели... Неужели тебе кажется, что Наоэ – это Котаро?

Аяко вскочила со стула, схватила Котаро за руку и, не дав ему вымолвить ни слова, вытащила в коридор.

– Что это такое, а?! Что ты с ним сделал?!

Аяко, дёрнув Котаро за ворот, прижала его к стене. Котаро оставался невозмутим.

– Я ничего не делал, – ответил он, слегка сдвинув брови.

– Быть этого не может! Сейчас же переделай всё обратно! Ты загипнотизировал его, чтобы он видел в тебе Наоэ!.. Мерзавец, и зачем это только тебе понадобилось?!

– Говорю же, это не я! Сабуро-доно сам ввёл себя в заблуждение! Я не накладывал никакого гипноза, я просто был там, когда он проснулся. Он открыл глаза и назвал меня «Наоэ». Сам.

– Так что же, Кагэтора...

Аяко потрясённо замолчала.

Способность Такаю к самоубеждению проявилась с неожиданной стороны. Теперь понятно было, почему он оставался спокоен на всём протяжении битвы: он просто не поверил, что Наоэ мёртв. Отказываясь примириться с действительностью, он убедил себя в том, что всё происходит во сне, и стоит ему проснуться, как Наоэ снова будет рядом.

«Открыв глаза, я увижу тебя», – сказал он и запретил себе сомневаться. Поэтому Котаро, которого он увидел первым после пробуждения, отразился в его глазах как «Наоэ».

– Сколько ни указывай ему на ошибку, он не понимает – ты сама видела. Он абсолютно уверен, что прав. В остальном с его памятью и оценкой происходящего всё в порядке...

Аяко онемела. Она не знала, как назвать то, чему они стали свидетелями.

Не желая признавать смерть Наоэ, Кагэтора принялся бежать от реальности. Он бежал и бежал, пока, наконец, не обнаружил себя загнанным в угол. И тогда, под угрозой поражения, чтобы не сломаться самому, он решил сломать реальность – намеренно исказив своё сознание.

Это было так дико, так невыносимо печально... Аяко словно приросла к месту.

«Кагэтора...»

Мягкий солнечный свет струился через окно. Новые листья на деревьях в Парке Мира зеленели настолько ярко, что Такаю невольно сощурился.

Тем временем Аяко вернулась в комнату. Заметив её, Такаю спросил:

– А где Наоэ?

Аяко слегка поджала губы. Котаро был прав – это не гипноз и не притворство. Такаю в самом деле принимал его за Наоэ. Аяко подошла к кровати, села на стул и вздохнула.

– Пошёл домой звонить, скоро вернётся, – мрачно сказала она.

– Понятно...

С облегчением улыбнувшись, Такая снова повернулась к окну. Аяко наблюдала за ним полным отчаяния взглядом.

Деревья в новом убранстве, купаясь в лучах яркого солнца, ослепляли зеленью. Некоторое время Такая молча разглядывал раскинувшийся внизу парк, а потом вдруг позвал:

– Харуиэ...

– Что?

– Когда Наоэ вернётся, пойдём поедим где-нибудь вчетвером? Я умираю с голоду.

– Правда? Извини, что не спросила... Давай я закажу что-нибудь в номер.

– Не надо. Вы ведь тоже нормально не ели? Поедим в городе – окономияки, например. Большую-пребольшую порцию!

– Кагэтора...

– В Хиросиму приехали, а ничего вкусного так и не пробовали... Ну и вообще, мы давно никуда не ходили вчетвером. С деньгами туго, конечно, но я думаю, Наоэ нас угостит.

При виде того, как беззаботно он смеётся, у Аяко защемило в груди. Такая продолжал с бесхитростной улыбкой:

– И Мие надо купить какой-нибудь сувенир – не возвращаться же с пустыми руками.

Аяко, не выдержав, уронила голову Такае на колени и расплакалась. Такая опешил.

– Нэ-сан?

Аяко вцепилась в него руками. Её плечи вздрагивали от безудержных рыданий.

– Что случилось?

Аяко не отвечала. Перепуганный Такая сперва пытался заглянуть ей в лицо, а потом его взгляд потеплел.

– Харуиэ...

Он молча поднял руку и принялся гладить её мягкие длинные волосы – как делают, чтобы утешить тех, кому больно или плохо.

Аяко плакала, давась слезами. Город чуть слышно шумел за окном, и в лучах проникавшего в комнату солнца лицо Такае было спокойным.

Бывает, люди плачут, проснувшись после кошмара, думал Такая. Поэтому, наверное, плачет и она... И он сказал ей тихо:

– Да, нам приснился страшный сон...

И снова перевёл взгляд за окно.

Не сумев горе превратить в слёзы, он исказил реальность. Это искажение было необратимо. Так колесо судьбы сделало свой второй поворот.

КОНЕЦ